Frederick Forsyth

The Making of an African Legend: The Biafra Story

SHOUT
SHARE
IT

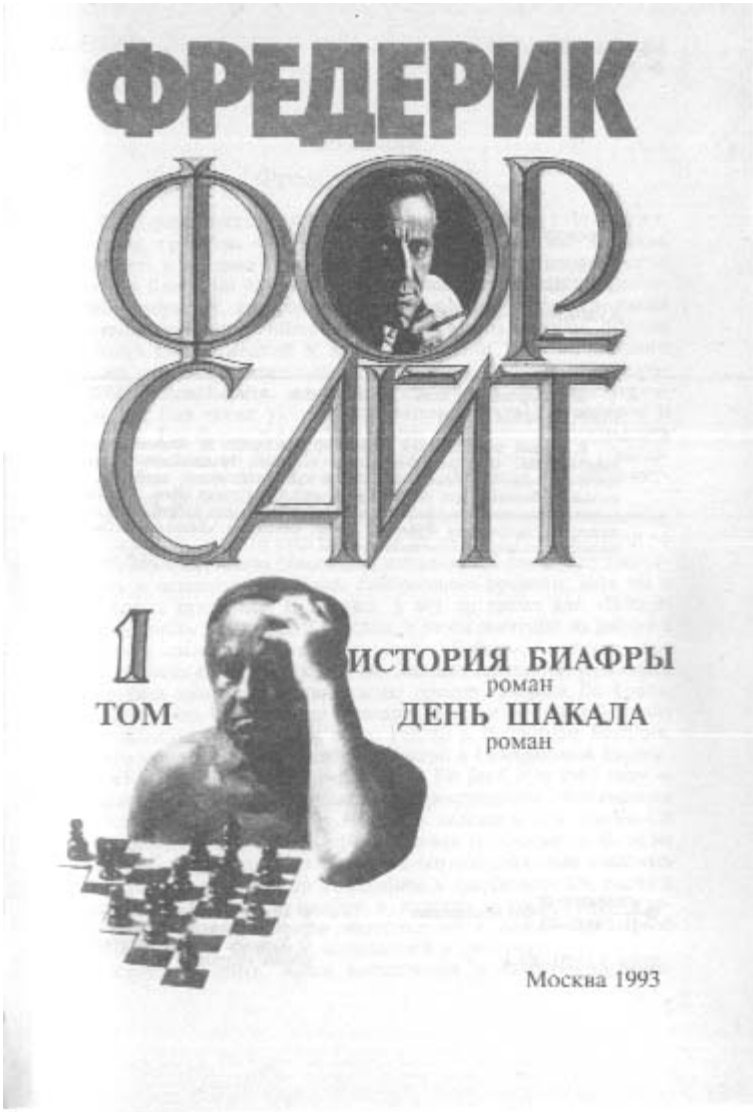
Annotation

В первый том собрания сочинений Фредерика М. Форсайта вошло произведение: «История Биафры» о событиях гражданской войны в Нигерии, основной причиной которой были этнические проблемы, что весьма злободневно для нашей страны сегодня. Книга основана на впечатлениях от работы писателя корреспондентом Би-би-си в Нигерии во время гражданской войны.

- Фредерик Форсайт
  -
  - Предисловие
  - Часть первая
    - ИСТОРИЯ ВОПРОСА
    - Провалившийся переворот
    - Человек по прозвищу Железнобокий
    - Неудавшийся контрпереворот
    - Два полковника
    - Осенние зверства
    - Абури — последний шанс Нигерии
  - Часть вторая
    - Характер Биафры
    - 18 месяцев боев
    - Роль британского правительства
    - Нефть и крупный бизнес
    - Британская общественность
    - Советское проникновение
    - Беженцы, голод и помощь
    - Мирные конференции
    - Проблема геноцида
    - Роль прессы
    - Заключение
    - Пост Постскриптум
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33

Фредерик Форсайт
История Биафры



ИСТОРИЯ БИАФРЫ

роман

Предисловие

Это книга не является беспристрастным отчетом; ее цель — объяснить, что такое Биафра, почему ее народ решил отделиться от Нигерии, и как они реагировали на то, что было им навязано. Меня могут обвинить в том, что я защищаю только биафрцев, и в чем-то это будет справедливо. Это история Биафры, и рассказана она с точки зрения Биафры. Тем не менее, везде, где возможно, я старался найти свидетельства других очевидцев, в частности тех иностранцев (главным образом британцев), которые находились в Биафре, когда началась война; а также тех, кто оставался там все время, таких, например, как группа замечательных ирландских священников из Ордена Святого Духа в Дублине; или тех, кто приехал позднее — таких как журналисты, добровольцы или работники Красного Креста.

Там, где приводится какое-либо мнение, либо цитируется источник, либо мнение это принадлежит мне, и я не буду пытаться скрыть его пристрастный характер. Я убежден, что дезинтеграция Нигерии — не случайный поворот истории, а ее неизбежное следствие. Войну, в которой теперь 14 миллионов биафрцев противостоят 34 миллионам нигерийцев, нельзя назвать благородной борьбой, это — бесплодные усилия, и политика лейбористского правительства Великобритании, направленная на поддержку власти военной клики в Лагосе, это не воплощение всех тех норм, которые Британия должна защищать, а полное их отрицание.

История Биафры не является детальной историей нынешней войны, до сих пор еще многое неизвестно, слишком много такого, о чем нельзя пока еще рассказать, и поэтому любая попытка написать историю войны была бы ничем иным, как созданием обрывочной структуры.

Было бы просто нереально предположить, что 30 мая 1967 года Биафра возникла просто так, на пустом месте, поэтому я начал с краткого рассказа об истории Нигерии до раскола. Необходимо понять, каким образом Британия создала Нигерию, собрав вместе несовместимые народы; как эти народы осознали, что разногласия, существовавшие между ними, не только не исчезли за время британского правления, но стали еще более глубокими; и как та структура, которую оставили им в наследство британцы, оказалась в конце концов не способна сдержать взрывные силы, запертые в ней.

январь 1969 года
Фредерик Форсайт

Умуахья, Биафра.

Часть первая

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Одна из основных претензий к политике Биафры, являющаяся в то же время и доводом в поддержку нигерийской политики войны, поставившей своей целью раздавить биафрцев, состоит в том, что отделяясь, Биафра разрушает единство счастливого и гармонического государства, которое теперь и старается восстановить нигерийский генерал Говон. Однако же за все доколониальное время Нигерия никогда не была единой страной, да и за 60 лет колониализма и 63 месяца Первой Республики только тонкая оболочка скрывала коренные разногласия.

К 30 мая 1967 года, когда Биафра отделилась, Нигерия не только не была счастливым или гармоничным государством, но и за предшествующие пять лет все время переходила от кризиса к кризису, и уже раза три была на грани распада. И хотя в каждом случае непосредственный повод носил политический характер, глубинной причиной была племенная вражда, укоренившаяся в этом огромном, искусственно созданном государстве. Ибо Нигерия всегда была ничем иным, как сплавом народов, объединенных в интересах и в пользу европейского государства.

Первыми европейцами, появившимися в нынешней Нигерии, были исследователи-путешественники, вслед за которыми, привлеченные их рассказами, пришли работорговцы. Первыми были — примерно с 1450 года — португальцы, пестрая коллекция пиратов, которые на побережье у вождей местных племен покупали здоровых молодых рабов с целью перепродажи. Сперва их меняли на золото на Золотом Берегу, позднее переправляли на кораблях в Новый Свет, получая от этого большие доходы.

За португальцами пришли французы, голландцы, датчане, шведы, немцы, испанцы и англичане.

Пока европейские работорговцы наживали состояния, в африканском обществе возникли целые династии, которые процветали на деньги, полученные от посредничества, особенно на острове Лагос и острове Бонни. Проникновению европейцев вглубь континента эти прибрежные царьки всячески препятствовали. Постепенно к торговле рабами добавилась и торговля другими товарами, главным образом пальмовым маслом, древесиной и слоновой костью. В 1807 году британцы запретили работорговлю, и до конца первой половины этого века британские военные моряки наблюдали за прибрежной

торговлей, чтобы быть уверенными в эффективности этого запрета.

Столкнувшись с решением Хобсона заняться исключительно торговлей другими товарами, торговцы не видели особых причин, по которым они должны были по-прежнему продолжать платить деньги местным вождям, и настаивали на том, чтобы их допустили во внутренние области, где они могли бы вести дела непосредственно с производителями. Это послужило причиной крупных разногласий с вождями прибрежных племен. К 1850 году на побережье уже было несколько британских консулов и началось проникновение в области к северу от Лагоса, в тот район, который сейчас известен как Западная Нигерия.

Самым замечательным из этих торговцев был сэр Джордж Голди. К 1879 году этому импозантному пионеру удалось объединить всех британских торговцев побережья в единый боевой фронт, но не против африканцев, а против французов, которые были их непосредственными соперниками.

Голди, а также местный консул Хьювет хотели, чтобы британское правительство вмешалось и объявило район Масляных Рек и Нижнего Нигера британской колонией. Либеральное британское правительство, однако, колебалось, полагая, что заводить в подобных местах колонии — это дорогостоящая и напрасная трата времени. Хотя правительство и отклонило рекомендации Королевской Комиссии, касающиеся Западной Африки (в 1875 году), которая призывала к отказу от уже существующих колоний, оно, по-видимому, не испытывало желания заводить новые колонии. Так что в течение пяти лет Голди вел войну на два фронта: с одной стороны — против французских торговцев, от которых он в конце концов в 1884 году откупился, а с другой стороны — против равнодушия Уайтхолла.

Но в 1884 году настроения в Европе изменились. Германский Канцлер Бисмарк, который до этого относился к идее колоний в Западной Африке так же прохладно, как и Гладстоун, созвал Берлинскую конференцию. В этом же году Германия аннексировала Камерун, расположенный к востоку от сегодняшней Биафры. Конференция собиралась, по-видимому, для того, чтобы дать Бисмарку повод поддержать французские и бельгийские требования о прекращении британской активности в бассейне Конго: деятельности баптистских миссионеров и торговцев из Манчестера и Ливерпуля. В этом он своего добился; конференция провозгласила, что бельгийская компания «Свободное государство Конго» получает право на административное управление территорией Конго. Не желая слишком уж способствовать франко-германскому сближению,

Конференция почти без колебаний закрепила за британцами реку Нигер. Голди присутствовал на Конференции в качестве наблюдателя.

В результате всего этого появился на свет Генеральный Акт Берлинской Конференции, по которому любое европейское государство, которое сможет доказать наличие у него заинтересованности в любом районе Африки, будет принято в качестве Управляющей Державы в этом районе, если только сможет подтвердить, что его управление осуществляется на деле.

Однако британцы все еще не хотели посадить себе на шею еще одну колонию. Поэтому в 1886 году компании Голди была предоставлена «Королевская Хартия на Управление». В течение последующих десяти лет Голди продвинулся на север, устанавливая по мере продвижения монополию на торговлю. На правом фланге он граничил с германцами в Камеруне, и на левом — с французами в Дагомее. Голди больше опасался французов, возглавляемых энергичным Федербом, которого Голди подозревал в желании прорваться из Дагомеи к озеру Чад, чтобы таким образом влиться в общий поток французской экспансии, шедшей в северном направлении из Габона. В 1893 году, в основном благодаря своим собственным усилиям, Голди удалось убедить германцев в Камеруне продвинуться в северном направлении к озеру Чад, сорвав таким образом соединение французов и создав буферное прикрытие на своем восточном фланге. К этому времени французы, руководимые Федербом, завоевали всю Дагомею и продвигались на восток в сегодняшнюю Нигерию. Голди, у которого не было ни людей, ни средств для того, чтобы противостоять французам, слал прочувствованные послания в Лондон. В 1897 году Британское правительство отправило к нему сэра Фредерика Лугарда, солдата и администратора, ранее служившего в Уганде и Ньясаленде. За один год Лугард изгнал французов из Нигерии, в результате чего создалась угроза войны с Францией. Питерский кризис был урегулирован в результате англо-французского соглашения, подписанного в июне 1898 года, по которому устанавливались основные принципы определения границ новой страны.

Британия получила новую колонию, которая не была завоевана или даже толком исследована. У нее даже названия не было, так что потом леди Лугард дала ей имя — Нигерия.

Это была земля очень разнообразная в территориальном, климатическом и этническом отношении. От четырехсотмильного побережья, покрытого переплетением болот и мангровых зарослей, густая полоса влажных тропических лесов шла примерно на 100–150 миль в глубь материка. Эта земля, которая

потом станет Южной Нигерией, была разделена на восточную и западную части рекой Нигер, которая текла с юга, от места слияния с рекой Бенуэ в Локодже. В западной части южных земель главной этнической группой были Йоруба, народ с долгой историей высокоразвитых королевств. Из-за того, что британское проникновение шло через Лагос, западная культура раньше всего дошла до Йоруба и других племен Запада.

В восточной части южных земель жили разные народы, среди которых преобладали ибо, хотя и селившиеся по обоим берегам Нигера, но главным образом к востоку от него. Зная о дальнейшем быстром развитии и успехах, которые в конце концов позволили ибо обогнать другие этнические группы Нигерии в том, что касалось усвоения европейской культуры, странно сейчас вспоминать о том, что ибо и другие народы Востока в 1900 году считались гораздо более отсталыми, чем все остальные народы Нигерии.

Дальше к северу вечнозеленые леса сменяет лесистая местность, переходящая в высокотравную саванну, потом в типичную саванну и наконец в полупустынные саванны и заросли колючих кустарников. Вдоль южного края этого огромного района тянется так называемый Средний Пояс, населенный многочисленными народами, не принадлежащими к группе Хауса. В большинстве своем это язычники и анимисты, которые тем не менее были вассалами империи хауса — Фулани. Север как таковой был собственностью Хауса, Канури и Фулани. Эти последние пришли когда-то из земель, лежащих к Югу от Сахары, как завоеватели и принесли с собой мусульманство.

В течение трех лет Лугард со своей горсткой солдат покорял Север, завоевывая один эмират за другим. Самое сильное сопротивление оказал султанат Сокото. Несмотря на многочисленные армии фулани, Лугард смог победить их с помощью огнестрельного оружия, совсем как в песенке Беллока: «Что бы ни случилось, у нас есть пулемет «Максим», а у них — нет». Магазинные винтовки Лугарда в клочки разнесли конницу султана, и последний бастион фулани на землях Хауса пал.

Лугард является как бы промежуточным звеном между беспорядочным проникновением торговцев и миссионеров и настоящим империализмом. И все-таки его империя не была первой в Северной Нигерии. Между 1804 и 1810 годами Осман дан Фодио, мусульманский ученый и реформатор, возглавил джихад (священную войну) против королевства Хауса и подчинил его власти своих сородичей Фулани. То, что началось как крестовый поход за очищение ислама от находящихся в противоречии с религией обычаев, переросло в поход за землю и

власть. Власть империи Фулани простерлась на юг в земли Йоруба. Джихад был прерван между 1837 и 1840 годами продвижением британцев в районы к северу от Лагоса, и локализовался в Илорине и вдоль линии Кабба. Земли к северу от этой линии стали Северной Нигерией, занимающей 3/5 всей территории Нигерии, на которой проживают более 50 % ее населения. Огромный перевес Севера стал одним из тех факторов, которые в дальнейшем сделали невозможным создание по-настоящему сбалансированной Федерации.

Во время войн Лугарда с эмирами эти последние не пользовались поддержкой большинства своих подданных-хауса, составлявших как тогда, так и сейчас большую часть народов Севера. Однако, одержав победу, Лугард предпочел сохранить власть эмиров, чтобы править через них, а не уничтожить их власть и управлять напрямую. Может быть у него и не было иного выбора: сил у него было мало, Лондон все еще проявлял безразличие, территория, которой надо было управлять, была огромна, и для этого потребовались бы сотни чиновников. А у эмиров уже существовала укоренившаяся структура административного, судебного и фискального управления, распространявшаяся на все их владения.

Лугард предпочел разрешить эмирам править по-прежнему, поставив условием осуществление некоторых реформ, а за собой сохранил роль некоего верховного сюзерена.

Косвенное управление имеет свои преимущества. Здесь не требуются большие затраты британских средств и ресурсов, да и введено оно было мирным путем. Однако, кроме того, введение косвенного управления привело к консервации феодальных структур, поддержке репрессивных мер, предпринимаемых эмирами и их назначенцами, и на многие годы сделало Север неспособным даже к постепенному вхождению в современный мир, сделав бессмысленными любые дальнейшие попытки установления парламентской демократии.

По мысли Лугарда, местное управление, вероятно, должно было начинаться на уровне деревенского совета, затем шел племенной совет, потом власть переходила на региональный уровень, и, наконец, этот процесс должен был привести к образованию репрезентативного национального правительства. Это была чистая теория, и она потерпела крах.

Прежде всего, основной заботой эмиров и их придворных, как и большинства феодальных властителей, было остаться у власти в условиях как можно менее изменившихся. Поэтому они бескомпромиссно боролись против самой большой угрозы их собственному консерватизму — перемен и прогресса,

естественным предвестником которых является массовое образование. И вовсе не было случайностью, что в год провозглашения независимости — 1960 — на Севере, где проживает больше половины пятидесятимиллионного населения Нигерии, была 41 средняя школа, а на Юге — 842; что первый выпуск университета на Севере был подготовлен всего за 9 лет до получения страной независимости. Для эмиров западное образование представляло опасность, и они сделали все возможное, чтобы дать к нему доступ только своим отпрыскам и детям знати.

На Юге, который наводнили предтечи массового обучения — миссионеры, напротив, очень скоро у людей возникло стремление получить образование во всех его формах. К 1967 году, когда Восточная Область вышла из состава Нигерии, в ней одной было больше докторов, адвокатов и инженеров, чем в любой другой стране Черной Африки. На Севере деятельность миссионеров, которая могла бы облегчить этому региону переход к 20 веку, была остановлена Лугардом по требованию эмиров, когда он дал обещание не поощрять апостольскую миссию христианизации к северу от Линии Каббы.

За 60 лет, которые отделяют время Лугарда от Независимости, различия религиозных, социальных, исторических и моральных позиций и ценностей между Севером и Югом, а также образовательный и технологический разрыв не только не сокращались, а постепенно углублялись, до тех пор пока не стало невозможным само существование единой страны, в которой доминировала бы какая-либо из этих территорий.

В 1914 году лорд Лугард объединил Север и Юг для удобства административного управления — по крайней мере на бумаге.

«Чтобы создать как можно меньше административных неудобств» (его собственное выражение), он оставил огромный Север таким, каким он был, и разделил обе администрации. А еще он навязал так хорошо работавшую на Севере теорию косвенного управления Югу, где она потерпела неудачу, особенно в восточной части Юга — на землях Ибо.

Британцы были так заинтересованы в косвенном управлении через посредство местных вождей, что старались навязать этот институт там, где его никогда не было. Бунт в Абе в 1929 году (город Аба находится в самом центре территории Ибо) был отчасти вызван возмущением против навязанных британцами вождей, которых люди отказывались признавать. Было нетрудно навязать что-то северянам, привыкшим к безусловному повиновению, но на Востоке этот метод не сработал. Вся традиционная структура Востока делает его буквально

невосприимчивым к диктатуре, что также является одной из причин нынешней войны. Люди на Востоке постоянно добиваются того, чтобы с ними консультировались во всех касающихся их делах. Едва ли подобная самоуверенность могла внушить колониальным чиновникам любовь к ним, и это одна из причин, почему жителей восточных районов Нигерии считают «чванливыми». Напротив, англичане любили Север. Климат там жаркий и сухой, в отличие от влажного и малярийного Юга, жизнь размеренна и приятна, если ты к тому же англичанин или эмир, карнавалы живописны и оригинальны, а люди послушны и нетребовательны. Будучи неспособными управлять новыми офисами и заводами, северяне довольствовались тем, что импортировали множество британских чиновников и инженеров — и это одна из причин, по которым в Лондоне сегодня существует мощное и горластое пронигерийское лобби из бывших колониальных гражданских служащих, солдат и администраторов, для которых вся Нигерия — это только их обожаемый Север.

Но бреши в общественной структуре, образовавшиеся из-за равнодушия северян к модернизации, не могли быть заполнены одними англичанами. Были рабочие места для клерков, служащих, счетоводов, инженеров, машинистов, банковских кассиров и служащих на заводах и в магазинах, которые северяне не могли занять. Только немногие, очень немногие Йоруба из западной области Юга отправились на Север к новым местам работы. Большая часть этих мест была занята более предприимчивыми людьми с Востока. К 1966 году их было около 1.300.000 (в основном Ибо) в северных районах и еще 500.000 переехали жить и работать на Запад. Разница в степени ассимиляции каждой группы была огромна, и это позволяет разгадать тайну «исключительности» Нигерии, скрытую под легкой вуалью рекламы.

На Западе ассимиляция пришельцев с Востока была полной; они жили на тех же улицах, что и Йоруба, встречались с ними на разного рода собраниях, их дети учились в одних и тех же школах. На Севере по приказу местных правителей — против которого британцы не возражали, — все южане — с Востока ли, с Запада ли — были собраны вместе в «Сабон Гари» или Кварталы иностранцев, нечто вроде гетто за пределами городских стен. Внутри этих гетто «Сабон Гари» шла веселая и яркая жизнь, но контакты их населения с соседями-Хауса были, по желанию последних, сведены до минимума. Образование было сегрегированным, так что бок о бок существовали два совершенно различных общества, а британцы не делали ни малейшей

попытки побудить их к постепенной интеграции.

О периоде между 1914 и 1944 годами можно много не рассказывать, так как в эти годы британские интересы не имели ничего общего с Нигерией. Сначала шла Великая Мировая война, потом наступило десятилетие восстановления Британии и наконец разразился Кризис. Из всего этого на долю Нигерии пришелся краткий период процветания, когда из-за лихорадочной гонки вооружений перед Второй Мировой войной ее сырье шло по хорошей цене. Все это время британская колониальная политика оставалась традиционной и ортодоксальной: поддерживать порядок и закон, стимулировать добычу сырья, создавать рынок сбыта для британских товаров и собирать налоги для оплаты колониального управления. И только между 1945 и 1960 годами, особенно за последние 10 лет этого периода, была сделана серьезная попытка найти формулу развития государства после предоставления независимости. Началось это предприятие катастрофически плохо и так никогда толком не было доведено до конца.

У плохого начала было название: Конституция Ричардса.

В 1944-45 годах губернатор сэр Артур Ричардс (теперь это лорд Милвертон), человек, который по описаниям современников, несмотря на свою глубокую любовь к Северу, умудрился сделаться там непопулярным, совершил поездку по стране для того, чтобы узнать, что думают на местах по поводу конституционной реформы. Именно на Севере ему ясно дали понять, — и с тех пор своей точки зрения не изменили, — что они не желают объединения с Югом. Север согласен был на сотрудничество только при условии, что (I) в новую Конституцию будет заложен принцип раздельного регионального развития и (2) — что у Севера будет около 50 % мест в Законодательных органах (Север-9, Запад-6, Восток-5). Возражения Севера против слияния с Югом, прозвучавшие уже тогда в многочисленных заявлениях их лидеров, в 1947 году были высказаны одним из клана северян — Малламом Абубакаром Тафавой Балевой (потом он станет нигерийским премьер-министром.) Он сказал: «Сэр, мы не хотим, чтобы наши южные соседи были помехой нашему развитию… Я бы хотел с полной ясностью заявить вам, что если британцы уйдут из Нигерии именно теперь, на этом этапе, то народ Севера продолжит свою прерванную борьбу за выход к морю».

Из унитарного государства, которым управляла центральная законодательная власть, в 1947 году (год инагурации Конституции Ричардса) Нигерия превратилась в федеральное государство, состоящее из трех регионов. С самого начала

военных действий между Нигерией и Биафрой лорд Милвертон выступал в палате лордов как защитник единства Нигерии, явно позабыв о том, что именно его конституция оросила семена регионализма, болезни, которая убила Нигерию. Государство, состоящее из трех административных областей, было самым худшим изо всех возможных обществ, поскольку позицией Севера была предопределена попытка сочетать несочетаемое.

В каком-то смысле позиция эта была более реалистична. Северные лидеры не скрывали своих сепаратистских стремлений. Ричардса сменил сэр Джон Макферсон, который ввел новую Конституцию, унитарную по существу. Но вред уже был нанесен. Север понял, что всегда сможет добиться своего, если начнет угрожать отделением, что буквально вгоняло Британию в дрожь, и в 1954 году конституция Макферсона уступила место новой.

На различных региональных конференциях, которые в 1949 году созывал Макферсон, делегаты Севера требовали 50 %-ного представительства для своей области в Центральных органах власти. На Общенигерийской конференции, состоявшейся в январе 1950 года в Ибадане, эмиры Зарии и Кацины заявили, что если Северной области не будут предоставлены 50 % мест в Законодательном Собрании, то они потребуют отделения от остальной Нигерии «на условиях, существовавших до 1914 года». Они получили то, чего добивались, и преобладание Севера в центральном правительстве стало важной характерной особенностью нигерийской политики.

Север потребовал также — и добился — установления самой слабой формы Федерации, и не делал тайны из того, что полагал слияние Севера и Юга в 1914 году ошибкой. И эта убежденность пронизывает все политическое мышление северян в период от окончания II Мировой войны до Независимости. В марте 1953 года политический лидер Севера сэр Ахмаду Белло сказал в палате представителей в Лагосе: «Ошибка 1914 года стала явной, и я бы не хотел, чтобы дело зашло еще дальше».

В своей биографической книге «Моя жизнь» Белло вспоминает о сильном брожении в Северном районе, вызванном стремлением к отделению, и добавляет, что «перспектива эта была очень заманчива». Он признает, что высказался против отделения по двум причинам, ни одна из которых не имеет ничего общего с идеалом Нигерийского Единства, которым были так озабочены британцы. Во-первых, было бы весьма затруднительно собирать таможенные пошлины на протяжении всей сухопутной границы, и во-вторых, было бы невозможно получить выход к морю через территорию соседней независимой страны.

Ко времени проведения конференций 1953 года, в ходе которых вырабатывалась 4-я конституция, Север переменил свои взгляды на сепаратизм: теперь они полагали, что в рамках такой структуры регионы получат наибольшую свободу поступков и действий, а власть Центра будет сведена к абсолютному минимуму.

По поводу этих идей лондонская «Таймс» писала 6 августа 1959 года: «Северяне заявили, что они хотят, чтобы в Центре существовал простой посреднический орган, явно имея в виду нечто вроде Восточноафриканской Верховной Комиссии. Но даже и она связана с центральной Законодательной Ассамблеей, хотя представители Северной Нигерии и заявили, что никакого центрального законодательного органа не будет». То, чего при явной поддержке общественного мнения Области добивались представители Севера, была Конфедерация Нигерийских Государств. Именно этого потребовал полковник Оджукву, военный губернатор Восточной области, в Абури (Гана) 4 января 1967 года, после того как были убиты 30 тысяч жителей Восточной Области, а еще 1.800 тысяч были вынуждены беженцами вернуться на Восток. И даже тогда он потребовал этого только в качестве временной меры, до тех пор пока не улягутся страсти. Если бы северяне в 1953 году, или Восток в 1967, получили то, чего они добивались, то все три Области и по сей день, скорее всего, мирно жили бы бок о бок.

И снова британцы уступили изоляционистским требованиям северян, не увидев никакой опасности в нежелании Севера объединяться. Таким образом победил британский компромисс. Образования государства из нескольких районов для придания стабильности будущей Федерации хотели южане. Британское правительство предложило три района: Север, Запад и Восток — наименее стабильный вариант из всех возможных, но этого же хотели и северяне.

Еще два события, произошедшие за последнее десятилетие перед Независимостью, заслуживают внимания, поскольку они свидетельствуют о нежелании Британии обращать внимание на предупреждения, касающиеся будущей стабильности Нигерии, даже когда подобные предупреждения исходили от их собственных чиновников. В течение всей декады в письменных и устных выступлениях представителей Севера прослеживалось все возраставшее неприятие присутствия в их среде людей с Востока. Ораторы в Палате Представителей Северной Области неоднократно выражали свою глубокую уверенность в том, что «Север принадлежит северянам», а южане должны убраться домой (Большинство этих «южан» были родом из Восточной области).

Отдельные акты насилия против выходцев с Востока случались и раньше, особенно во время кровавых бунтов 1945 года в городе Джос.

В мае 1953 года Кано, крупнейший город Севера, должна была посетить делегация «Группы Действия» — ведущей партии Йоруба. Маллам Инуа Вада, секретарь отделения Северного Народного Конгресса (СНК) в Уано, весьма энергично настраивал общественное мнение против этого визита. В речи, произнесенной за два дня до намеченного срока на встрече руководителей отделений «туземной администрации» Вада сказал: «Те самые южане, которые оскорбляли нас на Юге, решили заявиться на Север и снова оскорблять нас… Поэтому мы собрали в городе около тысячи мужчин, готовых на силу ответить силой…» Визит делегации «Группы действия» был отменен, однако 16 мая начались погромы. Не найдя Йоруба, Хауса взялись за выходцев с Востока вообще, да так, что в официальном докладе, составленном британским чиновником, характер их действий определялся как «совершенно неожиданная степень жестокости».

В своей автобиографии сэр Ахмаду вспоминает, что «здесь в Кано, когда все это случилось, начались схватки между Хауса… и Ибо; и как то ни странно, Йоруба это не затронуло».

Официальный доклад представляет собой честную попытку изложения происшедшего. Его составитель осудил речь Вада как «весьма неблагоразумную и провокационную». Приводя наиболее скромные оценки числа убитых — 504, и раненых — 245 человек, он делает вывод о том, что «все еще существует вероятность, что число убитых гораздо выше зарегистрированного из-за противоречивых свидетельств водителей скорой помощи и грузовиков, которые увозили и живых и мертвых. Далее, оценивая случившееся в целом, он замечает, что никакие провокации — ни постоянные, ни единовременные — ни в коей мере не могут служить оправданием их (Хауса) поведения». Но, возможно, самое примечательное высказывание содержалось в заключительной части доклада: «Семена, из которых выросли беспорядки в Кано 16 мая 1953 года, все еще в земле. Это может произойти снова, и только осознание и признание главных причин, породивших эти события, могут устранить опасность их повторения». Но осознания не произошло, не было даже попытки понять.

В 1958 году британцы, изучая проблему этнических меньшинств, а именно народов, не принадлежащих к большой тройке — Хауса, Ибо и Йоруба — попросили сэра Генри Уиллинка провести исследования и сформулировать рекомендации.

Сэр Генри нашел, что в Восточном районе, который теперь по одностороннему решению Лагоса разделен в 1967 году на три

части, различия между Ибо и меньшинствами, к Ибо не принадлежащими, были настолько незначительны, что их вскоре должен был свести на нет растущий национализм. Довольно странно, но они действительно были в большой мере ликвидированы, но не нигерийским национализмом, а биафрским, а также общностью страданий, причиненных нигерийцами.

Еще одно наблюдение Генри Уиллинка, касающееся Востока. Порт-Харкорт, самый большой город области, был в основном городом Ибо. В доколониальный период это был маленький городок, населенный народом Риверс, однако со временем он вырос в процветающий город и порт, в основном благодаря предприимчивости и инициативности торговцев-Ибо. В самом городе мирно жили рядом Ибо и не Ибо. В мае 1967 года, когда правительство генерала Гавона в Лагосе решило в одностороннем порядке разделить Нигерию на 12 новых штатов, три из них были выделены из состава Восточной Области, и Порт Харкорт был определен столицей штата Риверс, что еще больше оскорбило чувства людей, живущих к востоку от Нигера. После введения Конституции 1954 года прошло еще 5 лет переговоров о будущей форме Нигерийского государства и Пятой конституции. 1 октября 1960 года Нигерия, громко восхваляемая и дома и заграницей, как модель развития для Африки, но к сожалению не более устойчивая за обманчивой наружностью стабильности, чем карточный домик, неверными шагами вступила на путь Независимости. Ни одно из основных противоречий между Севером и Югом не было устранено, сомнения и страхи не развеяны, центробежные тенденции не обузданы. Надежды, стремления и амбиции всех трех областей все еще противоречили друг другу, так что структура, которая была разработана с целью укрепить запоздалое чувство единения, была неспособна устоять под ударами, которые в дальнейшем обрушились на нее.

Уолтер Шварц в своей книге «Нигерия» пишет: «Результатом 10 лет переговоров между правительством и теми, кем оно управляло, стал продукт далеко не лучшего качества. Нигерия стала независимым государством с федеральной структурой, которую уже через два года подорвали чрезвычайные обстоятельства, а еще через пять лет она рухнула и, наконец, была уничтожена двумя военными переворотами и гражданской войной»[1]

Новая Конституция оказалась крайне запутанным соединением взаимозависимости и взаимоограничения прав и гарантий, слишком утопичной, чтобы противостоять той беззастенчивой борьбе за власть, которая охватила Нигерию

почти сразу после получения Независимости.

В Африке, как и повсюду, власть означает успех и процветание не только для того, кто держит ее в руках, но и для его семьи, для того места, где он родился, и даже для целого района, откуда он родом. И как результат существует множество людей, которые пойдут на все, чтобы получить эту власть, а получив, превзойдут самих себя, чтобы ее удержать. Выборы 1959 года (т. е. до Независимости), на которых кандидаты Юга во время их предвыборной кампании на Севере подвергались запугиваниям, дали представление о том, что еще предстоит. Это были последние выборы, на которых руководителями и наблюдателями были главным образом чиновники-англичане, сделавшие все, что было в их силах. На последующих выборах манипуляции с голосованием и убийства стали более или менее в порядке вещей.

Тем не менее, в результате выборов 1959 года в Нигерии появилось правительство. Основная схема грядущей борьбы за власть была уже выработана, и почти точно следовала направлениям регионализма, заложенным двенадцатью годами раньше в злополучной конституции Ричардса. На Востоке господствовала партия Национальный Совет Нигерийских Граждан (НСНГ),[2] возглавляемая доктором Ннамеди Азикиве, пионером западноафриканского национализма, борцом с многолетним стажем (хотя и миролюбивым) за нигерийскую независимость. В самом начале ее существования у НСНГ были все задатки по-настоящему национальной партии, но затем, с возникновением (вслед за принятием Конституции Ричардса) других партий, чьи лозунги были полностью региональными, а не политическими, он все больше и больше оттеснялся на Восток. Тем не менее, сам Азикиве все еще предпочитал более пан-нигерийскую атмосферу Лагоса, хотя после провозглашения независимости уже пять лет был премьер-министром Восточной области.

В Западной Области преобладающее влияние имела партия Группа Действия вождя Обафеми Аволово, чьи лозунги и цели были почти полностью рассчитаны на Йоруба. Аволово уже пять лет был премьером Запада.

Северная Область была сферой влияния Северного Народного Конгресса (СНК), лидером которого был сардауна эмирата Сокото сэр Ахмаду Белло. Трехсторонний баланс сил существовал уже в течение пяти лет — с выборов 1954 года, на которых СНК в коалиции с НСНГ, у которых было 140 мест из 184, отбросил Группу Действия Аволово в оппозицию.

Выборы 1959 года пошли по проторенному пути: в

расширенной Палате Парламента СНК, победив в Северной Области, получил 148 мест, НСНГ — в Восточной Области и в той части Западной Области, которая сейчас называется Средний Запад и населена народами, не принадлежащими к группе Йоруба, — 89 мест, и Группа Действия победила на большинстве территорий йорубаговорящего Запада и получила только 75 мест. Хотя ни у одной из партий не было достаточного большинства, коалиция любых двух из них могла превратить третью в партию оппозиции. После ряда закулисных сделок и поворотов СНК заключил сделку с НСНГ, и все пошло как прежде, а Аволово был обречен еще на пять лет бесплодной оппозиции.

Уже в 1957 году после последней Конституционной Конференции был назначен федеральный премьер-министр. Им стал альхаджи Абубакар Тафава Балева (Хауса), заместитель председателя СНК, до этого исполнявший обязанности министра транспорта. Было не удивительно, что сэр Ахмаду, лидер большинства СНК, который и сам бы мог занять этот пост, отказался поехать на Юг и возглавить страну. По его собственным словам, он вполне довольствовался тем, что послал своего «заместителя» для выполнения этой работы. Употребленные выражения ясно показывают, каковы будут отношения между Федеральным премьер-министром и премьером Северной Области, и где находится сосредоточение реальной власти.

И вот в такой-то форме Нигерия и вступила в период сомнительной Независимости. Вскоре после этого доктор Азикиве был назначен первым нигерийским Генерал-губернатором, и премьерство в Восточной Области перешло к его N 2 — доктору Майклу Окпаре. На Западе вождь Акинтола уже победил Аволово в борьбе за пост премьера, и этот последний возглавил оппозицию в Федеральном Парламенте. Сардауна остался властителем на Севере.

История Нигерии периода недолгого парламентского правления достаточно хорошо документирована. И изо всех отчетов становится ясно (хотя прямо об этом говорят редко), что традиционная форма парламентской демократии, выработанная в Уайтхолле, оказалась непригодной для существующей этнической структуры, непонятной даже для местных практиков, неподходящей к африканской цивилизации и неосуществимой в искусственно созданной нации, где групповые противоречия, далеко не усмиренные колониальными властями, при необходимости даже могли быть усилены, в качестве полезного орудия косвенного управления. Прошло 12 месяцев независимости и, что нетрудно было предвидеть, в Группе Действия произошел раскол. Эта партия уже 6 лет находилась в

оппозиции и была обречена еще на 4 подобных года. Часть Группы поддерживала Аволово, а остальные — Акинтолу. В феврале 1962 года партийный съезд поддержал Аволово, а парламентская партия заявила что Акинтола виновен в плохом управлении и потребовала, чтобы его убрали с поста премьер-министра.

В ответ на это требование Губернатор Западной Области освободил Акинтолу от его обязанностей, поручив некоему стороннику Аволово по имени Адегбенро сформировать новое правительство Области. Тогда Акинтола достаточно окольным путем апеллировал к Федеральному премьеру. В Западной палате Законодательного Собрания он и его сторонники устроили драку. В конце концов полиции пришлось разгонять их при помощи слезоточивого газа. В Лагосе обладавший большинством премьер Балева смог, несмотря на протесты Аволово, при поддержке этого самого большинства, протолкнуть предложение об объявлении чрезвычайного положения в Западной Области.

После чего Балева назначил туда администратора с правом производить аресты и временно отстранил губернатора. Как бы по счастливой случайности, этим администратором стал один из друзей Балевы.

Посаженные под домашний арест Аволово, Адегбенро и Акинтола поспешно сформировали новую партию — Объединенную Народную Партию (ОНП).

Следующим шагом противников Аволово было назначение расследования по фактам коррупции в Западной Области. Это было полезное оружие, да и доказать коррупцию было совсем нетрудно как на Западе, так и в любом другом месте.

Коррупция в общественной жизни не является чем-то новым; она существовала и при англичанах, но ошеломляюще расцвела после Независимости. От тех 10 %, которые министры обычно требовали от иностранных фирм, прежде чем предоставить им выгодные контракты, получения акций компаний, которые затем получали преимущества в налоговом обложении, до открытого подкупа судейских чиновников Туземного суда и полиции — все это было в порядке вещей. Немногие министры у власти не извлекали из этой власти все возможные выгоды; отчасти, конечно, из простой алчности, а отчасти и потому, что любой влиятельный человек должен был содержать большую свиту, организовывать свои перевыборы и осыпать благодеяниями свой родной город.

Наряду с простой денежной коррупцией существовали — непотизм, бандитизм и махинации на выборах.

Комиссии Кокера не потребовалось много усилий, чтобы

доказать, что имела место широкая перекачка государственных средств (главным образом при посредничестве контролируемого правительством Совета по торговле и «Нэшнл инвестмент энд пропертиз Компани») в партийную кассу, а оттуда частным лицам. Вождь Аволово и один из его заместителей — вождь Энтони Энахоро получили свою долю сомнительной рекламы во время этого расследования, что позволяет понять, каково на самом деле их отношение к той ответственности, что выпадает на долю государственных деятелей. Оба они сегодня снова занимают высокие посты в нигерийском правительстве.

Комиссия Кокера установила, что за период от установления местного самоуправления в 1956 году и до начала расследования 1962 года в сейфы Группы Действия попали 10 миллионов фунтов — сумма, равная 1/3 национального дохода за этот же период. Однако было выяснено, что вождь Акинтола, как то ни странно, который был премьером с 1959 года, когда Аволово избирался в Федеральную Палату представителей в Лагосе, не был замешан в этих злоупотреблениях.

Остается под вопросом, могли ли быть возбуждены по результатам работы Комиссии какие-либо преследования по суду против главных членов клики Аволово. В любом случае это дело было отодвинуто на задний план другими событиями уже к концу 1962 года. Аволово и Энахоро вместе с другими были обвинены в государственной измене.

Процесс, продлившийся 8 месяцев, был крайне запутанным. Обвинение утверждало, что Аволово и Энахоро ввозили оружие и занимались подготовкой добровольцев для осуществления переворота 23 сентября 1962 года, в результате которого должны были быть арестованы генерал-губернатор, премьер-министр и другие ведущие государственные деятели, а сам Аволово, взяв власть, провозгласил бы себя премьер-министром Нигерии. Защита утверждала, что сама атмосфера страха и жестокости, царившая на Западе со времени установления Независимости, делала подобные меры предосторожности весьма желательными. Аволово приговорили к 10 годам тюрьмы, срок, сниженный до 7 лет после апелляции, а Энахоро после его репатриации из Англии и последующего отдельного процесса, к 15 годам (после апелляции — 10). Апелляционным судьей, сократившим срок Энахоро, был сэр Льюис Мбанефо, который стал впоследствии Главным судьей Биафры. Судья и заключенный снова встретились на мирных переговорах в Кампале в мае 1968 года, где каждый из них возглавлял делегацию своей страны.

Это дело позволило Акинтоле укрепить свои позиции в Западной Области, несмотря на то, что в мае 1963 года Тайный

Совет в Лондоне постановил, что его отстранение от должности премьера, по инициативе губернатора, было действительным. Покровитель Акинтолы Федеральный премьер Балева назвал решения Юридического комитета Тайного Совета «ошибочными и не имеющими связи с действительностью». В этом же году апелляции в Тайный Совет были отменены — и еще одна гарантия стала достоянием истории.

Процесс Аволово своей скандальностью на завершающей стадии соперничал в то время с подтасовкой результатов национальной переписи. Результаты предыдущей переписи 1953-54 годов были во многом поставлены под сомнение предположением, что она проводилась в целях налогового обложения, и поэтому многие, особенно на Востоке, умудрились избежать подсчетов. Следовательно, полученная тогда общая цифра в 30,4 миллиона населения для всей Федерации была занижена скорее всего процентов на десять. Перепись же 1962 года все сочли связанной с уровнем политического представительства, и — как следствие — по всем регионам цифры были гораздо выше, особенно на Востоке. Перепись 1962 года обошлась в 1,5 миллиона фунтов, а ее результаты никогда не публиковались. Подразумевалось, что они имели целью показать, что население Северной Области за 8 лет выросло на 33 % до 22,5 миллионов человек, тогда как в Южной Области эта цифра составляла 23 миллиона человек, или рост на 70 %. Таким образом население Нигерии оценивалось в 45,5 миллионов человек. Господин Дж. Уоррен, англичанин, руководивший 45 тысячами счетчиков, которые пересчитывали людей по головам, отбросил цифры южан как «фальшивые и непомерно высокие». Это решение пришлось по душе сардауне Сокото, которого совсем не обрадовал тот факт, что население Юга по всей очевидности на 1/2 миллиона превосходит население Севера. Говорят, что когда ему показали результаты переписи, он с отвращением порвал листы и приказал Балеве начать все сначала. В 1963 году провели новую перепись, на этот раз без помощи скептически настроенного Уоррена.

Может это было и к лучшему, потому что его хватил бы удар, если бы он увидел, как под личным наблюдением Балевы готовили новый пакет данных. В одно прекрасное утро февраля 1964 года нигерийцы проснулись и узнали, что их теперь 55,6 миллионов человек, из которых примерно 30 миллионов живут в Северной Области.

В предыдущем году Уоррен отказался признать достоверность подсчетов в Южной Области по нескольким причинам, среди которых не последним было то, что тогда они

показывали количество взрослых мужчин в три или четыре раза больше, чем было указано в налоговых ведомостях, и больше детей в возрасте до пяти лет, чем могли бы родить все женщины детородного возраста вместе взятые, при условии, что они рожали бы непрерывно в течение пяти лет. В этом же году Уоррен согласился с данными по Северу, потому как они были примерно в пределах разумного и показывали годовой прирост населения в 2 % по сравнению с предыдущей переписью.

Если в 1962 году Север был застигнут врасплох, то в 1963 он был начеку. Резко увеличив свое население за один год с 22,5 миллионов до цифры, чуть меньшей 30 миллионов, он умудрился заиметь уровень рождаемости, равный 24 % в год. Юг, в чьи данные Уоррен не смог поверить в 1962 году, снова увеличил население с 23 до 25,8 миллионов человек. Остряки-эмигранты задавали вопрос: не входят ли в это число овцы и козы; а нигерийские политики яростно обвиняли друг друга, причем каждый из них отказывался верить цифрам противоположной стороны. Население укрепилось во мнении, что вся эта затея была еще одним «жульничеством», и, может быть, было не так уж и неправо. По более реалистическим и сдержанным оценкам население Нигерии на конец мая 1967 года составляло 47 миллионов человек, из которых около 13,5 миллионов (включая и огромный приток беженцев) пришлось на долю Биафры, объявившей в конце этого месяца о своем отделении.

Скандал с переписью постепенно уступил место всеобщей стачке 1964 года. И все это время, вплоть до первого военного переворота января 1966 года, в Среднем Поясе, в местах традиционного проживания народа Тив, непрерывно бушевали восстания. Этот сильный, независимый, но довольно отсталый народ очень давно и шумно требовал создания государства Среднего Пояса, где их интересы представлял бы Объединенный Конгресс Среднего Пояса. Но если лидеры СНК не особо возражали против выделения в 1963 году Среднего Запада из Западной Области, в качестве дома для меньшинств, не относящихся к Йоруба, то теперь они, напротив, совершенно не видели необходимости оказать подобную услугу народу тив, понимая, что в политическом смысле те могут считаться северянами. В результате на подавление восстаний Тивов, начавшихся вскоре после предоставления Независимости, была брошена армия, которая и оставалась в этом регионе вплоть до военного переворота 1966 года. Большинство частей этой армии состояло из солдат набиравшейся преимущественно на Севере I Бригады. Некоторые ее офицеры возражали против использования армии для подавления гражданских беспорядков, однако

остальные полагали, что добьются благосклонности своих северных политиков, если в подавлении диссидентов будут большими роялистами, чем сам король. Однако, чем жестче обходились с Тивами, тем яростнее они наносили ответные удары; и к 1966 году, по оценкам независимых наблюдателей, в этих беспорядках было убито около 3 тысяч человек, факт, который скромно скрыли от мирового сообщества.

Вскоре после всеобщей забастовки состоялись всеобщие выборы 1964 года. Десятилетний союз СНК и НСНГ был уничтожен сэром Ахмаду Белло, который без обиняков заявил, что «Ибо никогда не были подлинными друзьями Севера и никогда ими не будут». После чего он объявил о заключении союза с Акинтолой, который теперь верховодил в Западной Области. Наиболее вероятно, что Белло, понимая, что для того, чтобы удержать своего «лейтенанта» у власти в Лагосе, будет необходим еще один союзник в лице какой-нибудь из южных партий, счел Акинтолу, бывшего по уши в долгах, более податливым союзником, чем Окпара. Таким образом Акинтола объединил свою партию с НК сардауны и образовал Нигерийский Национальный Союз (ННС), не оставив НСНГ иной возможности, кроме как объединиться с остатками Группы Действия, с теми, кто оставался верен арестованному Аволово. Соединившись, они образовали новую партию — Объединенный Великий Прогрессивный Союз (ОВПС).

Выборная кампания была настолько грязной, насколько возможно, или, по крайней мере, так считали тогда, пока Акинтола не превзошел сам себя на следующий год во время выборов в Западной Области. На Западе лозунги ННА были откровенно расистскими по тону, в них особенно делался упор на якобы существовавшее «засилье Ибо», а литература, распространявшаяся во время выборов, отчасти напоминала антисемитские призывы в довоенной Германии. Доктор Азикиве, бывший президентом Федерации с 1963 года, понапрасну призывал к проведению честных выборов, предостерегая против опасности племенной дискриминации. На Севере кандидатов ОВПС, когда те пытались проводить предвыборную кампанию, избивали и преследовали партийные головорезы СНК. Как на Севере, так и на Западе кандидаты ОВПС жаловались, что им не давали зарегистрироваться; однако, даже если это и удавалось сделать, то все равно их оппоненты из ННС проходили как «единственные кандидаты». Вплоть до самой последней минуты было непонятно, состоятся ли хоть какие-то выборы. В конце концов они все-таки состоялись, но ОВПС их бойкотировал. Вполне понятно, что в результате победил ННС.

Президент Азикиве, весьма недовольный происшедшим, тем не менее поручил Балеве сформировать национальное правительство на широкой основе, и таким образом был предотвращен кризис, который мог бы расколоть Федерацию еще в 1964 году. В конце концов, в феврале 1965 года, с запозданием были проведены федеральные выборы в Восточной Области и на Среднем Западе, где очень многие голосовали за ОВПС. Окончательные итоги выглядят следующим образом: 197 — за Национальный Союз и 108 — за ОВПС.

Едва замяли этот скандал, как началась подготовка к ноябрьским 1965 года выборам в Западной Области, где Акинтола защищал свое премьерство, равно как и ужасающую репутацию своего правительства. Широкая непопулярность Акинтолы могла бы без сомнения привести к победе оппозиционного ОВПС, если бы выборы проводились честно. Это дало бы ОВПС контроль над Восточной Областью, Средним Западом (который они уже и так контролировали), Западной Областью и Лагосом. В результате такого подвига ОВПС получил бы преимущество в Сенате, даже при условии, что альянс Север — Запад продолжал бы контролировать Нижнюю Палату.

По всей вероятности Акинтола знал об этом, так же как и о поддержке могущественного и безжалостного Ахмаду Белло на Севере и Балевы в качестве Федерального премьера. Уверенный в безнаказанности, он шел напролом с процедурой выборов, которая продемонстрировала, как ловко он сумел не упустить ни единой возможности повести себя непристойно.

ОВПС, сделавший вывод из Федеральных выборов, заранее зарегистрировал всех своих кандидатов, подкрепив регистрацию письменными аффидевитами, подтверждающими под присягой, что все 94 кандидата готовы участвовать в выборах. Тем не менее, 16 человек Акинтолы, включая и самого премьера, были объявлены «избранными в качестве единственного кандидата». Исчезали чиновники, занимавшиеся выборами; исчезали списки для голосования из полицейских участков, где они хранились; кандидатов задерживали; счетчиков убивали; в последнюю минуту вводились новые правила, о которых ставили в известность только кандидатов Акинтолы. Когда шел подсчет голосов, агентов и кандидатов ОВПС не допускали в места подсчета самыми разными методами, самым нейтральным из которых был комендантский час, произвольно устанавливаемый государственной полицией. Почти чудом уполномоченные по выборам, которые оставались на своих местах, объявили избранными часть кандидатов ОВПС. Были даны инструкции о том, что все результаты выборов должны поступать в секретариат

Акинтолы, и ошеломленные радиослушатели услышали, как радио Западной Области по приказу Акинтолы передает одни данные, а радио Восточной Области — совершенно другие, предоставленные штаб-квартирой ОВПС, получившей их от уполномоченных по выборам.

По данным Западного правительства, 71 место получил Акинтола и 17 — ОВПС. Акинтоле было предложено сформировать правительство. ОВПС утверждал, что на самом деле они должны были получить 68 мест, но выборы были жульническими; утверждение, с которым наблюдателям нетрудно было согласиться. Адегбенро, лидер ОВПС в Западной Области, заявил, что он продолжит борьбу и сформирует свое собственное правительство. Его и его сторонников арестовали.

Это послужило сигналом к окончательному уничтожению законности и порядка, если бы можно было утверждать, что они существовали до этого. Вдоль и поперек всей Западной Области вспыхивали бунты. Повсюду убивали, грабили, поджигали и калечили людей. На дорогах соперничающие банды головорезов валили деревья, останавливали водителей и допрашивали их о политической принадлежности. Неправильный ответ влек за собой ограбление или смерть. За несколько недель предполагаемое число убитых достигло одной-двух тысяч человек.

И вот в такой обстановке Балева, который в 1962 году так быстро объявил чрезвычайное положение из-за скандала в Западной палате Законодательного Собрания, теперь сохранял полное спокойствие. Несмотря на многократные призывы ввести чрезвычайное положение, распустить правительство Акинтолы и назначить новые выборы, он отказался сделать это, заявив, что у него «нет власти».

Могучая Федерация Нигерии разваливалась на глазах у иностранных наблюдателей, которые всего лишь несколько лет назад превозносили ее как самую большую надежду Африки. И однако навряд ли об этих событиях стало что-то известно за пределами страны. Правительство Балевы, озабоченное тем, чтобы соблюсти приличия, предложило Лагос в качестве места проведения Конференции стран Британского Содружества, намеченной на первую неделю января 1966 года для обсуждения вопроса о восстановлении законности и порядка в восставшей Родезии. Гарольд Вильсон с радостью принял участие в конференции. Пока премьеры Содружества пожимали друг другу руки и обменивались улыбками на бетонированных площадках перед ангарами международного аэропорта Икеджа, всего в нескольких милях от них десятками умирали нигерийцы, потому

что армия двинулась против сторонников ОВПС.

Но даже армия не смогла восстановить порядок, и по настоянию генерал-майора Нигерии Джонсона Иронси, войска были выведены. Большинство простых солдат, которые в то время служили в Федеральной Армии, призывались из Среднего Пояса, иными словами, принадлежали они к племенным меньшинствам Севера. Этих солдат, особенно Тивов, которых в процентном отношении было больше всего, невозможно было использовать для подавления незатухающих восстаний тех же Тивов, потому что они вряд ли бы стали стрелять в своих сородичей. Кроме того, их было много и в тех армейских частях, которые располагались за пределами земель Тивов.

По той же причине, по которой их нельзя было использовать в «Тивленде», не было от них пользы и на Западе. Они симпатизировали не режиму Акинтолы, ибо не он ли был союзником и вассалом сардауны Сокото, палача их земли? Они больше сочувствовали восставшим, поскольку сами находились примерно в таком же положении по отношению к группе Сокото — Акинтола.

Ко второй неделе января стало ясно, что что-то должно произойти. Попытки нынешнего нигерийского военного режима представить все случившееся исключительно как заговор Ибо не учитывает, что в такой обстановке неизбежна либо анархия, либо какой-то демарш со стороны армии.

Ночью 14 января на Севере, Западе и по федеральной столице Лагосу группа молодых офицеров нанесла удар. Через несколько часов Сокото, Акинтола и Балева были мертвы, а с ними умерла и Первая Республика.

При провозглашении независимости Нигерии Британия с удовлетворением заявила о своей уверенности в возможности успешного осуществления этого эксперимента. Теперь Британия не могла избежать большой доли ответственности за его провал, ибо Нигерия была главным образом британским, а не нигерийским экспериментом. В течение многих лет восприятие Нигерии со стороны политиков Уайтхолла было основано на решительном отказе признать реальность, упрямой убежденности в том, что при достаточных подтасовках и объяснениях факты можно будет подогнать под теорию, а также стремлении «замести под ковер» все то, что могло бы дискредитировать мечту. Таково их отношение и по сей день.

Провалившийся переворот

На первые две недели нового 1966 года возможно намечались

два переворота. Данные о том из них, что так и не был осуществлен, главным образом косвенные, но весьма правдоподобно выглядят утверждения, что переворот 15 января помешал другому перевороту, намеченному на 17 января.

Этот второй переворот планировалось начать с установления непродолжительного террора на территориях дельты Нигера в Восточной области, где главным действующим лицом должен был стать некий студент университета в Нсукка — Исаак Боро, которого снабдили необходимыми для этого средствами. Премьер-министр Балева получил бы возможность объявить на Востоке чрезвычайное положение. Одновременно с этим, если верить тому, в чем их обвиняли на Западе, части, возглавляемые офицерами-северянами, должны были осуществить «жестокий блицкриг» против оппозиционных элементов, а точнее против ОВПС, в этом районе. Действуя таким образом по двум направлениям, они уничтожили бы ОВПС как партию оппозиции, заново укрепили позиции Акинтолы в управлении районом, население которого теперь его ненавидело, и позволили бы партии сардауны — НПС осуществлять верховный контроль в Нигерии.

Достоверность этим предположениям придает тот факт, что заранее были проведены некоторые кадровые перемещения. 13 января сэр Ахмаду Белло, совершавший паломничество в Мекку, вернулся в свою северную столицу Кадуну. На следующий день состоялась его секретная встреча с прилетевшим на один день на Север Акинтолой и бригадным генералом Адемолегуном — сторонником Акинтолы, который командовал I Бригадой и был родом с Запада. Предварительно Федеральный министр обороны (северянин и член СНК) приказал командующему армией генерал-майору Иронси взять отпуск сразу за несколько лет. Генеральному инспектору полиции Льюису Эдету, еще одному выходцу с Востока, также было приказано уйти в отпуск. Его заместитель Робертс, который был родом с Запада, был отправлен в досрочную отставку и заменен альхаджи Кам Салемом (Хауса), который с 17 января должен был полностью взять под контроль федеральную полицию. Доктор Азикиве находился на лечении в Англии. Если это был заговор, то провалился он потому, что его опередил контрпереворот, в тайне задуманный группой младших офицеров, которые в основном, но не исключительно, были родом с Востока.

В Кадуне группу возглавлял большой идеалист, симпатизировавший левым, майор Шуквума Нзеогву, Ибо из Среднезападной Области, который всю жизнь прожил на Севере и говорил на языке Хауса лучше, чем прирожденный Ибо. Вечером

14 января этот блестящий, но ненадежный старший преподаватель Нигерийского военного колледжа в Кадуне вывел небольшой отряд курсантов, в основном Хауса, из города, якобы для рутинных тренировочных занятий. Когда они подошли к великолепной резиденции сэра Ахмаду, Нзеогву объявил курсантам, что они пришли сюда, чтобы убить сардауну. Никто не возражал. «У них были пули… если бы они не были согласны, то могли убить меня, — « сказал он позднее. Они взяли штурмом ворота, убив трех охранников сардауны и потеряв одного из своих. Оказавшись за внутренней оградой, они сначала обстреляли дворец из миномета, потом Нзеогву бросил в главный вход ручную гранату, но подошел при этом слишком близко и повредил руку. Ворвавшись во дворец, они убили сардауну и двух или трех его слуг. В другом месте в Кадуне другая группа ворвалась с боем в дом бригадного генерала Адемолегуна и убила его и его жену, лежавших в кровати. Третья группа убила полковника Шодеинде (Йоруба), заместителя командира Военного Колледжа. На этом кровопролитие на Севере закончилось.

15 января во второй половине дня Нзеогву выступил по радио Кадуны. Он сказал: «Наши враги — это политические спекулянты, жулики, люди, занимающие высокие и мелкие посты, вымогающие взятки и требующие свои 10 %, те, кто хочет, чтобы страна навечно осталась раздробленной, лишь бы они могли сохранить свои должности министров хотя бы и в пустыне, трейбалисты, непотисты, те, кто выставляет напоказ дутое величие страны перед международным сообществом». Впоследствии, в частной беседе он сказал: «Нашей целью было не воевать, а изменить страну, сделать ее такой, чтобы мы с гордостью могли назвать ее своим домом… На этом этапе мы совершенно не помышляли о племенных различиях».

В Лагосе переворот был осуществлен майором Эммануэлем Ифеаджуаной, молодым Ибо, который ранее уже вкусил славы, выступая на легкоатлетической арене. Через несколько часов после наступления темноты он приехал в Лагос в сопровождении нескольких грузовиков с солдатами из казарм в Абеокуте. Небольшие отряды рассыпались по городу, каждый к своей цели. Трое старших армейских офицеров родом с Севера — бригадный генерал Маймалари, командир II Бригады; подполковник Пам, Генеральный адъютант армии, и подполковник Ларгенма, командир IV Батальона, были убиты. Первые двое в своих домах, а третий в отеле Икой, где он жил. Майор Ифеаджуана лично занялся политиками. Премьер-министр Балева был арестован в своем доме. Его, связанного, затолкали в «Мерседес» и

заставили лечь на пол. Министр финансов, вождь Фестус Окотие-Эбо, уроженец Среднего Запада, который стал символом коррупции и продажности даже в нигерийской политике, был застрелен у себя дома, и его тело было брошено в кузов «Мерседеса». Военные также пришли и за доктором Кингли Мбадиве (Ибо), министром торговли, но он умудрился уйти через сад и спрятаться в пустом доме отсутствовавшего президента Азикиве. Это было единственное место, которое солдатам и в голову не пришло обыскать. В Лагосе этой ночью последней жертвой стал еще один Ибо, майор Артур Унегбе, квартирмейстер армии. Он был застрелен в казармах в Икедже за отказ отдать восставшим ключи от оружейного склада.

В Ибадане, столице Западной Области, первой целью, конечно, стал ненавистный Акинтола. Солдат, окруживших его дом, встретил автоматный огонь. У премьера был свой частный арсенал. После штурма дома, во время которого было убито трое солдат, тяжело раненного Акинтолу выволокли наружу и прикончили. Где-то в другом месте в Ибадане был арестован его первый заместитель, вождь Фани-Кайоде. Когда его потащили солдаты, он воскликнул: «Я знал, что придет армия, но никогда не думал, что это будет так!»

Пока что переворот шел более-менее по плану. Если бы восставшие офицеры объединились, то к рассвету они могли бы уже заявить, что контролируют столицы Северной и Западной Областей, а также Федеральную столицу Лагос. Город Бенин, столица крошечной Северо-Западной Области, казалось, выпал из их планов, и не без причины. Средний Запад можно было захватить и позже.

Даже очевидцы и участники событий расходятся в мнениях о том, что же конкретно пошло не так. Можно только попытаться набросать нечто вроде более или менее связного отчета, основываясь на различных впечатлениях. Майор Ифеаджуана и его друзья-заговорщики в Лагосе вроде бы отправились обратно в Абеокуту, выбросив по дороге из машин тела Балевы и Окотие-Эбо. Еще и до сих пор считается, что Балева был застрелен, хотя один очевидец поклялся, что тот умер от сердечного приступа. Тела были найдены через неделю на дороге в Абеокуту.

Ифеаджуана и его соратник в Лагосе майор Дэвид Окафор, командир Федеральной Гвардии, совершили глупейшую ошибку: уехали, не оставив вместо себя никого в Федеральной столице. Из-за этого, да еще после решительных действий главнокомандующего генерал-майора Иронси, заговор и провалился.

И в результате, когда вскоре после рассвета ибаданская

группа вступила в Лагос, с телом Акинтолы и со связанным, но живым, вождем Фани-Кайоде на заднем сиденье машины, город уже перешел в другие руки. Ибаданская группа была арестована солдатами, верными Иронси, а Фани-Кайоде освобожден.

Тем временем Ифеаджуана и Окафор осознали, что у них нет офицера, который мог бы заняться Энугу, столицей Восточной Области и последним из четырех городов, которые они хотели взять под свой контроль. Тогда они сами с несколькими солдатами отправились в 400-мильный переезд на «Мерседесах» и «Фольксвагенах» через всю страну к Энугу. Основной довод в пользу того, что переворот 15 января был делом рук исключительно Ибо, которые хотели установить свое господство над всей Нигерией, звучит так: в Энугу не было никакого переворота. Доказать это утверждение нечем. Части I Батальона гарнизона Энугу в 2 часа ночи подошли ко Дворцу премьера, окружили его, но на штурм дома и его обитателей не пошли, а ждали приказа. Командир батальона подполковник Адекунле Фаджуйи (Йоруба) был на курсах, его заместитель майор Дэвид Эджоор (со Среднего Запада) был в Лагосе. Войска, которые вовсе и не состояли целиком из Ибо, как об этом говорили, — там было много пехотинцев из Среднего Пояса, Северной Области, — сидели на корточках и до восхода ожидали приказов. Тем временем Ифеаджуана и Окафор мчались через всю страну, чтобы отдать эти приказы.

Ни один человек не сделал больше, чтобы сорвать переворот, чем генерал-майор, командующий армией Иронси. Ибо, родом из Умуахьи, он поступил в армию солдатом, когда еще был мальчиком, и постепенно поднимался по ступеням армейской карьеры. Это был крупный шумливый человек, законченный тип профессионального солдата, который знает, в чем его долг и не потерпит никаких глупостей.

Кажется и он тоже должен был умереть этой ночью. Сначала Иронси был в гостях на вечеринке у бригадного генерала Маймалари, а потом отправился на отшвартованный в доках Лагоса почтовый пароход «Ореол», где тоже веселились. Когда после полуночи Иронси вернулся домой, там трезвонил телефон. Это был полковник Пам, который сказал Иронси, что что-то затевается. Буквально через несколько минут Пам был мертв. Едва Иронси успел положить трубку, как вошел его шофер, молодой солдат-Хауса, и сообщил, что по улицам продвигаются войска. Иронси действовал быстро.

Он вскочил в машину и приказал шоферу везти себя прямо к казармам в Икедже, самым большим казармам в районе, где был расположен Штаб Армии. Его машину остановили заграждавшие

дорогу солдаты Ифеаджуаны. Иронси вылез из машины, выпрямился и рявкнул: «Прочь с моей дороги!» Солдаты повиновались.

Добравшись до Икеджи, Иронси прямиком направился к полковому старшине и собрал войска гарнизона. Все утро из Икеджи он рассылал приказы. Части, верные ему и губернатору, взяли верх. Майору Эджоору, пришедшему к Иронси с докладом как раз перед рассветом, было приказано вернуться в Энугу и как можно быстрее взять на себя командование войсками. Эджоор добрался до ближайшего аэродрома в Икедже и на легком самолете вылетел в Энугу. По пути он обогнал «Мерседес» Ифеаджуаны, ехавшего внизу по дороге.

Оказавшись в Энугу, Эджоор первым делом принял гарнизон и снял части, окружавшие дом доктора Окапары. В 10.00 те же самые солдаты стояли в почетном карауле, когда испуганный премьер прощался в аэропорту с президентом Кипра Макариосом, завершавшем в Энугу свою поездку по Нигерии. Потом доктору Окапаре разрешили уехать в его родной город Умуахья.

На Среднем Западе мятежные войска в 10 часов ночи подошли ко Дворцу премьера, но уже в 2 часа были отведены назад по приказу генерала Иронси. Переворот провалился. Когда Ифеаджуана и Окафор прибыли в Энугу, то обнаружили, что Эджоор полностью контролирует ситуацию. Они спрятались в доме местного аптекаря, где Окафор и был арестован. Ифеаджуана бежал в Гану, чтобы потом вернуться и присоединиться к остальным заговорщикам, сидевшим в тюрьме.

Хотя переворот и не был бескровным, не был он и кровавой баней. Премьеры Севера, Запада и Федерации были убиты, так же как и еще один федеральный министр. Среди старших армейских офицеров трое северян, двое с Запада и двое с Востока были убиты. (Погиб еще один майор-Ибо, но на сей раз по вине лояльных солдат, которые сочли, что он тоже принадлежит к заговорщикам). Кроме этого, было убито небольшое число гражданских лиц; включая жену одного офицера и нескольких слуг из дома сэра Ахмаду Белло, да еще чуть меньше дюжины солдат. Впоследствии Нзеогву утверждал, что вообще не должно было быть никаких убитых, просто некоторые из его коллег слишком перевозбудились.

В Лагосе генерал Иронси принял командование армией и восстановил порядок, но не это привело его потом к власти. Этим фактором, в такой же мере как и все остальное, стала реакция населения, по которой всем стало ясно, что царство политиков кончилось. Эта реакция, о которой сегодня так часто забывают, является наиболее убедительным доказательством того, что весь

январский переворот был чисто фракционным предприятием.

В Кадуне толпа ликующих Хауса разграбила дворец погибшего властителя. Улыбчивый майор Хассан Усман Кацина, сын Фулани эмира Кацины, сидел рядом с Нзеогву на пресс-конференции, перед которой этот самый Нзеогву назначил Хассана Военным Губернатором Севера. Альхаджи Али Акилу, возглавлявший гражданские службы Севера, предложил Нзеогву свою поддержку. Но звезда майора-Ибо уже закатывалась. В Лагосе и на остальной территории Юга Иронси держал все в своих руках и не собирался иметь дела с заговорщиками. Однако у него хватило здравого смысла, чтобы понять, что хотя все совершенное заговорщиками и шло вразрез с его собственными склонностями и воспитанием, они, тем не менее, оказали обществу услугу и пользовались огромной поддержкой в массах. Во второй половине субботы 15 января Иронси попросил Действующего Президента назначить Заместителя премьер-министра, который по Конституции мог бы отдавать Иронси приказы на законной основе. Но политики тянули до воскресного утра, так что когда, наконец, Кабинет собрался на заседание, Иронси пришлось им заявить, что он не сможет гарантировать лояльность своих офицеров и избежать гражданской войны, если только сам не займет этот пост. В этом он был совершенно прав, что не раз с тех пор подтверждали многие офицеры. Даже те, кто не принимал участия в перевороте, не согласились бы снова попасть во власть дискредитировавших себя политиков.

Да к тому же и ситуация резко ухудшилась. Нзеогву, понимая, что его коллеги на Юге завалили все дело, во главе колонны войск направился в южном направлении и дошел до Джеббы, города на реке Нигер. Если бы войска, размещенные на Юге, раскололись на враждебные группировки — за или против Нзеогву — то единственным возможным исходом была бы гражданская война.

За 15 минут до полуночи Иронси выступил по радио Лагоса и заявил, что поскольку правительство перестало функционировать, то к армии обратились с просьбой сформировать переходное военное правительство, и что на него, генерала Иронси, было возложено исполнение обязанностей главы Федерального Военного правительства.

Кризис разрешился в его пользу. Армия подчинялась его приказам, Нзеогву укрылся в казармах Кадуны, откуда потом его взяли под стражу.

Вполне может быть, что у Нигерийского Кабинета, собравшегося на заседание под председательством альхаджи Дирчаримы (Хауса), министра транспорта и старшего в СНК после

Балевы, и не было иного выбора, чем согласиться на требование генерала Иронси о передаче власти в его руки. Но также верно и то, что у Иронси не было иного выбора, чем предъявить это требование, если он хотел избежать гражданской войны между соперничающими группировками в армии.

А важно это было по трем следующим причинам. Во-первых, становится понятно, почему обвинения в том, что этот переворот был организован исключительно Ибо для свержения конституционного правительства и установления господства Ибо во всей Нигерии, являются выдумкой, сочиненной уже много позже, после переворота, и противоречащей фактам. Во-вторых, становится ясной ложность позднейших предположений о том, что последовавшая резня выходцев с Востока, живших на Севере, была простительна, или по крайней мере вполне объяснима, поскольку «они первые все начали». В-третьих, проливает свет и на то, почему и до сего дня подполковник Оджукву уверен в том, что приход Иронси к власти был и конституционным и законным, тогда как подполковник Говон через 6 месяцев после убийства Иронси взял власть незаконно, и следовательно, власть эта недействительна.

Человек по прозвищу Железнобокий

Джонсон Томас Умунакве Агийи Иронси родился в марте 1924 года неподалеку от Умуахьи, красивого городка на холмах в Центре Восточной Области. Образование он получил частью в Умуахье, частью в Кано на Севере и в восемнадцать лет записался в армию рядовым. Время, остававшееся до конца II Мировой войны, он провел на Западноафриканском побережье и вернулся оттуда в 1946 году 22-летним ротным старшиной. Через два года он отправился в Кемберли, в Штабное училище, чтобы учиться на офицера, и окончив его в 1949 году, был выпущен вторым лейтенантом в штаб Западноафриканского военного округа (Аккра). Затем его переводят в артиллерийско-техническую учебно-запасную воинскую часть в Лагосе. И в Лагосе же он перешел в пехотный полк. В звании лейтенанта он исполнял обязанности адъютанта Губернатора, сэра Джона Макферсона, и, едва лишь получив звание капитана, присутствовал в июне 1953 года на коронации в Лондоне. Став в 1955 году майором, Иронси получил придворное звание конюшего во время визита Королевы в Нигерию, в 1956 году. В сентябре 1960 года его сделали подполковником, и тогда же он получил свой первый командный пост в V Батальоне в Кано. В том же году, командуя нигерийским контингентом войск ООН в Конго (против Катанги), Иронси

доказал, что является не просто штабным офицером. Когда австрийские врачи и их нигерийская охрана были окружены повстанцами, он в одиночку на легком самолете улетел из окружения и лично провел переговоры об их освобождении. Австрийское правительство наградило Иронси Крестом Ритгера I класса.

В 1961-62 годах он был военным советником Верховного Комиссариата Нигерии в Лондоне и именно тогда получил звание бригадного генерала. Иронси прошел курс обучения в Королевском Военном училище и в 1964 году вернулся в Конго в звании генерал-майора, теперь уже командующим всех сил ООН по поддержанию мира, став первым африканцем, получившим этот пост. Во время боевых действий в Конго он один, безо всякой помощи, остановил в Леопольдвиле разъяренную толпу и уговорил ее разойтись. За этот и подобные подвиги его прозвали Джонни Железнобокий.

Вернувшись в Нигерию, Иронси, снова в звании бригадного генерала, командовал I Бригадой, но вскоре заменил генерал-майора Уэлби-Эверарда, последнего британского главнокомандующего Нигерийской армией и опять стал генерал-майором. Уже гораздо позже один британский чиновник, тщательно подбирая слова, назвал Иронси «весьма прямым человеком».

Новый режим начал хорошо. У него была огромная поддержка в народных массах. По всей Нигерии, включая и Северную Область, люди радовались концу правления коррумпированных политиков и надеялись на новый расцвет. Последние из январских заговорщиков были мирно извлечены из их укрытий и отправлены в тюрьмы по месту их этнического происхождения. В лояльности новому режиму поклялись: СНК Северной Области, Группа Действия Западной Области и НСНГ Восточной и Среднезападной Областей, несмотря на то, что лидеры этих партий не имели никакой власти, а некоторые из них сидели в тюрьме. Заявили о своей поддержке также профсоюзы, Союз Студентов и Эмиры Севера. Иностранные корреспонденты отметили эту популярность. Обозреватель журнала «Эфрикен Уорлд» в марте писал: «Благоприятная реакция всех слоев нигерийского общества на конституционные изменения есть признак того, что на деле действия армии были массовым народным восстанием». [3] Месяцем позже нигерийский корреспондент лондонского журнала «Экономист» посетил Сокото — город на крайнем севере Нигерии, от имени которого произошло название титула сэра Ахмаду Белло — и написал: «Сокото был баловнем режима сардауны Сокото, однако

даже здесь его смерть была воспринята спокойно. Если и были какие-то опасения по поводу того, что произошло, то после смерти сардауны не осталось никого, кто бы выразил их». [4] Позднее выяснилось, что это был слишком уж оптимистический взгляд на вещи.

Генерал Иронси был честным человеком и попытался стать главой честного режима. Хотя он и сам был Ибо, Иронси буквально в лепешку разбивался, чтобы не проявлять никакого предпочтения к своим соплеменникам, и иногда он заходил в этом так далеко, что даже коллеги с Востока критиковали его за это. Среди первых его дел было назначение Военных губернаторов во все 4 Области: в Северную — подполковника (бывшего майора) Хассана Кацину, которого вообще-то уже назначил на этот пост сидевший в тюрьме Нзеогву; в Западную — подполковника Фаджуйи, ранее служившего в гарнизоне Энугу; на Средний Запад — подполковника (бывшего майора) Эджоора, также из гарнизона Энугу; в Восточную Область — подполковника Чуквуэмеку Одумегву Оджукву, бывшего командира V Батальона в Кано, убежденного федералиста, участие которого в январском путче свелось к тому, что действуя рука об руку с местными властями Хауса, он сделал все возможное, чтобы Кано оставался мирным и лояльным по отношению к конституционной власти.

Приход Иронси к власти покончил с военными действиями в Западной Области, с насилием в землях Тивов и восстанием Исаака Боро в дельте Нигера. Сам Боро был брошен в тюрьму. Казалось, что все стороны испытывают к генералу достаточно доверия, чтобы дать ему возможность показать себя. Вопреки своей честности, генерал Иронси не был политиком; он был совершенно лишен хитрости и выказал мало способности к дипломатическим маневрам, неизбежным в таком сложном обществе. У него также не всегда были хорошие советчики — общая участь всех военных в правительстве. Тем не менее, он не сделал ничего такого, чтобы заслужить свою последующую участь.

Иронси отдал приказ об аресте бывших политиков Южной Области, которые могли бы спровоцировать волнения и беспорядки. Но на Севере политики были оставлены на свободе и очень скоро этим воспользовались. Иронси сформировал Высший Военный Совет и Федеральный Исполнительный Совет, которые должны были помогать ему в управлении страной. Состав этих двух Советов очень интересен, с учетом возможных обвинений в том, что режим Иронси является провосточным. Кроме него самого, в состоящем из 9 человек Высшем Военном Совете был

только один Ибо — полковник Оджукву, который являлся его членом по должности, как один из четырех Военных губернаторов, и еще один Риверс с Востока — подполковник Куркбо, командующий авиацией. В Исполнительный Совет входили все члены Военного Совета и еще 6 человек, из которых только двое были с Востока — Генеральный прокурор Онийуке (Ибо) и Генеральный инспектор полиции Эдет (Эфик). Оба они занимали свои посты еще до январского переворота. Назначая постоянных секретарей Федеральной гражданской службы (а это очень важные посты), Иронси распределил 23 поста следующим образом: Северяне — 8, Средний Запад — 7, Запад — 5 и Восток — 3.

Все политические назначения в государственные корпорации были аннулированы, и для расследования служебной деятельности этих людей были созданы Специальные Военные суды. Первые три таких суда рассматривали дела Нигерийской железнодорожной корпорации, Электрической корпорации Нигерии и городского совета Лагоса; возглавляли их соответственно уроженцы Запада, Севера и один англичанин. Впоследствии на посты Главных Управляющих, Председателей и Секретарей государственных корпораций были назначены 12 представителей Западной Области, 6 — Севера, 3 — Востока, 1 — Среднего Запада и 3 — иностранца.

Генерал Иронси провел и другие назначения, которые дают ключ к пониманию его отношения к концепции Единой Нигерии.

Он назначил подполковника Якубу Говона (Шо-Шо с Севера) начальником Штаба Армии и своим главным помощником; Маллам Хамсад Амаду, молодой родственник сардауны Сокото, стал его личным секретарем; его личная охрана состояла в основном из солдат-Хауса, под командованием еще одного молодого Хауса — лейтенанта Вальбе, что в дальнейшем, возможно, стоило генералу жизни.

Энергичные меры, предпринятые Иронси против коррупции государственных чиновников и лиц, занимающих высокие посты, подействовали, и за очень краткий срок межнациональное доверие в Нигерии было в основном восстановлено. Продолжалось осуществление шестилетнего плана развития.

Но основная проблема все еще ждала решения. Речь шла о будущей Конституции Нигерии, а это почти равнозначно вопросу о единстве страны. И снова дала себя знать присущая Нигерии раздробленность. Несмотря на то, что отмена деления на регионы и установление унитарного государства пользовались огромной поддержкой на Юге и в армии, одного упоминания о слиянии с Югом на какой-либо основе, иной чем полный контроль со

стороны Севера, было достаточно, чтобы Север «вышел на тропу войну», что, собственно говоря, и произошло.

Генерал Иронси сразу же после прихода к власти пообещал, что возвращению к гражданскому образу правления будет предшествовать глубокое изучение самых важных нерешенных проблем, созыв Учредительного Собрания и референдум по новой Конституции. Вождю Ротими Уильямсу и бывшему генеральному прокурору доктору Т. О. Элиасу (оба с Запада) было поручено разработать ее проект. Другая комиссия под руководством Френсиса Нвокеди (Ибо) должна была исследовать возможности унификации гражданских служб. Однако, поскольку против того, что решение такого важного вопроса доверено одному человеку (и к тому же Ибо) раздавались протесты — особенно с Севера, где разделение государственных служб считалось основной гарантией против засилия Юга, — в комиссию Нвокеди был введен еще один человек со Среднего Запада. Еще одна комиссия должна была рассмотреть способы установления единой судебной системы. Возглавлять комиссию по экономическому планированию было доверено вождю Симеону Адебо (Йоруба) и доктору Паго Окигбо (Ибо). Комиссии составили доклады, и во всех этих докладах был указан только один путь — объединение.

Вопрос об объединении поднимался с самых первых дней правления Иронси. В конце января полковник Эджоор на Среднем Западе призвал к установлению «унитарной формы правления». В феврале генерал Иронси сказал на пресс-конференции: «Всем нигерийцам стало ясно, что негибкая приверженность к регионализму была проклятием последнего режима и одной из главных причин его падения. Страна, без сомнения, будет только приветствовать полный разрыв с недостатками этой системы».

Генерал был сверх оптимистом. Конечно, на Юге такой разрыв только приветствовали бы. Так оно на деле и оказалось. Но Север был реальностью абсолютно иного рода. Именно его представители — Парламент Севера и Эмиры еще много лет назад при Конституции Ричардса видели в регионализме бессмертную защиту их собственного общества — со всей его летаргией и инерцией — от вторжения более энергичных и образованных южан.

Идея объединения была особенно популярна среди Ибо Восточной Области. Они были наиболее подвижной и квалифицированной этнической группой, полностью уверенной в том, что может на равных соревноваться с кем угодно. Для них регионализм означал, что на Севере с ними всегда будут обращаться как с гражданами второго сорта, и что вне Восточной области всегда будет существовать двойной стандарт при

назначении на государственные должности.

Итак, то, что для Юга было блестящей возможностью, для Севера оказалось почти смертельной угрозой. Два года спустя в Энугу американский консул Джеймс Барнард весьма изящно резюмировал врожденный конфликт интересов, терзавший Нигерию все эти годы. Он сказал: «Одинаково плохо полностью оправдывать или же полностью игнорировать единственную неизменную политическую реальность этой страны, которая заключается в следующем: в любой гонке за материальными и жизненными благами, при условии, что начнется она с одной стартовой точки и с предоставления всем равных возможностей, люди с Востока на километр опередят всех соперников. Для Севера это невыносимо. Единственный способ не допустить ничего подобного — это создание искусственных препятствий для прогресса на Востоке. А это невыносимо для жителей Востока». [5]

Север забурлил почти сразу же после того, как начали работать комиссии по различным аспектам объединения. В дальнейшем это недовольство будут изображать как совершенно спонтанное и вспоминать о якобы повсеместной скорби по поводу кончины обожаемого сардауны Сокото, погибшего от рук Ибо в январе. Картина эта обманчива.

Прежде всего, если судить по реакции его подданных сразу же после его смерти, Сардауну считали не доброжелательным отцом, а скорее беспринципным старым деспотом, каким он и был на самом деле. Да и беспорядки, вспыхнувшие на Севере в мае 1966 г., не были спонтанными. Чтобы их вызвать, потребовалось немало потрудиться.

Когда происходит падение политиков, это означает не просто падение маленькой горстки людей. Еще тысячи человек теряют легкие заработки, когда политикам перекрывают доступ к государственным средствам. Огромные семьи остаются без поддержки перед смутной перспективой необходимости искать работу; прихлебатели, партийные наймиты, агенты, сборщики голосов, подрядчики, которые извлекали огромные прибыли из своих связей в верхах, чиновники, которые без политической поддержки не могут удержаться на своих постах, — все они вдруг обнаруживают, что стоят в очереди безработных за бесплатным питанием. И когда началась агитация против режима Иронси, то наготове была целая армия голосов, готовых распространять слухи, разжигать страсти и воспламенять сердца; призрак всевластных Ибо, явный отказ Севера от его традиционного охранительного изоляционализма, и, наконец, мотив мести, на котором можно было легко сыграть. Что и было проделано. Так

что из мертвого сардауны снова сделали святого, а арестованных офицеров, возглавивших январский переворот, превратили в дьяволов.

На Западе полковник Фаджуйи, способный и энергичный человек, тщательно очистил общество от паразитов, отправив в отставку всех местных правительственных чиновников, назначенных ненавистным режимом Акинтолы и 11 министров — членов его партии. На Среднем Западе и на Востоке были приняты похожие меры (хотя и менее суровые), потому что НСНГ, который до января 1966 года контролировал обе Области под знаменем ОВПС, получил мандат на управление от подавляющего большинства избирателей, без какого бы то ни было жульничества.

На Севере все было иначе. Здесь политическая власть и аристократия Эмиратов были с незапамятных времен почти синонимическими понятиями. Полковник Хассан Калина, новый Военный губернатор, был сыном эмира Кацина. Здесь не было возможности выбрать по-настоящему компетентных людей для работы в Туземной администрации, а те, кто находился у власти, в любом случае были назначены эмирами. Таким образом административный и аристократический истеблишмент остался у власти. Политики, хотя и отстраненные от власти, не только не были арестованы, но и даже не слишком долго были в немилости. Именно с их подачи началась клеветническая кампания, которая вскоре пышным цветом расцвела на столь плодородной почве.

Особое негодование сразу же вызвал господин Нвокеди, который приехал на Север для того, чтобы исследовать возможности объединения гражданских служб. Хотя он и выслушал точку зрения северян, однако его окончательный доклад генералу Иронси с этой точкой зрения не совпадал.

В Лагосе генерала толкали в обе стороны. Он узнал, что на Севере недовольны идеей объединения, однако среди его непосредственного окружения были могущественные защитники этой идеи. 24 мая Иронси сделал окончательный выбор. В выступлении по радио он объявил об изменениях в Конституции, которыми предусматривалось упразднение деления страны на регионы и их превращение в группы провинций, хотя и с сохранением прежних границ, губернаторов и органов управления. Нигерия перестает быть федерацией и станет просто республикой Нигерия. Гражданские службы объединяются под началом единой комиссии гражданских служб, но областные (теперь провинциальные) комиссии будут, по-прежнему, назначать чиновников на все посты, кроме самых важных. Затем Иронси добавил, что все эти меры имеют чисто временный

характер и должны рассматриваться как таковые, и что они были предприняты не из-за сомнений в результатах работы Комиссии Ротими Уильямса. К несчастью, комиссия работала как раз над проблемой сравнительных достоинств федеральной и унитарной систем.

Вполне может быть, что генерал Иронси пытался умиротворить радикальных смутьянов на Юге, которые желали немедленного проведения реформ, и в то же время старался не спровоцировать Север, зайдя в этих реформах слишком далеко. При детальном рассмотрении «Декрета об Унификации» оказывается, что на деле он не изменил буквально ничего, только названия. Еще более неоспоримо то, что этот декрет только оформил тот способ управления, который уже существовал с тех пор, как армия взяла власть и управляла через посредство Высшего Военного Совета, который сам по себе являлся органом крайне унитарным.

Декрет об Унификации страны был затем использован для оправдания ряда наиболее жестоких убийств в Северной Области выходцев с Востока. Они начались со студенческой демонстрации в Кано, которая буквально через несколько часов превратилась в кровавую бойню. И хотя в качестве защитников идей объединения Йоруба Западной Области ничем не отличались от Ибо области Восточной, именно на Ибо и только на Ибо и их сородичей из Восточной Области охотились толпы северян. Вскоре после начала демонстрации в Кано сотни вооруженных головорезов промчались от городских стен до Сабон Гари, где жили выходцы с Востока. Они ворвались в гетто и принялись жечь, насиловать, убивать и грабить всех мужчин, женщин и детей восточного происхождения, которые попадали к ним в руки. Всякое предположение о спонтанном характере событий было опровергнуто их размахом. В грузовиках и автобусах, заботливо предоставленных неизвестными жертвователями, волны бывших партийных убийц прокатились по всей Северной области до Зарии, Кадуны и других городов. К тому времени, как все закончилось, Нигерия снова оказалась на грани развала. Хотя никакие данные не были обнародованы ни в федеральных, ни в местных источниках, на Востоке потом подсчитали, что они потеряли в этой резне три тысячи убитыми.

Вполне может быть, что некоторые из этих людей думали, что они только выражают свои собственные чувства — на что они имели полное право. Но бойня, которой сопровождалось это выражение чувств, степень ее организованности и легкость, с которой все было осуществлено, должны были бы послужить предостережением о глубоко упрятанной главной опасности,

которая являла собой знамение будущего. И снова предупреждение прошло незамеченным.

Многие северяне, вполне возможно, были совершенно уверены (после многих месяцев постоянного внушения) в том, что Ибо действительно пытались захватить всю Нигерию, колонизировать отсталый Север и использовать свои несомненные способности для того, чтобы управлять всей страной — от края и до края. И снова встали на повестку дня требования Севера об отделении. В Кадуне вышедшие на демонстрацию служащие несли плакаты, на которых было написано: «Отделимся»! В этом же городе полковник Хассан Кацина созвал совещание всех эмиров Севера, куда многие из них прибыли, имея ясный мандат от своего народа на отделение Севера. В Зарие эмира окружила толпа, умолявшая его отделиться от Нигерии.

После этой встречи эмиры направили Иронси секретный меморандум, в котором было сформулировано требование об отмене Декрета об Унификации, под угрозой — в случае отказа — отделения своих областей. Генерал Иронси ответил, что делает все возможное, чтобы разъяснить, что Декрет не только не влечет за собой изменения границ, но и навряд ли на деле изменит статус-кво вообще. Он указал на то, что это была временная мера, предпринятая для того, чтобы дать армии, привыкшей к единому командованию, возможность управлять; и что не будет никаких коренных изменений в стране без проведения обещанного референдума. Эмиры заявили о своем удовлетворении.

В июне полковник Оджукву, приветствуя эмира Кано, своего современника и друга, с чьей помощью он смог удержать Кано от кровопролития в январе, при его назначении новым ректором университета в Нсукке, публично призвал свой народ вернуться в их дома на Севере. Многие из этих уроженцев Востока бежали после майской резни в поисках безопасности на Восток. Полковник Оджукву попросил их поверить, что эти убийства были «частью той цены, которую мы должны были заплатить за идеал Единой Нигерии».

В течение всего июня правительство Иронси наугад искало то средство, с помощью которого можно было бы решить проблему растущей напряженности в стране. Но никому и в голову не пришло, и менее всех полковнику Оджукву, что можно было бы позволить северянам осуществить их вековое желание — основать собственное государство.

В конце концов, генерал Иронси отбыл в поездку по стране, чтобы на как можно более широкой основе прозондировать общественное мнение на местах по поводу того, в какой форме

хотят видеть Нигерию населяющие ее народы.

Он никогда не вернулся в Лагос.

Неудавшийся контрпереворот

Некоторые люди (из тех, кто всегда пытается отделаться поверхностными объяснениями) предполагали, что попытка переворота, предпринятая младшими армейскими офицерами (северянами по происхождению) 29 июля 1966 года, была прежде всего вызвана желанием отомстить за убитых в январе этого же года троих старших офицеров, также северян по рождению. Конечно, задолго до этого второго переворота на Севере все громче и громче раздавались требования казнить январских заговорщиков, не в качестве возмещения за смерть политиков, о чьей кончине почти никто и не жалел, а как возмездие за расстрел бригадного генерала Маймаллари и полковников Пама и Ларгемы.

Довод этот не убедителен. Кроме этих троих в январе были также убиты три полковника-Йоруба и два майора-Ибо. Ключ к разгадке причин, по которым эти офицеры подняли мятеж в июле, скорее всего заключается в слове, послужившем сигналом ко всей операции: АРАБА. На Хауса это означает «отделение». И хотя сильный элемент мести присутствовал как во всем этом предприятии вообще, так и во всем, что произошло потом, главной их целью было осуществление давнишнего стремления народных масс Севера раз и навсегда отделиться от Нигерии.

В этом, да и во всех других отношениях, переворот и контрпереворот коренным образом отличались друг от друга. В первом случае во всем было свирепое желание освободить Нигерию от огромного количества бесспорных бед. Переворот этот был реформаторским по мотивировке, кровопролитие было минимальным — 4 политика и 6 офицеров. Он был по сути направлен вовне и не регионален по ориентации.

Июльский контрпереворот был полностью региональным, так сказать обращенным вовнутрь, реваншистским, сепаратистским по сути и совершенно излишне кровавым по исполнению.

За несколько лет до этого было замечено, что хотя большая часть солдат пехоты — северяне, из которых примерно принадлежит к народу Тив, почти 70 % получивших офицерское звание — родом с Востока. Хотя это нельзя назвать случайностью, однако никакой преднамеренности в этом факте не было, несмотря на то, что впоследствии пытались утверждать обратное.

Уже в самом начале существования Нигерийской армии в ней большое значение при предоставлении офицерского звания придавалось уровню образованности кандидата. Как можно заметить по количеству школ на территории области (о чем уже

говорилось ранее), на Севере постоянно существовала нехватка образованного персонала.

В 1960 году, в год предоставления Независимости, было произведено в офицеры всего шесть северян. Новый министр обороны альхаджи Рибаду (Хауса) издал приказ о том, что 50 % офицерского состава должно быть набрано на Севере. Однако этого нельзя было достичь так вот сразу. И тем не менее, в 1966 году в армии было уже гораздо больше молодых офицеров-северян, так что хотя июльский переворот и был несомненно спланирован маленькой группой старших офицеров, его непосредственное исполнение выпало на долю этих лейтенантов.

Внутри самой армии распределение офицеров отражало все региональные особенности Нигерии, и опять-таки сделано это было непреднамеренно, только на основе образовательного уровня и склонностей. Подавляющее большинство офицеров-северян служило в пехотных частях, тогда как части технические — склады, радио, инженерные, ремонтные соединения, транспорт, медицина, разведка, обучение и артиллерийско-техническое снабжение — были заповедной зоной людей с Востока. Когда июльский переворот созрел, то для того чтобы в их власти оказалась вся остальная армия, а следовательно, и вся страна, мятежникам надо было только захватить гарнизонные оружейные склады и вооружить своих людей. Что они и сделали.

Вечером 28 июля генерал Иронси обедал с подполковником Фаджуйи, военным губернатором Западной Области, в его резиденции в Ибадане. С ними был полковник Хилари Нджоку (Ибо), командир II Батальона, базировавшегося в Икедже, за пределами Лагоса.

Переворот начался с мятежа в казармах в Абеокуте (Западная Область), где возглавляемая капитаном-Хауса группа солдат в 11.00 ворвалась в офицерскую столовую и убила трех офицеров восточного происхождения. Затем они окружили казармы, разоружили солдат-южан охраны, захватили оружейные склады и вооружили солдат-северян. Был подан сигнал боевой тревоги, после чего разбуженный гарнизон выстроился на плацу. Солдат-южан отделили и заперли на гауптвахте, а тем временем северяне устроили повальный обыск — искали тех, кого не оказалось на плацу. К рассвету большинство офицеров-южан и младшего командного состава были собраны вместе. На заре их вывели с гауптвахты и расстреляли.

Тем временем мятежники по всей видимости дозвонились до II Батальона в Икедже и в VI Батальон в Ибадане и сообщили о том, что произошло. К трем часам утра одному капитану-Ибо удалось бежать из Абеокуты: он тоже позвонил, но в штаб Армии

в Лагосе и доложил о том, что, как он думал, было простым мятежом. В Генштабе в отсутствие Иронси старшим по должности был его начштаба подполковник Говон. Он принял командование на себя.

До сих пор идут горячие споры о том, сделал ли он это для того, чтобы иметь большую возможность управлять ходом переворота и той резней, что последовала за ним, или же он пытался все это предотвратить. Говон заявляет, что не имеет ничего общего с переворотом, но его дальнейшее поведение ставит правдивость этого утверждения под сомнение, так что вполне может оказаться, что он был не очень колеблющимся сообщником — как до, так и после свершившегося.

Новости дошли также и до генерала Иронси. Вскоре после полуночи трое офицеров собрались на совещание и решили, что Нджоку должен вернуться в Лагос на гражданской машине, чтобы попытаться взять под контроль ход событий и нейтрализовать «мятеж». Нджоку ушел, чтобы зайти домой и переодеться. Оказавшись на улице, он увидел, как из двух припарковавшихся Ленд Роверов высаживаются солдаты. Они дали по нему очередь из автоматов, и раненный в ногу Нджоку убежал. После того, как ему оказали помощь в госпитале Ибадана, Нджоку, переодетый священником, отправился назад на Восток, в то время как патрули обыскивали из-за него всю Западную Область, а заградотряды на дорогах получили приказ немедленно застрелить его. Именно настойчивость, упорство и продолжительность охоты за офицерами — выходцами с Востока, которая продолжалась еще долгое время после того, как Говон от имени мятежников взял верховную власть, подтверждают правильность сомнений как в политическом характере переворота, так и в том, что Говон был не причастен к тому, что произошло.

На самом же деле солдаты-южане в личной охране генерала Иронси были еще до полуночи разоружены их коллегами-северянами, которые получили в подкрепление еще 24 солдата-северянина, присланных из штаба IV Батальона в Ибадане. Этим батальоном после последовавшей в январе смерти полковника Ларгемы командовал полковник Акахан (Тив с Севера). Вновь прибывшими командовал майор Теофил Данджума (Хауса), который теперь занимал пост помощника командира гарнизона Энугу.

Иронси и Фаджуйи, находившиеся в доме, услышали стрельбу и послали лейтенанта Нванкво, адъютанта Иронси от ВВС, узнать, что происходит. (Армейский адъютант, лейтенант Белло (Хауса) тихонько исчез, хотя и нет доказательств, что он

как-то связан с переворотом). Спустившегося вниз Нванкво арестовали, связав ему руки. Прождав почти до рассвета, полковник Фаджуйи сам спустился узнать, что произошло с Нванкво. Его тоже арестовали. Наконец, к 9.00 майор Данджума поднялся наверх, нашел генерала Иронси и арестовал его. Генерала тоже увели вниз.

Из тех, кто знал о том, что произошло, только лейтенант Нванкво дал свидетельские показания. Федеральное правительство предпочло опустить надо всем происшедшим завесу тайны. То, о чем пойдет речь далее, стало известно из рассказа Нванкво.

Всех троих раздели и выпороли кнутами. Затем посадили в разные грузовики, и конвой, возглавляемый майором Данджумой, отправился в путь. На перекрестке Мокола, где дороги разделяются — одна ведет к городу Ойо, а другая к казармам Летмаук, месту расквартирования IV Батальона — конвой разделился. Данджума свернул в Летмаук, предварительно шепотом отдав какое-то приказание лейтенанту Валбе, командиру охраны генерала Иронси. Остальные поехали дальше. Проехав 10 миль, машины остановились, и троим арестованным было приказано выйти. Их заставили пойти по узкой тропинке к зарослям кустарника. Потом их остановили, избили, да так, что они едва могли идти. Пинками их погнали вперед к ручью, который они не смогли перейти, настолько они были слабы. Тогда их перенесли через ручей. Пленники прошли еще несколько ярдов вперед по тропе, а потом их заставили лечь лицом вниз на землю и снова избили. Именно здесь Нванкво удалось развязать проволоку, которой были закручены его руки, и кинуться в кусты. Он убежал. Двое других, полумертвые от перенесенных мучений, были прикончены выстрелами из пулемета системы Стена. Потом полиция нашла их тела и похоронила на кладбище в Ибадане, откуда через шесть месяцев их забрали и перезахоронили — каждого в его родном городе.

На рассвете 29 июля убийства офицеров и солдат — выходцев с Востока начались по всей Нигерии со скоростью, организованностью и единообразием, которые свели на нет все последующие отговорки о якобы спонтанном их характере. В казармах Летмаук в Ибадане полковник Акахан утром заявил, что ничего не знает о том, что ночью случилось с генералом Иронси. Однако, очень маловероятно, чтобы солдаты, транспорт, оружие и боеприпасы, использовавшиеся при осаде Дома Правительства, были взяты без ведома командира. В 10.00 полковник Акахан созвал офицерское собрание, на котором сам не присутствовал. Когда офицеры собрались, всех уроженцев Востока увели на

гауптвахту, а потом перевели в мастерскую по шитью одежды. В полночь того же дня в окно этой мастерской было брошено 36 ручных гранат. Тех, кто после этого остался жив, пристрелили. Солдат — уроженцев Востока заставили смыть всю кровь, а потом увели и расстреляли. Так же были расстреляны все, кто был родом из Восточной Области в свите генерала Иронси. Во второй половине дня 30 июля полковник Акахан собрал солдат-северян и поздравил их, добавив, однако, что убийств больше не будет, поскольку «все теперь пришло в равновесие».

Поверив этому, солдаты с Востока вышли из своих укрытий, но той же ночью на них была устроена облава и те, кого поймали, были безжалостно убиты. Убийства, сопровождавшиеся насилиями над женами выходцев с Востока, продолжались еще несколько дней. В самом Ибадане царил страх. Полковник Акахан стал впоследствии начальником штаба армии у Говона.

В Икедже события развивались примерно так же. Утром 29-го полковник Говон прибыл из Лагоса, расположенного в 15 милях от Икеджи. Около пяти часов утра солдаты-северяне взяли в кольцо всех уроженцев Востока, включая и гражданских лиц, полицейских и таможенников, работавших в близлежащем аэропорту. К полудню 29 июля на гауптвахте было уже 200 арестованных. Вечером прибыл лейтенант Вальбе и доложил полковнику Говону об аресте и смерти генерала Иронси. На следующий день всех штатских выпустили с гауптвахты, а имена военных переписали. Из этого списка были вызваны все офицеры и солдаты — в порядке старшинства. 8 офицеров в звании от майора до второго лейтенанта и 52 военнослужащих — от уорент-офицера и ниже, были расстреляны. Убийства, как обычно, сопровождались избиением, но после того как один капрал-Ибо убежал (и выжил, чтобы рассказать о происшедшем), всем оставшимся надели наручники и увели для расстрела на площадку за гауптвахтой. Когда солдаты-северяне уставали стрелять, они брались за ножи и перерезали жертвам горло. Перед смертью многих пленных секли кнутом, заставляли лежать в лужах мочи и экскрементов и пить из них. Капитан Окойе должен был улететь в США на учебу, но его перехватили в аэропорту Икеджи и привезли в казармы. Там его привязали к железному кресту и забили почти до смерти; потом, так и не отвязав от креста, бросили в камеру, где он и умер.[6]

Все это случилось менее чем в 18 метрах от того места, где полковник Говон устроил свой штаб, где он был облечен высоким званием Верховного Главнокомандующего вооруженными силами. Из этого штаба он объявил миру, что пытается не допустить раскола страны в кризисное время.

Несмотря на последующие уверения в том, что все происшедшее было мерой единовременной, есть показания очевидцев, что еще в течение четырех недель отмечались спорадические вспышки насилия. 22 августа молодой офицер-северянин привез из тюрьмы Бенин-Сити заключенных, которые принимали участие в январском заговоре (очевидно, послужившем причиной июльского переворота). Пятеро из них были убиты. В тот же день распространилась новость о том, что полковник Оджукву на Востоке потребовал репатриации всех офицеров и солдат родом с Востока. Тогда лейтенант Нуху отдал приказ, чтобы оставшихся 22 пленников — сержантов и унтер-офицеров — казнили, что и было исполнено.

Задолго до этого дня полковник Говон заявил миру, что убийства прекращены и что «обстановка вновь нормализовалась»…

Полковник Акахан и майор Данджума были не единственными, кто получил повышение за такие дела, за которые обычно отправляют на виселицу. В Макурди, в самом сердце земли Тивов, отряд из состава VI Батальона Ибадана прибыл между 11 и 14 августа. Были арестованы и посажены в тюрьму 15 солдат — уроженцев Востока. 16 августа командовавший отрядом майор Дарамола объявил, что их отвезут в Кадуну, а затем на самолете переправят обратно домой. Конвой отправился в дорогу; замыкал колонну майор Дарамола. Проехав 50 миль, конвой остановился и повернул в заросли, где ждала команда, выделенная для расстрела. Троим арестованным удалось бежать, они выпрыгнули из грузовика и стремглав бросились в высокую траву. Потом они пешком добрались до дома и обо всем рассказали. Подполковник Дарамола теперь командует VIII Бригадой Второй Дивизии нигерийской армии, расквартированной вдоль дороги Энугу — Онитша, ведущей из села Абагана в Уди.

Но хватит об июльских убийствах. Они очень детально и точно описаны в других источниках. Достаточно сказать, что во всех казармах и гарнизонах в Лагосе, Западной и Северной Областях все происходило точно так же. Солдаты-северяне захватывали склады оружия, вооружались, арестовывали и сажали под замок своих коллег с Востока, а потом забирали многих из них и отводили на расстрел. Некоторым удалось убежать и пробиться назад, на Восток, где год спустя они составили основу армии Биафры. Среди старшего офицерского состава большинство пехотных офицеров было убито, а те, кто выжил, главным образом служили в технических частях, вот почему и в нынешней армии Биафры офицеры, бывшие в

нигерийской армии в звании от майора и выше, служили главным образом в технических, а не в строевых частях. К тому времени как все кончилось, почти 300 офицеров и солдат были убиты или пропали без вести. Как единое целое, как действительно общенигерийский институт, в котором люди независимо от племенной принадлежности и национальности, культуры или вероисповедания могли жить бок о бок и называть друг друга товарищами, армия была непоправимо разрушена. А ведь армия была последним таким государственным институтом. Несмотря на то, что случилось — и раньше, и потом — несмотря на все усилия (которые могли бы принести положительный результат) сохранить единство Нигерии хотя бы в какой-то форме, если про какой-то момент истории и можно сказать, что именно тогда умерло единство страны, то это случилось тогда, когда генерал по прозвищу Джонни Железнобокий рухнул в пыль на окраине Ибадана.

Целью контрпереворота отчасти была месть за чисто партийный январский путч, а отчасти и отделение Северной Области. Сразу после того как полковник Говон перебазировался в казармы Икеджи, над их главными воротами взвился странный флаг, который оставался там 18 дней. На нем было пять горизонтальных полос: красная, желтая, черная, зеленая и хаки. Это был флаг республики Северная Нигерия. В течение трех дней в Лагос и Западную Область направлялись автобусы, грузовики, автомобили, поезда и самолеты для того, чтобы вывезти обратно домой огромное количество северян.

Гарнизоны в Лагосе, на Западе и на Севере контролировались частями, которыми командовали офицеры-северяне, и пока продолжались убийства солдат с Востока, подполковник Хассан Кацина, Военный губернатор Северной Области, был на стороне бунтовщиков, дав таким образом повод подозревать, что если он сам и не был одним из зачинщиков переворота, то уж по крайней мере знал, что затевалось. Заступиться за Западные области было некому. Полковник Фаджуйи был убит, и больше никто не мог защитить Лагос.

На Среднем Западе переворота не было, впрочем там не было и большого количества солдат-северян. Это был слишком маленький район, чтобы о нем беспокоиться. На Востоке был сильный губернатор, лояльный гарнизон и никаких попыток переворота. В результате законное правление в этой Области и не прерывалось.

Когда стало ясно, что офицеры-северяне намерены отделиться, как будто холодным ветром повеяло во многих кругах, и не в последнюю очередь в Британском Верховном

Комиссариате. С Востока полковник Оджукву узрел огненные письмена на стене и, связавшись по телефону, настойчиво потребовал у бригадного генерала Огудипе (Йоруба), старшего по званию офицера в армии и законного преемника генерала Иронси, взять власть и объявить себя Верховным Главнокомандующим. Оджукву пообещал в таком случае признать Огунди в этом качестве. Йоруба не слишком высоко оценивал свои шансы и после глупейшего трехминутного выступления по радио, в котором он просил всех сохранять спокойствие, сбежал сначала в Дагомею, а потом в Лондон, где через несколько месяцев согласился занять пост Верховного Комиссара Нигерии. Тем временем Верховный Комиссариат и все остальные предпринимали бешеные усилия, чтобы отговорить Север от отделения. Однако, в своих требованиях офицеры-северяне не были одиноки. «За самостоятельность и независимость» — лозунг на знаменах мятежа в мае прошлого года и июньского меморандума эмиров все еще оставался актуальным для большинства северян. Был только один способ удержать их в составе Нигерии: осуществить на деле старую альтернативу — «или мы всем управляем, или мы уходим». Впоследствии, из рассказов высокопоставленных чиновников, работавших тогда в Лагосе, стало известно, что Британский Верховный Комиссар сэр Френсис Камминг-Брюс утром 1 августа провел шестичасовую встречу один на один с Говоном. Затем Говон переговорил со своими друзьями-северянами. К полудню полковник Оджукве позвонил Говону из Энугу, чтобы узнать, что тот намеревается делать. Ему ответили, что все остаются в Лагосе и принимают на себя управление страной. Когда Оджукву начал протестовать, Говон ответил: «Этого хотят мои ребята, и они это получат». Вот так они и остались. Первое радиообращение Говона к нации, уже заготовленное и записанное на пленку, было в спешке и не слишком умело отредактировано. Вот что он сказал:

«Теперь я приступаю к наиболее трудной, но и наиболее важной части моего заявления. Я делаю это, полностью осознавая, как разочарованы и огорчены будут все те, кто по-настоящему любит Нигерию и предан единству Нигерии — как в стране, так и за ее пределами — в особенности наши братья по Содружеству. В результате недавних событий и того, что им предшествовало, и было так на них похоже, я пришел к убеждению, что мы не можем продолжать таким образом, потому что основа доверия, а также уверенности в унитарной форме управления не смогла пройти испытание временем. Я уже высказывался по данному вопросу. Достаточно здесь сказать, что после рассмотрения всех

соображений — политических, экономических, да и социальных тоже — становится ясно, что основы для единства у нас нет, или же она так сильно поколеблена, да не один, а много раз, и поэтому я считаю, что необходимо пересмотреть вопрос о нашем национальном положении и посмотреть, сумеем ли мы удержать страну от сползания к полному распаду».

У предпоследней фразы нет конца. После слов «так сильно поколеблена, да не один а несколько раз» ожидаешь продолжения, слова «что» и дальнейшего рассказа о последствиях этого «поколеблена». Кроме того, совсем уж глупо предполагать, что разглагольствования о необходимости остановить сползание страны к распаду могут разочаровать и разбить сердца всем тем, кто истинно любит Нигерию. Дело же, оказывается, в том, что до редактуры в речи должно было быть объявлено об отделении Севера.

Если бы это было сделано, то безо всякого сомнения Запад, Средний Запад и Восток вскоре достигли бы приемлемого модус вивенди, а затем Север и Юг могли бы войти в Конфедерацию автономных государств, или, по крайней мере, в некую Организацию совместного управления, которая. могла бы гарантировать все былые экономические выгоды для всех заинтересованных сторон, не затрагивая при этом пороховой бочки расовой несовместимости Севера и Юга.

К этому времени Говон сам себя назначил Верховным Главнокомандующим вооруженными силами и главой Национального Военного правительства Нигерии. На Востоке полковник Оджукву, не колеблясь ни минуты, отказался признать права Говона на эти титулы. Чтобы понять, почему сегодня существует Биафра, очень важно осознать, что после 1 августа 1966 года в Нигерии не было одного законного правительства и одного режима мятежников. Было два правительства, которые фактически раздельно управляли разными частями страны.

Как это стало ясно к 1 августа, июльский переворот в корне отличается от январского еще в одном отношении. В первом случае мятежники не добились власти и кончили в тюрьме. Во втором случае они взяли под контроль Федеральное правительство и две области. Третья область признала новый режим позже. Четвертая область не сделала этого никогда, да и по закону была не обязана этого делать.

Вот почему этот переворот провалился. Его целью было отомстить (это было выполнено), а затем отделиться (а этого сделано не было). Решив взамен того пойти на полный захват власти, руководители переворота оказались перед необходимостью получить хотя бы молчаливое согласие двух

областей, не затронутых переворотом. Когда такого согласия от самой большой области получено не было, Нигерия на самом деле раскололась на две части.

Но Британское Министерство по делам Содружества получило то, чего добивалось, и последовало признание. В октябре, призвав северян прекратить убийства живущих рядом с ними выходцев с Востока, Говон уже мог привести в качестве довода то, что «все вы знаете, что с конца июля Господь Всемогущий возложил ответственность за эту огромную страну Нигерию на плечи еще одного северянина…»

Вопрос о легитимности.

Одним из основных обвинений, которое предъявляют Биафре, является обвинение в незаконном характере ее правительства, тогда как правительство полковника Говона якобы остается единственным законным правительством страны. Но есть эксперты-юристы, и не все они родом из Биафры, которые утверждают, что по закону право на существование имеют оба правительства. Режим нынешнего Нигерийского военного правительства базируется на эффективном контроле над столицей и тремя бывшими областями, причем его управление распространяется более чем на 70 % населения. Дипломатический мир буквально одержим идеей столиц, так что контроль над главным городом страны очень важен. Если бы Лагос находился в Восточной Области, а Говон захватил все три окраинные области, тогда как полковник Оджукву контролировал бы только одну Восточную Область и столицу, тогда, возможно, дипломатический перевес был бы на другой стороне. Утверждения полковника Оджукву, что мятежным, а следовательно, незаконным, является скорее не его правительство, а правительство генерала Говона, основано на том, что после июля 1966 года в Восточной Области управление все время осуществлялось на законной основе. Ранее генерал Иронси был назначен на пост Верховного Главнокомандующего и главы Высшего Военного Совета почти всем составом тогдашнего кабинета министров. Если бы этот кабинет собрался на заседание после смерти премьера Балевы (тогда думали, что его только похитили) под председательством министра-Ибо, то впоследствии можно было бы утверждать, что подобное назначение было заранее организовано. Но председателем был альхаджи Дирчарима (Хауса), старший по должности министр от партии Северный Народный Конгресс (СНК).

Кроме того, генерал Иронси не оказывал ненужного давления на политиков. Как потом оказалось, он, не теряя чувства реальности, заявил им, что не может гарантировать лояльности

армии по отношению к закону, если армия не примет на себя руководство. В обстановке, когда Нзеогву продвигался к Югу, а многие гарнизоны были охвачены беспорядками, это не было преувеличением. Следовательно, назначение генерала Иронси можно рассматривать, как вполне соответствующее закону. А ведь именно он назначил полковника Оджукву управлять Восточной Областью, и это также было законным назначением.

Для полковника Оджукву единственным человеком, который имел право стать преемником генерала Иронси, был следующий по званию старший офицер — бригадный генерал Огундипе. Если бы он не был назначен, то на пленарном заседании Высший Военный Совет должен был назвать преемника. Этого не произошло. Полковник Говон либо сам себя назначил на этот пост, либо был назначен мятежниками в первые три дня после 29 июля. Среди этих мятежников был только один член Совета — полковник Хассан Усман Кацина, губернатор Северной области. Даже последнее заседание Совета, на котором было утверждено назначение Говона, не было пленарным, поскольку проводилось в таких условиях, что для полковника Оджукву присутствовать на нем, а потом живым вернуться домой, было бы совершенно невозможно.

Только в Восточной Области события июля 1966 года не прервали законную преемственность управления. Порядок назначений не был нарушен. Для биафрцев их разрыв с Нигерией в мае 1967 года, с учетом отношения к их области и ее населению вообще, был вполне легитимным и соответствующим международному праву, и у этой точки зрения есть свои сторонники во всем мире.

Два полковника

Абсолютно разными были эти два человека, в руках которых теперь находилась реальная власть в двух непримиренных частях Нигерии. Тридцатидвухлетний подполковник Якубу Говон был сыном методистского проповедника, принадлежавшего к одному из самых немногочисленных племен Севера — Шо-Шо и воспитанником миссионеров-евангелистов. Родился он неподалеку от города Бауши. В ранней юности Говон сначала посещал школу при миссии, а потом продолжил образование в средней школе. В 19 лет он поступил в армию. Там ему повезло, и вскоре он был отправлен на учебу — сначала в Итон Холл, а затем и в Сандхорст. Он вернулся в Нигерию, где продолжилась его карьера пехотного офицера. Потом он еще несколько раз ездил на учебу в Англию, в частности в Хайз и в Уорминстер.

Вернувшись в страну, он стал первым нигерийцем, начальником строевого отдела, а затем, так же как и генерал Иронси, служил в Нигерийском контингенте сил ООН в Конго. Когда произошел январский переворот, Говон снова был на курсах в Англии, на этот раз в Объединенном Штабном Училище.

Да и по внешности он резко отличался от своих коллег-офицеров из-за Нигера: маленького роста, подвижный, внешне привлекательный, всегда одет с иголочки, с ослепительной мальчишеской улыбкой. Хотя, возможно, оба лидера ничем так не отличались друг от друга, как характером. Те, кто хорошо знали Говона, и служили с ним, описывали его как мягкого, кроткого человека, который и мухи не обидит — лично. Но они также говорили о нем, как о человеке весьма тщеславном, у которого за внешним обаянием, заставившим столь многих иностранцев полюбить его с тех пор как он пришел к власти, скрывалось много тщеславия и злобности. Что касается политики, то биафрцы, придерживающиеся умеренных взглядов, больше всего упрекают Говона в том, что он всегда колеблется в тех случаях, когда надо принять твердое решение, легко попадает под влияние личностей более сильных, пугается, когда с ним обращаются грубо и задиристо, и конечно же никак не может сравниться с армейскими офицерами, возглавлявшими июльский переворот, или же с хитрыми чиновниками, увидевшими в его режиме возможность пробраться к власти над страной.

Для биафрцев Говон никогда не был настоящим правителем Нигерии, а только лишь приемлемым на международной арене подставным лицом, льстивым с приезжими журналистами и корреспондентами, очаровательным с дипломатами, привлекательным на телеэкране.

Слабость характера Говона стала заметна почти сразу же после его прихода к власти. Первое, что он сделал, это отдал приказ о прекращении убийств служивших в Нигерийской армии офицеров и солдат с Востока. Тем не менее, как мы уже говорили, убийства эти продолжались, не встречая особых препятствий, почти до конца августа. Да и два года спустя контроля над армией у него было не больше. Время от времени Говон клялся журналистам и дипломатам, что отдал приказ своим ВВС прекратить бомбардировку гражданских объектов в Биафре, но стрельба ракетами, бомбежки и обстрелы рынков, церквей и госпиталей беспрерывно продолжались.

Подполковник Чуквуэмека Одумегву Оджукву — личность совершенно иная. Он родился 35 лет назад в Зунгеру, маленьком городе в Северной Области, куда ненадолго приехал его отец. Отец этот, сэр Льюис Одумегву Оджукву, скончавшийся в

сентябре 1966 года в рыцарском звании и с несколькими миллионами фунтов в банке, в самом начале жизненного пути был мелким предпринимателем из Нневи в Восточной Области. Он основал общенациональную транспортно-дорожную компанию, затем предусмотрительно продал ее за большие деньги, незадолго до получения железными дорогами самостоятельности и вложил средства в недвижимость и крупные финансовые операции. Все, к чему прикасался сэр Льюис, превращалось в золото. Он вложил деньги в землю под застройку в Лагосе тогда, когда цены были еще невысоки, а ко времени его кончины участки заболоченной земли на Виктория-Айленд в Лагосе шли буквально нарасхват по баснословной цене, т. к. Виктория-Айленд был намечен под постройку нового фешенебельного дипломатического жилого пригорода быстро растущей столицы.

История жизни его второго, но самого любимого сына едва ли похожа на сказку о Золушке. Семейное пристанище, где играл юный Эмека Оджукву перед тем как отправился учиться, было роскошным особняком. Как у большинства богатых бизнесменов, у сэра Льюиса был открытый дом, и его особняк служил местом встреч богатой элиты процветающей колонии.

В 1940 году молодой Оджукву поступил в школу католической миссии, но вскоре перешел в Королевский Колледж, небольшое частное среднее учебное заведение, созданное по модели британских «паблик скулз». Проучился он там до 13 лет, и тогда отец послал его в Эпсем Колледж, среди зеленых холмов Суррея. Позднее он вспоминал, что первым его впечатлением от Британии было ощущение полной затерянности «среди моря белых лиц». Изоляция, в которой оказался маленький африканский мальчик в совершенно чуждом окружении, сильно повлияла на последующее формирование его характера. Загнанный внутрь самого себя, он выработал собственную философию опоры на собственные силы, твердой внутренней достаточности, при которой не нужна поддержка извне, поддержка других людей. Несмотря на частые стычки с признанными авторитетами в лице воспитателей, он учился достаточно успешно, хорошо играл в регби и установил рекорд в метании диска среди юниоров, который держится до сих пор.

Он кончил Эпсом Колледж в 18 лет и перешел в Линкольн Колледж в Оксфорде. Именно здесь произошло его первое столкновение с отцом, из которого он вышел победителем. Сэр Льюис был отцом крайне викторианского типа: волевой глава семейства, который не терпит противодействия со стороны своих же отпрысков. Во втором сыне он узнавал многие собственные

черты и, возможно, был в этом вполне прав. Сэр Льюис хотел, чтобы сын изучал право, но, закончив первый общеобязательный год обучения, Эмека Оджукву перешел в класс современной истории, которая интересовала его гораздо больше. Он все еще играл в регби и почти добился включения в университетскую команду и без особого напряжения сдал экзамены на степень бакалавра. Три года, проведенные в Оксфорде, были самыми счастливыми в его жизни. Ему исполнялся 21 год, он был силен, красив, богат и беззаботен.

Когда он вернулся в Нигерию, то в Лагосе его знали, как он вспоминает сегодня, «только из-за безупречного покроя моих английских костюмов». Затем последовала вторая стычка с отцом. Для Оджукву было самым естественным войти в любое из преуспевающих предприятий, принадлежащих отцу или его друзьям, где работа его была бы минимальной, а продвижение автоматическим. О его независимости многое говорит тот факт, что он искал такую работу, где мог бы что-то делать сам, без нависшего над ним слишком могущественного покровительства имени Оджукву. Он избрал государственную службу и попросил, чтобы его послали в Северную Область, надеясь таким образом избежать влияния своего имени и родственных связей.

Но присущий государственной службе регионализм этому помешал. Север был для северян, и молодой Оджукву был отправлен на Восток. Для Сэра Льюиса было ударом уже то, что сын поступил на государственную службу в низком чине, однако он примирился и с этим. А для Оджукву было ударом то, что он должен работать на Востоке. Он надеялся избежать влияния отцовского имени, влияния и престижа, а вместо этого повсюду на них натыкался. Сэр Льюис был «парнем из местных», выбившимся в люди, его имя обладало магической силой, и свежеиспеченный чиновник вскоре понял, что, как бы он ни работал, его годовые отчеты просто обречены быть блестящими. Ни один из вышестоящих начальников не осмелился бы отправить плохой рапорт о сыне сэра Льюиса. Этого-то молодой человек хотел меньше всего.

Пытаясь проявить себя, он с головой ушел в работу, как можно чаще выбираясь из города и помогая крестьянам строить дороги, каналы, рыть водосточные канавы. По иронии судьбы оказалось, что таким образом он прошел школу, оказавшуюся жизненно важной для его нынешнего положения, к опыту которой он постоянно обращается. За эти два года избалованный молодой человек из Лагоса сумел хорошо узнать свой народ — Ибо, обыкновенных людей, понять их проблемы, надежды и страхи. И самое главное заключается в том, что он терпим к их слабостям и

всячески оправдывает их ошибки, что зачастую оказывается выше понимания других его коллег, также получивших образование на Западе.

Именно эта связь с народом, глубоко укоренившаяся обратная связь, которая сегодня является основой его лидерства среди народных масс Биафры, до сих пор ставит в тупик его зарубежных оппонентов, которые уже давно хотят, чтобы он стал жертвой очередного переворота. Люди знают, что Оджукву понимает их, и отвечают ему неизменной поддержкой.

Однако после двух лет работы среди Ибо и не Ибо Востока, он решил оставить государственную службу и поступить в армию. Причина этого решения довольно забавна для человека, которого некоторые обвиняют в том, что он «сломал Федерацию». Оджукву был таким убежденным федералистом, что узкие границы федерализма, смирительной рубашки государственной службы, действовали ему на нервы. В армии он увидел ту государственную структуру, в которой племя, раса, социальное происхождение не имели никакого значения. Это была та структура, в которой он мог бы наконец убежать от удушающего пристижа имени Оджукву и заработать продвижение по службе своими собственными заслугами.

Его сразу же отправили на подготовку к офицерскому чину в Итон Холл, Честер, откуда он был выпущен вторым лейтенантом. (Иногда ошибочно утверждают, что он окончил Хайз и Уорминстер). Оджукву вернулся домой и получил первое назначение в Пятый Батальон, расквартированный в Кано, Северная Нигерия. Через два года его произвели в капитаны и назначили в Штаб армии, расположенный в казармах Икеджи в Лагосе. Это было в 1960 году, в год независимости.

Для богатого холостяка-офицера армии — любимого детища Нигерии — жизнь была весьма приятной. В 1961 году Оджукву послали в школу пограничных войск Западной Африки в Теши, в соседней Гане, преподавателем тактики и военного права. Первым учеником в классе тактики был лейтенант Муртала Мохаммед.

Потом, в этом же году, капитан Оджукву вернулся в V Батальон в Кано, но вскоре получил звание майора и был направлен в Штаб I Бригады в Каруне. В этом же году он служил в Лулуабурге, провинция Касаи, Конго, с III Бригадой сил ООН по поддержанию мира (во время событий в Катанге). Именно тогда его кандидатуру наметили для дальнейшего военного обучения, и в 1962 году он поступил в Объединенное Штабное училище в Англии. В январе 1963 года ему присвоили звание подполковника, и в этом качестве он стал первым туземным

Главным Интендантом нигерийской армии.

Именно на этой должности он приобрел решимость и опыт, которые впоследствии позволили ему уличить во лжи Британское правительство, заявившее, что перевозимое морским путем из Лондона в Лагос оружие, является только частью «обычных поставок».

На посту Главного Интенданта он следовал правилу «покупать лучшее из того, что можно купить за предложенную цену, независимо от того, кто продает». В результате этого, большинство старых контрактов о поставке оружия британскими фирмами было аннулировано, а новые контракты были заключены с продававшими по более выгодным ценам поставщиками из Голландии, Бельгии, Италии, Западной Германии и Израиля. Ко времени начала нынешней войны, Нигерийская армия зависела от Британии только в поставках парадной униформы и бронемашин.

Год спустя Оджукву вернулся в V Батальон, но на этот раз как его командир. Как раз в то время, когда он пребывал в Кано, в 1965 году молодой майор Нзеогву замышлял в Кадуне то, что стало январским переворотом 1966 года. Никто и никогда не высказывал предположений о том, что полковник Оджукву принимал участие или знал о перевороте. Заговорщики совершенно оставили его в покое. Во-первых, все считали, что он слишком уж был связан с истеблишментом, а во-вторых, что было гораздо важнее, общеизвестен был его склад ума, ума юриста, который сделал бы для него отвратительной саму мысль о бунте против законной власти.

Когда произошел январский переворот, Оджукву был одним из тех немногих, кто не растерялся. Пригласив на секретное совещание провинциального администратора и эмира Кано, он призвал их совместными усилиями удержать Кано и всю провинцию от беспорядков и кровопролития. Они добились успеха: в Кано мятежа не было. Буквально через несколько часов после этого он разговаривал по телефону с генералом Иронси, обещая поддержку — и свою, и Батальона — стороне, которая останется верной закону.

Через несколько дней, когда Иронси понадобился офицер из Восточной Области для назначения его Военным Губернатором этой Области, он призвал для выполнения этой работы полковника Оджукву.

В 23 года полковник Оджукву был назначен управлять своим собственным народом и пятью миллионами не Ибо в Восточной Области. Беззаботные дни были позади. Те, кто знал его раньше, говорили, что он колоссально изменился. Сначала под грузом

ответственности за управление, а потом — народного лидерства, жизнерадостный армейский офицер уступил место человеку гораздо более сдержанному. Он все еще принимает очень всерьез свой пост, а не самого себя, как личность. Впереди его ждут, хотя он этого еще и не знает, резня мая 1966 года, еще один переворот, опять резня на расовой почве, ненависть, недоверие, нарушенные клятвы, решение пойти навстречу желанию народа и выйти из состава Нигерии, война, голод, клевета и возможно — смерть.

Но в январе 1966 года, после взятия власти все выглядело не так. Также как и полковники Фаджуйи и Эджоор, полковник Оджукву не стал терять много времени на борьбу с коррупцией и продажностью в общественной жизни Востока. Как и повсюду на Юге (но не на Севере) некоторые ведущие политики старого режима, пока шла генеральная уборка, сидели в тюрьме.

Даже убийства в Северной Нигерии не слишком ослабили его веру в Единую Нигерию. После того, как генерал Иронси получил заверения султана Сокото, что убийств больше не будет, полковник Оджукву воспользовался визитом своего друга эмира Кано в Нсукку, чтобы обратиться к своим сородичам, бежавшим с Севера, с призывом вернуться к своей работе. Потом ему пришлось горько пожалеть об этом, и угрызения совести из-за того, что многие из тех, кто последовал его совету, погибли в последовавшей резне, до сих пор мучают его.

В двух отношениях полковник Оджукву является личностью почти уникальной для сложившейся обстановки. Прежде всего, он не был скомпрометирован участием в коррумпированном правлении политиков, ведь нынешние политики в Лагосе — это в большинстве своем те люди, которые заправляли в старом политическом цирке, где личное обогащение путем перекачки общественных фондов было в порядке вещей. Кроме того, он не был вовлечен ни в один из военных переворотов, а большинство нынешних военных силачей, стоящих за спиной политиков Нигерии, принадлежит к той группе, которая осуществила кровавый переворот июля 1966 года.

Во-вторых, он сам по себе был богатым человеком. После смерти отца в 1966 году, он унаследовал обширные владения в Лагосе и других местах. Но не все наследство заключалось в недвижимости. У старого финансиста были крупные вклады в швейцарских банках, и перед смертью он посвятил своего второго сына во все их детали и дал к ним ключ. Если бы полковник Оджукву поступал так, как хотела Лагосская клика, то после июльского переворота мог бы все это сохранить и до сих пор бы исполнял свою должность. Но сделав то, что он сделал, Оджукву

потерял все, что у него было в Лагосе, и все свое состояние в Нигерии. Что касается денежных средств за рубежом, то когда подошел критический момент, он настоял на том, чтобы все они до цента были потрачены для Биафры, прежде чем придется прибегнуть к старым фондам Восточной Области за границей. Его состояние оценивалось общей суммой в 8.000.000 фунтов.

Осенние зверства

Обстановка, сложившаяся после июльского переворота, была крайне тяжелой. Когда известия об убийствах солдат — выходцев с Востока в казармах Северной и Западной Нигерии дошли до их родных мест, страсти накалились. Безоружные, переодетые в гражданскую одежду, шедшие ночью и прятавшиеся днем первые группы офицеров и солдат начали пересекать Нигер и рассказывать о том, что произошло.

Для полковника Говона эта неделя была решающей. Уже приводились различные причины, по которым именно он был выбран лидером заговорщиков. Тот довод, что он просто был следующим по старшинству офицером, без сомнения несостоятелен. Данное им самим по радио 1 августа объяснение, что он был назначен большинством существующего Высшего Военного Совета, на Востоке не было принято во внимание. Во-первых, Совет не принимал решений большинством, а во-вторых, он и не собирался. Третья причина, которой объясняли избрание Говона, в частности, писатели-эмигранты, это то, что он был единственным человеком, который мог держать под контролем восставших.

Перед новым режимом стояли три срочные нерешенные проблемы: необходимость остановить убийства в армии, найти приемлемого для всех Верховного Главнокомандующего и определить, на какой основе может состояться будущее объединение четырех областей.

Полковник Оджукву, хотя и не был готов признать главенство полковника Говона, тем не менее ясно понимал, что если хоть что-то в Нигерии может быть спасено от разрушения, то ему придется для этого сотрудничать с новым режимом. Поэтому он предложил по телефону из Энугу собрать встречу представителей военных губернаторов, чтобы попытаться достичь соглашения о по крайней мере временном объединении региональных военных группировок, образовавшихся в результате переворота.

На Севере, Западе и в Лагосе контролирующей силой была теперь Северная армия. Выходцы с Востока в «этой армии» (т. е. Федеральной) были либо убиты, либо изгнаны. Большинство

выходцев со Среднего Запада (а их было не так уж и много) принадлежали к Ибо Среднего Запада, а поэтому считались тоже людьми с Востока, и их постигла та же участь. А выходцев с Запада в армии были единицы, потому что по традиции Йоруба редко записывались в армию.

Встреча представителей была проведена, как намечалось, 9 августа. На ней было достигнуто соглашение (при содействии северян) об отводе войск в районы, соответствующие их этническому происхождению. В более поздних описаниях событий этот факт зачастую обходят вниманием, хотя это соглашение, будь оно выполнено, могло бы спасти Нигерию. На Западе переворот поддерживали только бывшие политики времен Акинтолы, которых большинство населения все еще до смерти ненавидело. Возвращение солдат-северян на Север могло бы дать народам Запада возможность высказаться откровенно, что было совершенно невозможно, пока гарнизоны северян оставались в каждой казарме, и их отряды занимали дороги.

Вождь Аволово, освобожденный из тюрьмы, был все еще достаточно популярен для того, чтобы говорить от имени Запада. Но новый режим так и не сдержал обещания. Предлогом послужило то обстоятельство, что не было достаточного количества солдат-Йоруба, чтобы заменить северян. На самом же деле безопасность могла бы быть обеспечена полицией, потому что у жителей Запада не было причин буйствовать. Как потом оказалось, оставшиеся солдаты-северяне как на Западе, так и на Востоке были чем-то вроде оккупационной армии, да зачастую и вели себя соответственно.

На Востоке полковник Оджукву придерживался буквы соглашения. Северяне из состава гарнизона Энугу были репатриированы по железной дороге на Север, и, в соответствии с условиями соглашения от 9 августа, им было позволено взять с собой оружие и боеприпасы для защиты от возможных засад. Предполагалось, что это оружие будет возвращено назад после того, как военные вернутся домой. Но, оказавшись в Кадуне, отряды из Энугу оставили оружие себе и больше о них не слышали.

В других местах солдаты, бывшие родом с Востока, требовали вернуть их домой. Некоторых из них отправили с Севера, но без оружия и без охраны. По дороге они подвергались постоянным издевательствам со стороны враждебно настроенного населения тех районов, по которым они проходили. Напряжение росло.

К концу месяца стало ясно, что пропали еще сотни человек. Именно тогда полковник Оджукву и потребовал, чтобы оставшимся было разрешено вернуться домой. После его

заявления те 22 человека, которые содержались в Икедже, были уничтожены.

Все это для Востока не прошло бесследно. После майской резни генералом Иронси была создана комиссия по расследованию, под председательством судьи Британского Верховного Суда. Таким образом, он следовал практике, начало которой положили британцы после Джосских бунтов 1945 года и резни в Кано в 1953 году. Но прежде чем была назначена эта комиссия, Иронси поручил своему начальнику штаба провести краткое предварительное расследование. Полковник Говон, у которого Высший Военный Совет постоянно требовал доклада о его выводах, тянул, утверждая, что доклад еще не готов. На деле этот доклад так никогда и не состоялся, потому что, придя к власти, Говон распустил комиссию, которая никогда и не была назначена. В результате не было ни определения ответственности за майские убийства, ни преследования по закону тех, на кого падала эта ответственность, ни возмещения жертвам.

Тем временем на Востоке все подозрительнее относились к Говону: все выглядело так, как будто он никогда и не намеревался вытащить на свет Божий первопричины майских убийств. Это впечатление усилилось еще и после того, как с его благословения был опубликован документ, в котором заявлялось, что единственной причиной беспорядков послужило обнародование 24 мая Декрета об Унификации страны. На деле же этот документ был единогласно принят Высшим Военным Советом, в составе которого было двое северян: полковник Хассан Кацина и альхаджи Кам Салем.

Гораздо важнее (и это часто выпускают из вида) был крутой поворот в общественном мнении Восточной Области по вопросу о будущем устройстве Нигерии. Раньше они были первейшими защитниками Единой Нигерии, приложили к реализации этой идеи больше усилий, чем любая другая этническая группа и постоянно защищали ее на всех политических уровнях. Но между 29 июля и 16 сентября Восток повернул на 180 градусов. Для них это был тяжелый жизненный опыт, извлеченный из недавних событий. Жалобный отрывок из одной официальной публикации Правительства Восточной Области (осенью того же года) поясняет, к каким выводам им пришлось придти.

«Недавние события показали, даже еще яснее чем прежде, что наша уверенность в том, что только сильная центральная власть может удержать вместе народы этой страны, была слишком самонадеянной. Мы, возможно, сильно упрощали ситуацию. Теперь кажется, что та основа, на которой строилась наша концепция одной нации, одного общего гражданства и одной

судьбы, никогда и не существовала». [7]

Не слишком приятное признание. Чувство разочарования было глубоким, почти болезненным. Даже сегодня оно все еще присутствует в тоне тех в Биафре, кто тогда был в центре всех этих событий.

Тем временем во всех Областях и на всех уровнях шла дискуссия по вопросу о том, какую позицию займет каждая Область на предстоящей Расширенной Специальной Конституционной Конференции, которая должна была пройти в Лагосе, начиная с 12 сентября. На этой Конференции Восток предложил свободное объединение штатов с высокой степенью внутренней автономии, не потому что это была их заветная мечта, но потому, что это была единственная форма организации, в которой, казалось, учитывалась реально сложившаяся ситуация. Тремя месяцами позже полковник Оджукву выразил эту точку зрения в двух фразах: «Будет лучше, если мы немного отодвинемся друг от друга и выживем. И гораздо хуже, если мы придвинемся поближе и погибнем в столкновении». [8]

Север тоже избрал свободную федерацию, но даже еще более свободную, чем предлагал Восток, настолько свободную, что это уже больше походило на конфедерацию государств, и чтобы уж совсем не оставить никаких сомнений по поводу их желаний, делегация Севера приложила подробный меморандум о Восточноафриканской Организации общего управления, предлагая ее в качестве модели. В своих предложениях делегация Севера сказала о Нигерийском Единстве буквально следующее:

«Недавние события показали, что попытки нигерийских лидеров строить будущее страны на основе жесткой политической идеологии нереалистичны и ведут к катастрофе. Слишком долго мы делали вид, что нет различий между народами этой страны. Мы должны честно признать, как имеющий первостепенную важность в нигерийском эксперименте — особенно на будущее — тот факт, что мы — разные народы, которых свели вместе случайности недавней истории. Было бы безумием делать вид, что все обстоит иначе». [9]

Сходство выводов в этом отрывке и в ранее цитированной восточной публикации — несомненно. Впервые за все время Восток и Север согласились с очевидностью их собственной несовместимости.

Север даже пошел дальше, требуя, чтобы в любую новую нигерийскую конституцию был внесен пункт о возможности отделения, прибавляя: «Любое государство — член Союза сохраняет за собой право на полный и односторонний выход из Союза и установление условий сотрудничества с другими

членами Союза в такой форме, какую они могут совместно или индивидуально счесть необходимой». [10]

В отличие от позиции Востока, точка зрения Севера полностью соответствовала давней традиции. Именно тогда и произошел еще один крутой поворот. После нескольких дней, проведенных в Лагосе, внутри северной делегации, казалось, назрел кризис. Из Кадуны прибыл полковник Кацина; делегаты поспешно уехали на Север, Конференция была отложена.

Когда после консультаций северяне вернулись, они представили совершенно иной пакет предложений. На этот раз они хотели иметь сильное и эффективное центральное правительство, даже при условии уменьшения автономии областей. Они согласились на создание в Нигерии большего количества Штатов (идея, которая до сего времени была им отвратительна) и согласились убрать любое упоминание об отделении.

Было много попыток объяснить такой невероятный разрыв со всеми традиционными принципами северян. В частности, утверждалось, что люди из Среднего Пояса, чьи пехотинцы составляли основу армии, совершенно ясно дали понять, что не хотят возврата к региональной автономии, поскольку тогда они снова попадут под власть эмиров, которая им изрядно надоела, и что они, чтобы получить то, чего добивались, оказывали давление на Север и на Центральное правительство. Если это правда, то значит в нигерийскую политику вошла новая сила — племенные меньшинства — и совершила то, что Уолтер Шварц называет «третьим переворотом».

Другое объяснение состоит в том, что эмирам пришло в голову — или им это объяснили — что почти автономный район в основном будет существовать на свои собственные доходы и что Северу тогда придется выплачивать крупные займы, взятые на строительство плотины в Кайнджи и продление железнодорожной ветки в Борну, а Восток завладеет большей частью нефтяных денег.

Третье объяснение в том, что снова заработали британские дипломаты и использовали свое несомненное влияние на Севере, для того, чтобы убедить их, что Уайтхолл никоим образом не желает превращения Нигерии в Конфедерацию государств.

В-четвертых, возможно, что правительство Севера осознало, что вполне может позволить себе роскошь выпустить на политическую сцену Объединенной Нигерии представителей племенных меньшинств и даже разрешить создание новых штатов при том условии, что сами они останутся на заднем плане, — обладателями реальной власти, удостоверившись в том, что сила

Центрального правительства будет зависеть от армии, а армия останется орудием Севера. Некоторые подтверждения этой точки зрения появились потом, когда после разделения Севера на 6 Штатов корреспондент Би-Би-Си задал полковнику Кацине вопрос: затронули ли эти изменения, хоть в какой-то мере, традиционные структуры власти на Севере. Кацина ответил: «Ни в малейшей степени». Когда в самом разгаре нынешней войны вдруг стало похоже, что полковник Говон мог бы предъявить излишние претензии, Кацина перебросил Бригаду Хауса на северные подступы к городу Лагосу и преспокойно назначил сам себя Начальником Штаба армии, став преемником другого северянина — полковника Биссалла.

Какова бы ни была причина перемены, сама перемена была так внезапна и так не в стиле северян, что все это походило на какую-то закулисную сделку, а удовлетворенная реакция Уайтхолла на эти перемены была так очевидна, что весьма трудно поверить в то, что Британский Верховный Комиссариат удовольствовался ролью совершенно праздного наблюдателя.

Как оказалось, Конституционная Конференция кончилась ничем, поскольку была прервана новой волной убийств на Севере. Резня возобновилась с такой силой, что раз и навсегда были уничтожены все иллюзии по поводу того, что ненависть Севера к Востоку можно отбросить, как фактор преходящий в развитии новой нации. Тогда же зародилась уверенность Востока в том, что единственная их надежда на дальнейшее выживание как народа заключается в выходе из Нигерии.

В позднейшей литературе, опубликованной Нигерийским военным правительством (неудивительно, что вся федеральная литература крайне просеверно настроена), были приведены некоторые причины этих убийств, а их размеры и характер сильно преуменьшены. Рассмотрение этих оправданий показывает, что все они были выдуманы или добавлены уже после самих событий, а сопоставление относящихся к делу данных и показаний очевидцев-европейцев доказывает их фальшивость. Основное оправдание заключалось в том, что на Востоке было убито некоторое количество северян, и это послужило толчком к резне на Севере. На самом же деле, хотя и были какие-то проявления насилия по отношению к северянам, живущим на Востоке, но случилось это через 7 дней после начала бойни на Севере.

Как и в мае, резня была запланирована и организована главным образом теми же самыми силами, которые были замешаны в январских событиях: политиками, чиновниками, местными государственными деятелями, партийными головорезами. И снова люди видели, как их возили в автобусах от

города к городу, и они побуждали чернь к насилию и руководили их налетами на Сабон Гари, где жили выходцы с Востока. Было только одно существенное различие: в конце лета полиция и армия не только присоединились, но зачастую и активно возглавляли эти банды убийц, будучи в первых рядах тех, кто грабил имущество жертв, насиловал их женщин.

Эти события начались между 18 и 24 сентября, а точнее за несколько дней до открытия Лагосской Конституционной Конференции, в северных городах Макурда, Минна, Гбоко, Гомбе, Джое, Сокото и Кадуна. IV Батальон в Кадуне оставил свои казармы и вместе с гражданскими приступил к грабежам. Полковник Кацина издал предупреждение солдатам, приказывая им не вмешиваться, но это не возымело ни малейшего действия.

29 сентября 1966 года Говон выступил по радио, явно намереваясь положить конец насилию. Он сказал: «Кажется, все начинает выходить за рамки разумного и граничит с безрассудством и безответственностью», так что у слушателей создалось впечатление, что, до какого-то определенного предела, убийства выходцев с Востока могут рассматриваться как разумное мероприятие. В любом случае, вмешательство Говона оказалось безрезультатно. Погромы не только не ослабели, но в этот день из пламени превратились во всесожжение.

Чтобы читатели не сочли описание того, что произошло, плодом воображения (теория, которая впоследствии была почти что официально обоснована в некоторых британских и нигерийских правительственных кругах), трое европейцев-очевидцев лучше расскажут о том, что они видели.

Корреспондент журнала «Тайм», 7 октября:

«Резня началась в аэропорту, неподалеку от родного города V Батальона — Кано. Из Лондона только что прибыл самолет на Лагос, и когда выходившие в Кано пассажиры направлялись для таможенного досмотра, в таможенный зал ворвался солдат с дико горящими глазами, угрожающе размахивавший винтовкой и вопрошавший: «Ина Ньямири?», что на Хауса значит: «Где эти проклятые Ибо?» Среди таможенников были Ибо. Они побросали свои мелки и побежали, но были застрелены другими солдатами на главном терминале. Выкрикивая кровожадные проклятия мусульманской священной войны, солдаты-Хауса превратили аэропорт в бойню, закалывали штыками рабочих-Ибо в баре, стреляли в них в коридорах и вытащили из самолета пассажиров-Ибо, чтобы, поставив их в ряд, расстрелять.

Из аэропорта солдаты, развернувшись цепью, двинулись по окраинным кварталам Кано, охотясь за Ибо в барах, гостиницах и на улицах. Часть отряда повернула свои «Ленд-Роверы» к

железнодорожной станции, где более сотни Ибо ждали поезда, и расстреляла их всех из автоматов.

Солдатам не пришлось всех убивать самим. Вскоре к ним присоединились сотни Хауса-гражданских, которые неистовствовали по всему городу, вооруженные камнями, заостренными мотыгами, мачете и самодельным оружием из металла и осколков стекла. С криками «Язычники!» и «Аллах!» солдаты и толпа захватили Сабон Гари (кварталы чужаков) — грабя и сжигая дома и магазины Ибо, убивая их владельцев.

Всю ночь и все утро продолжалась резня. Потом, усталые, но довольные, Хауса разошлись по домам и казармам, чтобы позавтракать и поспать, а муниципальные мусоровозы послали собрать мертвых и свалить их в общие могилы за пределами города. Количество убитых так и не стало известно, но их было не менее тысячи.

Каким-то образом несколько тысяч Ибо выжили в этой оргии, и у всех была только одна мысль: «уехать, выбраться с Севера».

Уолтер Партингтон, «Дейли Экспресс», Лондон, 6 октября:

«Но из того, что мне рассказали во время моего путешествия на зафрахтованном самолете в те города, куда можно долететь самолетом Северной Гражданской авиакомпании, а потом на попутках по этой безлюдной земле, по ужасу эта резня временами походила на конголезскую резню. Не знаю, остались ли вообще Ибо в Северной Области, потому что, если они не умерли, то должны были спрятаться в буше, на невозделанной земле, равной по площади Франции и Британии.

Я видел, как грифы и собаки рвали на части тела Ибо, а женщины и дети размахивали мачете, палками и ружьями.

В Кадуне я разговаривал с летчиком чартерной авиалинии, который на прошлой неделе перевез в безопасное место сотни Ибо. Он сказал: «Количество убитых должно намного превышать три тысячи»… Одна молодая англичанка сказала: «Хауса вытаскивали раненых Ибо из госпиталей и добивали их».

Я разговаривал с тремя семьями из города Нгугу, расположенного в буше, в 17 милях отсюда (отчет был помечен Лагосом). На трех «Ленд-Роверах» они уехали из города, где около 50 Ибо были убиты бандитами, опьяневшими от пива, украденного из каких-то европейских магазинов. Другой англичанин, убежавший из города, рассказал о двух католических священниках, по пятам за которыми бежала толпа… Я не знаю, удалось ли им убежать, я не стал ждать». Множество убитых Ибо были похоронены в общих могилах за стенами мусульманского города.

В Джосе пилоты, которые перевозили Ибо на безопасный

Восток, говорили, что убитых было по крайней мере восемьсот.

В Зариа, в 45 милях от Кадуны, я разговаривал с Хауса в одеяниях цвета шафрана, который сказал мне: «Мы убили здесь около 250 человек. Может быть, Аллах пожелал этого».

Один европеец видел, как в его саду под окнами зарезали женщину с дочерью, после того, как ему не разрешили впустить их в дом».

Колин Легам, «Обсервер», Лондон, 16 октября 1966 года.

«Тогда как в каждом городе и деревне Севера Хауса знают, что произошло в их собственных поселениях, только Ибо до конца могут рассказать эту ужасную историю. 600 тысяч, или около того, человек, которые бежали в безопасность Восточной Области: изрубленные, исполосованные кнутом, искалеченные, раздетые и обобранные до нитки, лишенные всего, что у них было; сироты, вдовы, раненые. Одна женщина, немая и оцепенелая, вернулась в свою деревню, после того как пять дней подряд шла, неся с собой один единственный шар. Она держала голову своего ребенка, которую отрезали у нее на глазах.

Мужчины, женщины, дети приходили со сломанными руками и ногами, отрубленными кистями рук и разорванными ртами. Беременным женщинам разрезали животы и убивали неродившихся детей. Общее количество погибших неизвестно. Количество раненых, которые приехали на Восток, исчисляется тысячами. По прошествии двух недель обстановка в Восточной области все еще напоминает лагеря беженцев в Израиле после окончания последней войны. Это сравнение совсем не так уж и фантастично».

Продолжать описание этих зверств и того размаха, с которым они творились, — в те две недели конца лета 1966 года — значило бы навлечь на себя обвинение в том, что упиваешься всей этой грязью. Собранные потом свидетельства очевидцев, рассказы жертв исчисляются тысячами страниц, и временами природа этих зверств просто недоступна человеческому пониманию. Это же относится и к рассказам английских врачей, которые были среди тех, кто ухаживал за ранеными в аэропорту и на железнодорожной станции Энугу, когда на Восток возвращались беженцы.

Но не менее страшна была последующая попытка нигерийского и британского правительств замести все это «под ковер», как будто от того, что об этом перестанут говорить, будет легче стереть и саму память о происшедшем. Для нигерийского правительства эта тема является табу; а среди английских политиков — со времен Берджеса и Маклина — это самый лучший повод для прекращения любой беседы.

Множество премудрых журналистов, кажется также со всеобщего молчаливого согласия, договорились не упоминать об убийствах 1966 года, как об одной из причин отделения Восточной Нигерии от Федерации и нынешней войны. Это нереалистический подход. Никто не сможет объяснить нынешнее отношение биафрцев к нигерийцам, не упоминая об этих событиях, также как невозможно рассказать о современном отношении евреев к немцам, не упоминая о том, что пережили евреи под властью нацистов между 1933 и 1945 годами.

Абури — последний шанс Нигерии

Нет никаких сомнений в том, что целью погромов 1966 года было изгнание с Севера, а может быть даже из Нигерии, уроженцев Востока. Что и было весьма удачно исполнено. Вслед за волной убийств они толпами возвращались домой, убедившись раз и навсегда, что Нигерия не сможет, да и не захочет предоставить им элементарные гарантии сохранности их жизни и собственности, что обычно является неотъемлемым правом граждан в их собственной стране.

Впоследствии жителей Востока обвинили в преувеличении размаха и воздействия массовых убийств. Однако, ничего и не нужно было преувеличивать. Факты говорили сами за себя, и слишком много независимых друг от друга людей были их свидетелями, чтобы можно было так просто сбросить их со счетов.

Уолтер Шварц, которого едва ли можно обвинить в сенсационализме, определяет эти события как «погромы, достигшие размеров геноцида».

Избиениям подверглись не только собственно Ибо. Слово «Ибо» — это единый родовой термин на Севере — на Хауса есть только слово «Ньямири», которое имеет как пренебрежительный, так и описательный характер — для всех без исключения выходцев с Востока, независимо от этнического происхождения. Таким образом пострадали не только Ибо, хотя они, без сомнения, и составляли большинство; Эфик, Ибибио, Огджа и Иджау также были избраны для бойни.

Когда они вернулись домой и обо всем рассказали, по всей Восточной Области пронеслась волна бешенства, смешанного с отчаянием и разочарованием. Едва ли нашелся бы город, деревня или семья во всей Области, которые бы ни приняли под свой кров одного из беженцев и не выслушали того, что он мог рассказать.

Тысячи беженцев были искалечены на всю жизнь — физически или психически, — тем, через что им пришлось

пройти. Почти все остались без гроша, потому что выходцы с Востока традиционно вкладывают деньги в свой бизнес или недвижимость, и мало кто смог унести с собой при бегстве что-то большее, чем маленький чемоданчик.

Дома, предприятия, возможные заработки, зарплата, сбережения и обстановка для многих людей — итог усилий всей жизни, все это пришлось бросить. Беженцы были не только беженцами, они остались без каких-либо видимых источников существования, когда вернулись на Восток, который для многих из них был местом, которое они никогда и не видели.

Естественно, была и ответная реакция. Пока продолжались убийства на Севере, вспыхивали спорадические ответные акты насилия по отношению к северянам, живущим на Востоке. Эмигранты рассказывали о Хауса, на которых набрасывались в Порт-Харкорте, Абе и Ониче. Но те же самые очевидцы подчеркивали, что это были отдельные акты, порожденные сиюминутным гневом. На Востоке никогда не жило больше нескольких тысяч северян, и реакция полковника Оджукву на известие о том, что против них совершается насилие, была мгновенной. По мере того, как росло число убитых на Севере, и начинали приходить достоверные известия о том, что же в действительности происходит, стало ясно, что будущее северян в Восточной Области по меньшей мере проблематично.

Военный губернатор приказал, чтобы этих людей отправили под конвоем до северной границы, так что они проделали весь путь под охраной полиции. То, как Оджукву мог командовать своим народом, ярко контрастирует с бессилием Говона и Кацины. Хотя полицейские Восточной Области, будучи всего только людьми, вполне могли ненавидеть своих подопечных, долг свой они выполнили. Только один раз, когда поезд был остановлен бунтовщиками на мосту через реку Ило, горсточке северян причинили вред, хотя они и находились под охраной полиции. Подавляющее большинство в целости и сохранности покинуло Восток.

Что касается общего числа погибших, вопрос, который еще с тех пор служит причиной для разногласий, то господин Легам попал в точку, заметив, что только Ибо до конца знают эту ужасную повесть.

Столкнувшись с явным нежеланием Федерального правительства проводить расследование, на Востоке начали свое собственное. Его возглавил господин Габриэл Онийуке, бывший Генеральный Прокурор Нигерии, который убежал на Восток. Завершение следствия потребовало много времени. Люди были рассеяны по всей Области, их трудно было разыскать. Другие не

отзывались на призывы явиться и свидетельствовать. Кроме того, в течение многих месяцев не иссякал поток беженцев, по мере того как волна насилия шла с Севера на Запад и в Лагос.

Последовав примеру своих коллег на Севере, солдаты-северяне, служившие на Западе, тоже начали мародерствовать на улицах в поисках уроженцев Востока. Они преследовали и ловили их по вечерам на улицах Лагоса и увозили на шоссе Агеге, где убивали. Некоторые нигерийские руководители бежали, увозя полные машины вещей из своих домов и квартир в столице, пытаясь пересечь Нигер, чтобы оказаться в безопасности.

К январю следствие установило цифру в 10 тысяч убитых только на Севере, однако цифра эта была предварительной, и получили ее путем простого сложения огромного числа убитых в главных городах. По всему Северу были разбросаны сотни маленьких поселений, где жили выходцы с Востока. Иногда в такой деревне их было не больше 10–12 человек, а все остальные были Хауса или Тивы. Когда рассказы о том, что произошло с этими крошечными группками людей были сведены воедино, то общее число погибших, включая и тех, кто был убит на Западе и в Лагосе, дошло до 30 тысяч. К этому можно добавить многие тысячи искалеченных и изувеченных людей, людей, сошедших с ума.

Даже количество выходцев с Востока, живущих в Северной Области, превышает все известные оценки. Вместе с тем, когда они все вернулись назад, то цифра эта была примерно миллион триста тысяч человек, а приехавших из других районов было почти 500 тысяч.

Конечно, в этих цифрах есть приблизительность, потому что многие, например, говорили, что знали какую-либо семью, жившую там-то и там-то, но о них с тех самых пор ничего не было слышно. Для составления перекрестной таблицы свидетельских показаний, с целью установления судьбы тех, кто не вернулся, в идеале понадобился бы компьютер.

Человек, приехавший в Восточную Область месяцев через пять после того, как на нее обрушился такой огромный поток беженцев, вполне мог бы ожидать, что увидит огромные лагеря перемещенных лиц, живущих на благотворительные подачки; были бы вполне в порядке вещей обращения в Фонд по делам беженцев при ООН за получением денег и помощи, чтобы не дать беженцам умереть с голода. Странно сказать, но если бы на Востоке так и поступили, то их проблема беженцев могла бы стать таким же мировым вопросом совести, как сектор Газы, и сочувствие, которое они могли бы возбудить, помогло бы им получить независимость под благословение всего мира. А если бы

они решили порвать с Нигерией раз и навсегда, то могли бы получить поддержку широкого круга сочувствующих.

Но Восточные нигерийцы не были арабами, они не потерпели бы на своей земле гнойной раны, подобной сектору Газы. Разветвленная система семейных отношений — традиционная структура, при которой каждый член семьи обязан принять находящегося в бедственном положении родственника, каким бы отдаленным он ни был, была задействована в полном объеме. Как по мановению волшебной палочки беженцы исчезли, найдя пристанище у давно не виденных бабушек и дедушек, дядей, кузенов, родни со стороны мужа или жены. В каждом случае тот, кто зарабатывал семье на хлеб, просто взваливал на плечи дополнительный груз ртов, которые нужно было кормить. Вот почему при поверхностном рассмотрении могло показаться, что с проблемой справились так быстро.

Но подспудно проблема оставалась и была огромной. Приток беженцев повлек за собой безработицу в таких масштабах, что с ней уже нельзя было справиться.

Службы социального обеспечения не справлялись, медицинские учреждения были переполнены пострадавшими, учителя внезапно обнаружили, что нужно обучать дополнительно еще несколько сотен тысяч детей школьного возраста. В большинстве других стран мира центральное правительство сочло бы себя обязанным разработать программы оказания массовой помощи либо путем содействия быстрейшему развитию всех социальных служб, либо широкими налоговыми льготами. Учитывая то, что вред был нанесен соотечественниками-нигерийцами, на повестку дня, конечно же, встал бы вопрос о круглой сумме компенсаций.

Но поскольку это была Нигерия генерала Говона, то ничего подобного не случилось.

Не было никакого выражения сожаления, не было требований со стороны центрального правительства, чтобы Север выступил с выражением сожалений, не было ни компенсации, ни возмещения, ни предложения загладить нанесенный ущерб, насколько это вообще возможно. Насколько известно, ни одного солдата даже не лишили увольнительной в наказание, ни один офицер не предстал перед трибуналом, ни одного полицейского не отправили в отставку и ни одно гражданское лицо не предстало перед судом, хотя опознали многих.

Отношение правительства Говона в Лагосе с обескураживающей окончательностью дало ответ на все вопросы Востока о беспристрастности центра. К тому времени напряжение достигло крайних пределов, и требование о полном разрыве с

Нигерией, начавшись с тихого шепота, переросло в ураган.

Из трех основных областей Восток последним произнес это слово. Угрозы отделения в течение 20 лет периодически исходили от Севера. В 1953 году на переговорах в Лондоне, которые породили Конституцию 1954 года, вождь Аволово, возглавлявший Группу Действия, угрожал, что Запад отделится, если Лагос будет сделан Федеральной Территорией, а не частью Западной Области. И одуматься его заставило только резкое предупреждение Министра по делам колоний, господина Оливера Литллтона.

Теперь большинство жителей Восточной Области было убеждено в том, что старая Нигерия, в жизни которой они принимали участие, умерла. Другими словами, умер ее дух. Осталась только форма, а без духа она была всего лишь пустой раковиной, да к тому же еще и разбитой.

Полковник Оджукву, напротив, считал, что у Нигерии оставался еще один шанс на спасение. Всем своим авторитетом он боролся против сепаратистских требований, прекрасно сознавая, что в процессе борьбы может этот авторитет утратить. Он мог позволить себе зайти достаточно далеко, но все-таки не далее определенного предела. Оджукву был убежден, что на основе только реальности, самой подходящей для Нигерии была бы структура, при которой временное ослабление существующих связей между областями даст возможность по истечении какого-то времени остыть горячим головам, а за этим последуют дальнейшие дискуссии в менее напряженной атмосфере.

Но в Лагосе советниками Говона, по всей очевидности, были люди, которые не бывали на Востоке со времен северной резни и считали, что обиды тамошних жителей это всего лишь преходящая истерика, которую можно было не принимать в расчет или, в конце концов, подавить, если потом окажется, что она причиняет неприятности. Эта способность недооценивать степень причиненного ущерба, и реакцию на него к востоку от Нигера, казалось заразила и Британский Верховный Комиссариат, который дал Уайтхоллу совет отмахнуться от кризиса, как от временного явления.

Тем не менее, одну меру предосторожности полковник Оджукву счел необходимым принять — купить некоторое количество оружия. Вывод гарнизона Энугу с полным вооружением и возвращение домой безоружных солдат сделало Восточную Область беззащитной. Кроме того, один дипломат-Ибо передал полковнику Оджукву документ, из которого явствовало, что майор северной армии Суле Аполло закупает в Италии большие партии оружия.

Между тем были разосланы приглашения прибыть для продолжения конституционных переговоров. Учитывая ту жестокость, с которой солдаты-северяне все еще преследовали на улицах Лагоса уроженцев Востока, Оджукву счел это предложение совершенно несоответствующим реальности, если им не может быть гарантирована надлежащая охрана. Ничего подобного не последовало, и так как все три остальные Области и Лагос полностью контролировались солдатами-северянами, Оджукву не мог себе представить, каким образом он попросит делегатов от Восточной Области вернуться туда, рискуя жизнью. Вместо ответа Говон отменил конституционные переговоры, как несоответствующие его дальнейшим целям, и заявил, что некий комитет разработает проект новой Конституции для Нигерии, состоящей из 8-14 штатов.

Оджукву был потрясен, но он знал своего бывшего коллегу достаточно хорошо, чтобы догадаться, что бесхребетный Верховный Главнокомандующий попал в свежие руки, и храбрости ему придавала новая группа советчиков. Так оно, скорее всего и было.

До начала осенней резни некоторые высшие посты в государственных учреждениях Лагоса занимали выходцы с Востока, достигшие этих вершин, благодаря своим талантам. Постоянный Секретарь, а именно он, главный чиновник в Министерстве — очень могущественный человек даже в демократическом обществе. Он знает свое министерство и то, чем оно занимается, зачастую гораздо лучше самого министра. Давая министру те или иные советы, он может зачастую влиять на политический курс или даже косвенным путем его создавать. В военном правительстве из молодых и не слишком умных солдат, которые достаточно хорошо управлялись с винтовками, но растерялись, когда пули в конце концов вознесли их к власти и поставили лицом к лицу со сложностями управления, Постоянные секретари становятся еще более влиятельными. Когда лидер военной клики у власти оказывается «соломенным чучелом», то управляет всем именно он, чиновник.

После резни Ибо и другие выходцы с Востока бежали, оставив свои посты вакантными. Чтобы занять их, северян не хватало, да и в любом случае талантливых чиновников-северян так ценили дома, что они скорее нашли бы лучшую работу на Севере, чем получили ее в Лагосе. Йоруба с Запада в основном стараются не отрываться от собственных дел своей области. Люди, выдвинувшиеся на первый план, после того как осенью и в начале зимы 1966 года уехали выходцы с Востока, в большинстве своем принадлежали к племенным меньшинствам. Как мы уже

объясняли ранее, у них были свои причины не желать возвращения к могущественным областям прошлого. Пока Нигерия оставалась комплексным, состоящим из многих штатов государством со слабыми областями и сильным центром, власть впервые в истории принадлежала им. Это был шанс, который нельзя было упустить.

В начале зимы 1966 года полковник Говон был в глазах населения Восточной Области крайне подозрительной личностью, которая не может или не хочет выполнять договоренности. В дальнейшем это впечатление настолько усилилось, что сегодня это одно из основных препятствий на пути к достижению мира в Нигерии. Причины подобного недоверия можно суммировать следующим образом.

Представители Военных Губернаторов 9 августа единодушно согласились на отвод войск в районы, соответствующие их этническому происхождению — это не было выполнено; на возврат оружия и боеприпасов, которые у них были — что также не было выполнено. Говон поклялся, что убийства солдат с востока прекратятся, но и этого не произошло. Он обещал, что расследование обстоятельств майской резни, начатое генералом Иронси, «конечно же будет идти как намечено». Больше об этом и не вспоминали.

В начале сентября несколько отрядов солдат-северян из Ибадана, столицы Западной Области, совершили налет на Бенин-Сити на Среднем Западе и вытащили из тюрьмы нескольких офицеров, арестованных за участие в январском перевороте. Северян, бывших среди них, отпустили на Север, а уроженцев Востока убили. Говон немедленно пообещал, что виновные будут наказаны, но и это было также «выброшено за борт».

Наконец, роспуск Говоном Расширенной Специальной Конституционной Конференции 30 ноября под предлогом неявки делегатов Восточной Области. На Востоке первоначальное перенесение даты начала конференции на 30 октября считали диктатом, т. к. причиной этой неявки была боязнь оказаться жертвой насилия со стороны солдат-северян в Лагосе. Откровенное заявление о том, что некий комитет будет разрабатывать новую конституцию, основной документ для государства, состоящего из 10 — 14 штатов, было воспринято в таком же аспекте.

В том же радиовыступлении 30 ноября полковник Говон впервые расхрабрился до такой степени, что пригрозил прибегнуть к силе, «если обстоятельства сложатся соответствующим образом».

Проходили недели, и никакого предложения о помощи для

облегчения социальных проблем, созданных невиданным притоком беженцев на Восток, от центрального правительства не поступало. В начале декабря полковник Оджукву сказал в беседе с журналистом: «Я не могу до бесконечности ждать, пока Лагос отзовется. Значит, я должен действовать сам». [11]

Общественное мнение страны все настойчивее выступало за созыв встречи Военных губернаторов Областей, для решения неотложных проблем; точка зрения, которую полностью разделял и полковник Оджукву. Но поскольку он понимал, что в Нигерии нет такого места, куда бы он мог поехать, не подвергая себя опасности, то было решено провести встречу в Абури (Гана), под покровительством генерала Анкры.

Именно там, в роскошном загородном поместье бывшего президента Нкрумы, 4–5 января 1967 года провел свою встречу Высший Военный Совет Нигерии. Присутствовали: подполковник Говон, четверо Военных губернаторов Областей — полковник Роберт Адебайо (преемник покойного полковника Фаджуйи) и подполковники Кацина, Оджукву и Эджоор. Было еще 4 человека, представлявших на Совете флот, территорию Лагос, и двое от федеральной полиции, но реальные переговоры велись пятью полковниками.

В интеллектуальном отношении Оджукву возвышался надо всеми остальными как башня, и они, казалось, это понимали. Чтобы быть уверенными в том, что не будет позднейших неправильных истолкований принятых решений, все дискуссии были полностью застенографированы и записаны на пленку. В дальнейшем, когда Говон отрекся от договоренностей, Оджукву опубликовал полный текст двухдневных дискуссий в виде комплекта из 6 пластинок. При изучении этих записей становится совершенно ясно, что только у одного человека было четкое представление о том единственном способе, каким можно было бы сохранить Нигерию как единое политическое целое, и этим человеком был Военный губернатор Восточной Области. Поведение Говона служит еще одним подтверждением того, что он хотел сохранить Федерацию, но что касается дальнейшего, то по этому поводу у него не было, или почти не было, никаких идей. Остальным трем участникам встречи очень скоро пришлось согласиться с логикой аргументов Оджукву.

По вопросу о переводе войск Говон, который не смог отрицать свою неспособность обеспечить выполнение этого решения, запинаясь объяснил, что он имел в виду только то, что уроженцы Востока должны быть репатриированы на Восток, а северяне — с Востока на Север. Хотя Конференция Идейных Вождей Запада[12] единодушно согласилась с твердой позицией

Востока по вопросу о переводе войск также и с Запада, Говон заявил, что должен оставить северян на Западе, т. к. там нет достаточного количества солдат Йоруба. Адевайо выразил по этому поводу свой протест.

Но главной проблемой было будущее устройство Нигерии и ее армии. По этому вопросу Оджукву заявил, что:

«До тех пор пока существует подобное положение, солдатам из Восточной Нигерии будет абсолютно невозможно оставаться в одних казармах, есть в одних столовых, стрелять из тех же траншей, что и солдатам, пришедшим в армию из Северной Нигерии… Вот основные причины, по которым проводится разделение военных сил, разделение населения. Говоря совершенно откровенно, для того, чтобы избежать дальнейших трений и дальнейших убийств».

Кацина согласился с этим мнением, так же как Адебайо и Эджоор.

Коснувшись вопроса о непризнании им Говона в качестве Верховного Главнокомандующего, Оджукву сказал, что поскольку участь генерала Иронси неизвестна, то никто не может быть его преемником. Однако, в его отсутствие есть по крайней мере шесть офицеров старше Говона по званию. И делами страны должен был управлять самый старший из них. И в-третьих, Восток никогда не принимал участия в назначении Говона на этот пост. И тут Говон открыл, что произошло с генералом Иронси, признав, что «считал целесообразным» не объявлять об этом раньше, хотя должен был знать все детали из рапорта лейтенанта Вальбе о событиях вечера 29 июля прошлого года.

По этому вопросу было, в конце концов, решено подчинить армию высшему Военному Совету, председатель которого будет одновременно и Главнокомандующим Вооруженными силами и Главой Федерального Военного правительства.

По вопросу о Конституции стороны согласились, чтобы Расширенная Специальная Конституционная Конференция возобновила свои заседания, как только это станет осуществимо, начав с того самого места, на котором эти заседания были прерваны.

По вопросу о самой большой проблеме Востока — беженцах, было решено, что постоянные Секретари по финансам встретятся в течение последующих 2 недель, чтобы подготовить рекомендации о том, как помочь восстановлению в правах всех потерявших собственность. Эти государственные служащие, а также персонал Государственных Корпораций (включая поденных работников) должны будут получать зарплату полностью до конца финансового года — до 31 марта, если за этот период они

не были вновь приняты на работу; и что Областные комиссары полиции должны встретиться для обсуждения вопроса о возвращении оставленной беженцами собственности.

Таковы были решения, которые Оджукву должен был увезти домой своему народу, потому что они были жизненно важными для успокоения людей. Среди беженцев на Востоке было, например, 12 тысяч только железнодорожных рабочих.

Было также решено, что последующие встречи пройдут в Нигерии, в приемлемом для всех месте, и что правительственные средства массовой информации воздержатся от публикации подстрекательских или вносящих смущение в умы заявлений и документов.

На этом встреча завершилась в атмосфере доброжелательства и под звон бокалов с шампанским. Вернувшись домой, Оджукву провел пресс-конференцию, для того, чтобы уверить жителей Области, многие из которых считали лучшим выходом не переговоры, а немедленное отделение, в том, что встреча в Абури стоила того. Он сказал, что если все задуманное будет воплощено в жизнь, то тем самым будет сделан громадный шаг в сторону ослабления напряженности и избавления страны от страха.

Абури был последним шансом Нигерии. Потом говорили, что было что-то очень «несправедливое» в том, что Оджукву оказался умнее всех остальных четырех полковников, как-будто он каким-то образом извлек из этого незаслуженное преимущество. Также утверждалось, особенно английскими авторами, что Оджукву вел себя не по-джентльменски, поскольку приехал в Абури, ясно понимая, какие ему нужны соглашения, и подготовив их краткий набросок; тогда как остальные явились в полной уверенности, что эта встреча была лишь дружеским сборищем братьев-офицеров.

Однако неправдой было бы заявление о том, что остальные полковники не отдавали себе отчета в том, что первая такая встреча Верховного Военного Совета после массовых убийств, совершенных летом, будет чем-то иным, чем беседы у камина. Всем и каждому должно было быть совершенно ясно, что Абури был исторической возможностью. Эти полковники могли бы к ней подготовиться, пожелай они этого, и Оджукву твердо рассчитывал на то, что они так и сделают. У них тоже были свои чиновники и советники.

Буквально через несколько дней после возвращения Говона в Лагос, соглашения, достигнутые в Абури, начали засыхать на корню. Те принадлежащие к племенным меньшинствам чиновники, о которых уже говорилось раньше, глянули на принятые решения и сразу поняли, что их безмозглый шеф зашел

гораздо дальше, чем им бы хотелось. Разведение армии и населения на период, необходимый для установления спокойствия, по их мнению давало областям слишком много автономии, ослабляя тем самым их собственную власть. Постоянные Секретари взялись за Говона, чтобы заставить его пойти на попятный по всем пунктам договоренностей.

Через 10 дней Федеральное правительство опубликовало брошюру под названием «Нигерия 1966», в которой излагалась федеральная — иными словами северная версия того, что произошло в стране, начиная с январского переворота. И по сей день брошюра эта остается примечательным образчиком того, как можно исказить факты. На Востоке она произвела фурор. Когда полковник Оджукву по телефону выразил протест, напомнив, что было договорено не публиковать больше никаких официальных версий, Говон, после некоторого смятения, сказал ему, что просто произошла утечка. В дальнейшем Оджукву узнал, что никакой утечки не было, т. к. брошюра одновременно появилась в Лондоне, Нью-Йорке и некоторых других столицах, со всей обычной издательской шумихой, включая коктейли в Верховном Комиссариате и посольствах. Когда он снова в телефонном разговоре выразил протест, Говон снова засуетился, пока не был загнан в угол; после чего разозлился и бросил трубку. (Эти разговоры были записаны на пленку с телефонного аппарата в Энугу). Полковник Оджукву, охваченный тяжким предчувствием, тоже положил трубку. Он знал, что его собственное положение на Востоке сделает для него невозможным отказ от Абури.

26 января в Лагосе Говон созвал пресс-конференцию, на которой намеревался обнародовать договоренности, достигнутые в Абури. Его выступление основывалось не на протоколах и заключительном соглашении, а на критике этих документов со стороны Постоянных Секретарей. Если читать оба этих текста (пресс-конференцию и протоколы Абури), положив их рядом, то возникает вопрос, а был ли Говон на самом деле в Абури?

Во-первых, он не согласился с подчинением армии Высшему Военному Совету, аргументируя это тем, что контроль над армией таким образом из его рук переходит в руки корпоративного органа — Совета. Он пошел еще дальше, добавив, что командование районом дислокации войск (соответствующего по площади существующим областям) будет находиться в подчинении Штаба войск, «который напрямую будет подчиняться мне, как Верховному Главнокомандующему Вооруженными силами». [13] На деле же ни о чем подобном в Абури договорено не было.

О перемещенных лицах он сказал, что на встрече министров

финансов «не следует обсуждать вопрос о принципах предоставления пособий», хотя такие пособия, особенно в форме некоторых налоговых льгот, были жизненно важными для того, чтобы Восточная Область могла управиться со своим миллионом восемьюстами тысячами беженцев.

По поводу выплаты зарплаты он причитал: «Решение о продолжении выплаты зарплаты до конца марта не учитывает связанных с этим экономических факторов… во-вторых не имеет смысла включать поденных рабочих в разряд тех, чью зарплату надо продолжать выплачивать. Поэтому решение должно быть пересмотрено». Для ровного счета он предупредил, что Федеральным Корпорациям будет «крайне сложно» продолжать оплачивать своих бежавших служащих.

По поводу Конституции Говон сделал еще одно сенсационное заявление. Постоянные секретари посоветовали ему «придерживаться их предыдущих рекомендаций и советов: Конституционная Конференция должна оставаться отложенной на неопределенное время, а политическую программу на ближайшее будущее, о которой 30 ноября объявил нации Верховный Главнокомандующий, т. е. проект Нигерии в составе 10 — 14 штатов, нужно воплощать в жизнь, и об этом должна знать страна».

К тому моменту, когда Говон закончил, оказалось, что от Абури мало что осталось. Он вполне мог не соглашаться с тем, что сам подписал; могли быть достаточно веские причины для пересмотра абурийских решений, но остается фактом то, что он и все его друзья-полковники добровольно подписали документ после двух дней переговоров, безо всякого принуждения, и одностороннее аннулирование столь большого количества крайне важных статей, в частности тех, которых так ждали на Востоке, в действительности нанесли Нигерии удар, от которого она никогда не оправилась.

В Энугу полковник Оджукву, фигурально выражаясь, тер себе глаза, читая отчет о пресс-конференции. С тех пор многие говорили — «полковник Оджукву сделал то» или «полковник Оджукву отказался сделать это», но, кажется, почти никто не попытался понять, какое огромное давление оказывалось на него. Начиная со времени осенних убийств все громче и громче раздавалось требование об отделении от Нигерии, к которому присоединялись все более широкие слои населения. Проблема беженцев, потихоньку преданная забвению и не принимаемая во внимание Лагосом, оставалась на Востоке мучительной реальностью. Вопрос о выплате зарплаты, который для тысяч служащих корпораций и чиновников был вопросом о том, будут

ли накормлены их семьи, все еще оставался вопросом первостепенной

важности.

«Мы — за Абури!» стало лозунгом Восточной Области. Полковник Оджукву отказался присутствовать на последующих встречах Высшего Военного Совета до тех пор, пока не будут выполняться абурийские соглашения; отчасти по той причине, что следующее такое заседание было назначено в Бенин-Сити, буквально нашпигованном солдатами-северянами, а отчасти и потому, что Оджукву сознавал, что еще дальше он зайти не может.

В выступлении по радио в конце февраля Оджукву сказал: «Если к 31 марта соглашения, достигнутые в Абури, не будут полностью воплощены в жизнь, у меня не останется иного выбора, чем взять на себя ответственность и принять любые меры, необходимые для того, чтобы в нашей Области эти соглашения заработали».

В этот день все ждали отделения Восточной Нигерии, и журналисты, явившиеся на пресс-конференцию в Энугу, уже заранее заготовили заголовки статей. Вместо этого, все еще пытаясь использовать последний шанс на сохранение Единой Нигерии, полковник Оджукву заявил им, что принял Указ о доходах, по которому все федеральные налоги, собиравшиеся на Востоке, впредь будут идти на выплаты по программам реабилитации. Указ не затрагивал нефтедоходов, т. к. они собирались в Лагосе. Репортеры были ошеломлены: они ждали огня и серы, а получили фискальную программу. Оджукву сказал им (мягко выражаясь), что Восток выйдет из состава Нигерии только в случае прямого нападения или блокады.

Федеральное правительство ответило на это Декретом N 8, документом, который на первый взгляд был направлен на выполнение главных пунктов конституционных соглашений в Абури, если уж не финансовых договоренностей. Декрет, также как и абурийские соглашения, возлагал законодательную и исполнительную власть на Высший Военный Совет, а решения по наиболее важным вопросам могли быть приняты только при согласии всех Военных губернаторов. В пределах своих областей у этих Губернаторов должна была быть почти полная автономия. Решение это выглядело хорошо, и приветствовалось как таковое, хотя и не шло дальше того, о чем уже договорились в Абури 4 месяца назад. За исключением одной маленькой оговорки. Она была так искусно сформулирована, что выглядела совершенно безобидно, но после вторичного прочтения становилось ясно, что дополнительные положения сводили на нет основные статьи.

Одно из дополнений касалось того, что Губернаторы Областей не могут осуществлять свои властные полномочия с тем, чтобы «препятствовать или наносить ущерб власти Федерации, или ставить под угрозу само существование Федерального правительства». Хотя все это и выглядит безобидно, однако решать, что именно будет препятствовать или наносить «ущерб власти»… должно было само Федеральное правительство, т. е. Говон. Другая оговорка давала Федеральному правительству право принимать на себя управление Областями, в случае если местные власти «представляли угрозу для осуществления федерального правления», и снова право выбора критерия было оставлено за Лагосом.

По мнению жителей Восточной Области, наибольшую опасность представлял тот пункт, по которому в любой Области могло было быть объявлено военное положение — с согласия только троих губернаторов. А поскольку объявление военного положения обычно подразумевает ввод войск, и поскольку остальные три Военных Губернатора были либо северянами, либо управляли областями, занятыми войсками Севера, то полковник Оджукву воспринял эту меру как специально направленную против Восточной Области. Он отверг Декрет.

Теперь режим Говона становился все более непопулярен повсюду на Юге. На Западе постоянно росло недовольство тем, что не были выведены северные войска — мера, о которой вновь говорилось в Абури. Вождь Аволово возглавил протест. Его последователями традиционно были пролетарии и радикальные элементы Западной Области, а именно эти люди сильнее всего ощущали на себе присутствие оккупационных войск Севера. На встрече Идейных Вождей Запада, в конце апреля в Ибадане, Аволово сложил с себя обязанности депутата от Западной Области на Конституционной Конференции, которая предположительно должна была вскорости возобновить свою работу, заявив в письме: «Это мое решение является хорошо обдуманным, и хотя некоторые требования Востока явно чрезмерны, однако, в контексте Нигерийского Союза, большинство этих требований не только обосновано, но и направлено на установление спокойствия и здорового союза многочисленных национальных единиц Нигерии». [14]

Вождь Аволово только что вернулся из поездки в Энугу к полковнику Оджукву, где мог собственными глазами увидеть то, что другие старательно не замечали — всю глубину народных чувств. По словам полковника Оджукву, Аволово спросил: выйдет ли Восток из состава Федерации. И получил ответ, что — нет, до тех пор — пока и если у Востока не останется иного выбора.

После того, как он сам лично смог оценить ситуацию, Аволово проникся сочувствием к страданиям народа Востока и попросил, чтобы в случае, если Восточная Область решит отделиться, его предупредили об этом за 24 часа, и тогда он сделает то же самое от имени Запада. Ему это пообещали. Впоследствии Аволово получил такое предупреждение, но к этому времени его уже занимали другие проблемы, и поэтому он не сделал того, что намеревался. С точки зрения Йоруба, это было очень жаль, потому что, если бы Аволово взялся за оружие, то Федеральное правительство, неспособное бороться с двумя одновременными противоправительственными выступлениями, было бы вынуждено выполнить до последнего пункта Абурийские соглашения.

Если бы так и было сделано, то Нигерия, вероятнее всего, была бы сегодня мирным государством, — и не унитарным, состоящим из 12 штатов, а Конфедерацией почти автономных государств, живущих в мире и согласии.

Чиновники в центре могли бы потерять большую часть своей власти, но множество других людей осталось бы в живых, включая и многих Йоруба, потому что сегодня Запад, как и прежде, остается под оккупацией северных войск, а поспешно призванных в армию Йоруба использовали в качестве пушечного мяса, бросив их на пулеметы Биафры. Каковы точные потери среди этой этнической группы, в Биафре не знают, а Федеральная армия отказывается предоставить эти данные. Однако, военная разведка Биафры убеждена, что среди всех остальных в нигерийской армии Йоруба понесли наиболее тяжелые потери. Таким образом, в апреле 1967 года в Ибадане, Аволово к своей отставке добавил заявление о том, что если отделится Восточная Область, то Западная сочтет для себя возможным последовать ее примеру. Его поддержал и полковник Эджоор со Среднего Запада, где проживало более миллиона Ибо. Однако он не хотел в будущем попасть в какую-нибудь конфликтную ситуацию и поэтому призвал к установлению демилитаризованной зоны в его области.

В этот момент с Севера раздался еще один удар грома. Эмиры Севера, десятилетиями бывшие яростными защитниками своей собственной власти над Нигерией, внезапно призвали к тому, чтобы Север взял на себя обязательство создать на своей территории штаты, даже если они не будут созданы в других местах, в качестве гаранта стабильности Севера и всей Федерации, и призвали Федеральное правительство принять незамедлительные меры для того, чтобы начать процесс образования этих штатов.

Так же как и вольт-фас с Конституционной Конференцией, решение это было настолько нехарактерно для Севера, что можно было сделать вывод, что либо снова подали голос представители племенных меньшинств в пехоте, либо эмиры решили, что смогут использовать создание новых штатов для того, чтобы сломать растущую солидарность Юга, сохранив при этом свой собственный союз за фасадом и границами новых штатов.

Это решение эффективно содействовало укреплению режима Говона и разбило солидарность трех областей Юга. Аволово, который уже давно выступал за создание штатов, как средства порвать с Севером, ухватился за представившуюся возможность. Эта перемена в его настроениях совпала с назначением на пост Комиссара по финансам и Заместителя председателя Высшего Совета в новом смешанном правительстве, состоявшем из солдат и штатских. Вождь Энахоро — со Среднего Запада, и Джозеф Тапка — лидер народности Тив, также были назначены на министерские посты. Эджоор успокоился.

Ряды снова сомкнулись, и Говон почувствовал в себе достаточно сил, чтобы принять крутые меры против Востока. К этому времени и ему, вероятно, были даны заверения в том, что если случится какая-нибудь заваруха, то она закончится очень быстро и в его пользу, так что вполне можно предположить, что, если бы он мог предвидеть, какая за этим последует долгая и страшная война, то может быть и не стал бы делать того, что сделал. Но за его спиной раздавались голоса, уверявшие, что в случае военного столкновения, можно будет найти простое, военное же, решение. А это вполне отвечало его простой военной душе.

В начале мая Говон объявил о частичной блокаде Востока. Она распространялась на почтовую службу и почтовые переводы, но затрагивала также телефон, телеграф и телекс, а также другие линии коммуникаций, которые все проходили через Лагос. В результате Восток был отрезан от внешнего мира, тем более что полеты самолетов «Нигериа эрлайнз» также были запрещены.

В Энугу полковник Оджукву сказал корреспонденту агентства Рейтер: «Я думаю, что мы быстро катимся под откос. И остановить это движение будет очень трудно. Мы все очень близки, очень, очень близки».

Была и еще одна — последняя — попытка примирения. Группа, называвшая себя Национальным Согласительным комитетом, возглавляемая новым Федеральным Верховным Судьей, сэром Адетокунбо Ademолой (Йоруба), в состав которой входил и Аволово, 7 мая посетила полковника Оджукву. Они выслушали его мнение, приняли все его требования и призвали

Федеральное правительство выполнить их. Эти требования включали в себя не многим большее, чем выполнение соглашений от 9 августа об отводе войск в районы их этнического происхождения и прекращение экономических санкций.

20 мая Говон согласился со всеми рекомендациями. Но это снова была лишь иллюзорная надежда. Он заявил, что запрет на полеты самолетов в Восточную Область был отменен, так же как и все остальные санкции. Но Директор Авиакомпании частным образом признал, что не получил никакого приказа на возобновление полетов. Что касается войск, то полковник Кацина прилетел в Ибадан из Кадуны, чтобы передать в войска приказ о передислокации, но не дальше Илорина, города, расположенного почти на границе Западной и Северной областей, на главной дороге в Лагос. Перебросить эти войска обратно было бы очень просто.

На Востоке требования о выходе из состава Нигерии стали настолько сильны, что даже полковник Оджукву не смог устоять. 26 мая 335 членов Консультативной Ассамблеи Вождей и Старейшин после бурного заседания единодушно выдали ему мандат на выход Восточной Области из того, что уже считалось покойной Федерацией Нигерии, «в наиболее ранние возможные сроки», объявив Восточную Область» свободным, суверенным и независимым государством, названном Республикой Биафрой».

Одной из главнейших ошибок Федерального правительства была угроза применения силы. Наиболее снисходительным объяснением могло бы послужить то, что в Лагосе пребывали в блаженном неведении по поводу того, насколько обострены все чувства на Востоке. Для жителей Восточной Области, которые знали, что это правительство состоит в основном из тех самых северян, которые всего 8 месяцев назад убивали их соплеменников, все это выглядело (и выглядит доныне) как угроза послать ненавистных северян для завершения того, что было сделано только наполовину.

Выданный мандат еще не означал отделения, но Говон на следующий же день привел в действие свой план. Он объявил чрезвычайное положение и обнародовал Декрет, по которому Нигерия разделялась на 12 новых штатов, а существующие Области ликвидировались. Едва ли он мог сделать еще что-то более провокационное. Не было проведено никаких предварительных консультаций, что само по себе противоречит Конституции. Он отказался ото всех обещаний о том, что каждая Область будет иметь право высказаться по вопросу о любой будущей форме объединения. Гораздо более важным было решение разделить Восточную Область на три крошечных штата,

каждый из которых сам по себе был совершенно бессилен, и отделить Порт-Харкорт от штата Ибо, превратив его в столицу штата Риверс. Это было воспринято как «открытое подталкивание, побуждение к отделению». В том же выступлении по радио Говон объявил о возобновлении блокады, отмене Декрета N 8 и взял на себя всю полноту власти в стране — «на краткий период для принятия крайне необходимых сегодня мер».

Рано утром 30 мая дипломаты и журналисты были созваны в Дом Правительства, вскоре переименованный в Дом Биафры, и полковник Оджукву огласил Декларацию Независимости.

Вот ее текст.

«Соотечественники и соотечественницы, вы, люди Восточной Нигерии,

сознавая высшую власть Господа Всемогущего и ваш долг перед собой и потомством;

сознавая, что наши жизни и наша собственность более не могут быть хранимы каким-либо правительством, находящимся за пределами Восточной Нигерии;

веря в то, что вы родились свободными и имеете ряд неотъемлемых прав, которые никто не может охранить лучше вас самих;

не желая быть несвободными партнерами любого объединения — политического или экономического;

отвергая власть любого человека или группы людей, иных чем Военное правительство Восточной Нигерии, налагать на вас обязательства какого бы то ни было рода;

исполнившись решимости разорвать все политические или иные узы между нами и бывшей Федеральной Республикой Нигерией;

в готовности к союзу, договору или ассоциации с любым государством в составе бывшей Федеральной Республики Нигерии, и в других местах, на тех условиях, которые в наибольшей мере способствовали бы вашему общему благу;

вы подтвердили вашу веру и доверие ко мне, дав мне мандат на провозглашение от вашего имени и для вашего блага того, что Восточная Нигерия является Суверенной Независимой Республикой,

поэтому я, полковник Чуквуэмека Одумегву Оджукву, Военный губернатор Восточной Нигерии, властью, данной мне, и следуя принципам, провозглашенным выше, настоящим торжественно провозглашаю, что территории и регион, известный и называемый Восточная Нигерия, вместе с его континентальным шельфом и территориальными водами, отныне является

Независимым Суверенным государством, называемым Республика Биафра».

С этими словами Восточная Область Нигерии вступила в самопровозглашенную независимость, а название «Биафра» вошло в современный политический словарь, хотя, по мнению большинства тогдашних политических обозревателей, только временно.

Три чувства определяли тогда мировоззрение народа Биафры. Во-первых, глубокое осознание того, что происходит не бунт, а отторжение, и это чувство не утихло и доныне. Потому что биафрцы считают, что они не вышли из Нигерии, а были изгнаны из нее. Они твердо верят, что подтолкнула их к разрыву нигерийская сторона. Для большинства из них это было полным крушением всех жизненных иллюзий: главные действующие лица и идеологи Единой Нигерии, именно они и стали ей не нужны.

Последующая попытка Нигерии загнать их обратно в состав страны — среди всего прочего казалась лишенной всякой логики. Биафрцы были убеждены, что для них нет места внутри Нигерии в качестве равноправных с нигерийцами граждан, что эти нигерийцы желают иметь рядом не их, как народ, а только лишь их землю из-за нефти, которая в ней есть, и богатств, которые она может производить. Они убеждены в том, что именно нигерийцы, а не они, разорвали обязательства, которые связывали договорное общество, в котором граждане обязаны быть лояльными по отношению к государству, а государство, в свою очередь, обязано гарантировать охрану их жизни, свободы и собственности. Они пребывают в убеждении, что единственная роль, которая с этих пор уготована для них в Нигерии, это роль жертвы, а потом — и навсегда — роль рабов. По иронии судьбы, несмотря на заверения генерала Говона (он тем временем произвел себя в генерал-майоры), поведение Нигерийской армии, многочисленные заявления высокопоставленных официальных лиц в Лагосе и пропагандистские передачи из Кадуны, вместо того, чтобы рассеять эти страхи, только усугубляют их.

Во-вторых, биафрцы питали, и до сих пор питают, крайнее недоверие ко всему, что может сказать или пообещать сделать Лагосское правительство. И снова разные прецеденты только углубляют их уверенность в своей правоте, поскольку за прошедшие 18 месяцев генерал Говон многократно демонстрировал, что не может заставить повиноваться офицеров армии и ВВС, которым в свою очередь не подчиняются их солдаты. Неоднократные заверения Говона в том, что солдаты будут вести себя достойно, что авиация воздержится от бомбежек гражданских центров, обернулись пустой болтовней. И в

результате все мирные предложения, основанные на альтернативе, предложенной Федеральной стороной: «Отдайте нам винтовки, и мы будем относиться к вам хорошо» — были встречены с глубочайшим недоверием. Что касается будущих конституционных гарантий безопасности в Нигерии, которые недавно были предложены Говоном и получили мощную поддержку британской стороны, то биафрцы ответили, что у них уже были раньше такие гарантии в Конституции Нигерии, но в 1966 году они ничего не изменили. Это недоверие делает маловероятным, чтобы какая-либо формула мирного урегулирования, предложенная нынешним нигерийским режимом, сможет быть успешной.

В-третьих, биафрцы были абсолютно убеждены в том, что приход нигерийской армии на их землю будет еще одним погромом такого масштаба, что это будет уже геноцидом; что в планах северных правителей (иными словами правительства Лагоса) биафрцы рано или поздно обречены на вымирание — раз и навсегда, и что Север, алчущий прибылей от нефтяных залежей побережья, продолжит обещанный еще Балевой, «прерванный поход к морю». За пределами Биафры, особенно в британских правительственных кругах, этот страх презрительно объясняли «пропагандой Оджукву». Однако события прошедших месяцев не только не опровергли эти страхи, но еще больше утвердили биафрцев в их мнении, так что не понадобилось и никаких убеждений со стороны полковника Оджукву.

Лагосом, Лондоном и корреспондентами тех изданий, которые можно назвать «прессой истеблишмента», был немедленно сформулирован и представлен миру целый ряд объяснений причин раскола Биафры и Нигерии. В одном из таких объяснений говорилось, что Биафра явилась «бунтом Оджукву», попыткой одного человека, за спиной которого стояла маленькая группка армейских офицеров и чиновников, руководствуясь личными амбициями и алчностью, создать бунтовщическое государство. Факты вскоре полностью опровергли эти утверждения, хотя кое-где его еще и повторяют.

Прежде всего руководители Биафры, в отличие от народа, понимали огромность начатого дела и степень его риска. Большинство из них оставило важные посты, чтобы вернуться домой и жить в более стесненных обстоятельствах, служа Биафре. Всем им было ясно, что путь к роскоши и довольству, власти и престижу ведет через сотрудничество с существующей властью, т. е. с Лагосом. Полковник Оджукву, если бы он выбрал сотрудничество с Говоном, пойдя против чаяний народа Востока, мог бы сохранить свое состояние, занимал бы высокое положение

в Нигерии и, вполне вероятно, до сих пор оставался бы Губернатором Восточной Области, но не народным лидером, а ненавистным квислингом, окруженным солдатами Федеральной армии. С другой стороны, если бы мотивацией его поступков была жажда власти, то он мог бы выждать подходящий момент, сговориться с другими руководителями Юга, среди которых у него был большой авторитет, создать новую южную армию и осуществить свой собственный переворот.

С его сообразительностью, он, вероятно, стал бы гораздо более удачливым руководителем переворота, чем те, кто возглавлял два предыдущих.

Кроме того, единодушная поддержка дела Биафры со стороны всех выдающихся людей восточного происхождения, очень быстро показала, что они верят в справедливость этого дела. Сотни выходцев с Востока, достигших вершин в своих профессиях — дома и заграницей — предложили свои услуги, чего они никогда бы не сделали для амбициозного полковника, готового обездолить свой народ ради собственного продвижения. В дальнейшем, когда Говон искал губернаторов для тех трех штатов, которые он создал вместо бывшей Восточной Области, он не смог найти ни единого человека с именем, который взялся бы за это дело. Для Центрального штата Ибо ему пришлось выбрать неизвестного преподавателя общественных наук из университета Ибадана, господина Укпаби Азика, от которого отреклась вся его семья (крайняя степень позора в Африке). Для штата Риверс Говону пришлось поспешно присвоить звание капитан-лейтенанта 25-летнему младшему морскому офицеру Альфреду Спиффа, от которого также отреклись все Спиффы Порт Харкорта. Для Юговосточного штата Говон выбрал некоего Эссуене, совершенно никому не известного младшего офицера из Лагоса, который в течение долгих лет не бывал в родных местах.

И наконец, подвиги народа Биафры при защите своей родной земли, которые, как вынуждены были признать даже их злейшие враги, были замечательны, служат верным признаком того, что они верили в то, что делали. Один офицер или группа офицеров, силой вовлекшие упирающийся народ в мятеж, никогда не смогли бы контролировать ситуацию, по мере того, как страдания народа превосходили все ранее известные в Африке пределы. Владения такого царька были бы давным-давно захвачены Федеральной армией, а его не слишком пылкие защитники побросали бы оружие и разбежались. Еще более вероятно то, что такой человек уже давным-давно стал бы жертвой переворота в результате массового возмущения тем, куда он завлек свой народ.

Этого не случилось. Биафрцы когтями и зубами дрались за

каждый клочок своей земли, в то время как в тылу не было ни единого антиправительственного выступления, чего нельзя было бы избежать, будь народ недоволен; потому что, как это на собственном опыте поняли британцы в конце 20-х годов, если биафрцы чем-то недовольны, то они быстро позволяют своим чувствам выйти наружу.

Ожесточенное упрямство биафрцев объясняли также и влиянием «пропаганды Оджукву». Кое-где об этом поговаривают еще и сейчас. Хотя вполне возможно путем искусного манипулирования средствами массовой информации повлиять на широкие слои населения (на некоторое время), однако трудно представить, что такое множество первоклассных «голов» предложили свои услуги Биафре на гораздо менее значительных постах, чем те, что они занимали до этого, под влиянием ловкой пропаганды. Среди таких людей был бывший президент доктор Ннамди Азикиве, бывший премьер Микаэль Окпара, бывший гражданский губернатор Восточной Области доктор Френсис Ибиам, бывший судья Международного Суда сэр Льюис Мбанефо, бывший вице-канцлер Ибаданского университета профессор Эни Нджоку, возможно, один из самых ярких научных умов, когда-либо живших в Африке. К ним следует добавить множество ученых, адвокатов, учителей, врачей, хирургов, администраторов, бизнесменов, инженеров и государственных служащих. Генералу Говону очень бы хотелось показать миру хоть одного изменника среди вышеперечисленных людей.

Через несколько месяцев после провозглашения независимости, великое множество сил объединилось для того, чтобы раздавить новую страну. Генерал Говон под лозунгом «Сохранить Нигерию единой — вот дело, которое нужно сделать» бросил на приступ армию. Фразы типа «Единая Нигерия», «сохранить территориальную целостность Нигерии» и «раздавить восстание» распространялись очень быстро, хотя, кажется, никто не внес никаких конструктивных предложений, выходящих за рамки лозунгов, по поводу долговременного решения проблемы. Делались неясные намеки на немедленную балканизацию Африки, по всей вероятности вне связи с выходом из Великобритании республики Ирландия, что просто чудом не привело к балканизации Европы.

Отделение было осуждено, хотя никто и не подумал упомянуть о том, что уже в течение многих лет «отделение» было общепринятой политической формулой, когда два совершенно различных народа оказывались полностью несовместимы.

Нигерия получила немедленную поддержку от ряда стран,

особенно от «социалистической» Британии, фашистской Испании и коммунистического СССР. Эти три страны все еще поставляют военные средства для осуществления самой большой и кровавой бойни в истории Африки.

Но 30 мая 1967 года все это еще было частью неизвестного будущего. Видя, что война неизбежна, обе стороны лихорадочно готовились к ней: биафрцы для того, чтобы защитить себя, а нигерийцы — чтобы быстрее покончить с ними. Они считали это по-детски легкой задачей.

Первые снаряды были выпущены над северной границей Биафры на рассвете 6 июля.

Часть вторая
БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Характер Биафры

По площади Биафра не велика, примерно 29 тысяч квадратных миль (75.110 км2). Однако по остальным показателям она входит в первую тройку в Африке. Плотность населения здесь самая высокая в Африке — более 440 человек на квадратную милю. Во всех отношениях это наиболее развитая страна на континенте, с большим количеством промышленных предприятий, самым высоким доходом на душу населения, самой высокой покупательной способностью, самой большой плотностью дорожной сети, школ, больниц, предприятий и заводов в Африке. Говоря о ее потенциале, Биафру часто называли Японией, Израилем, Манчестером и Кувейтом этого континента. Каждое название относится к одному из многих аспектов страны, и это удивляло многочисленных визитеров, считавших, что вся Африка является одинаково отсталой. Годами шла скрытая эксплуатация региона: промышленные предприятия, инвестиции и гражданские службы были разбросаны по всей Нигерии, хотя персонал их был зачастую родом с Востока. Из-за этого в течение длительного времени Восточная Область была лишена возможности развиваться в полную силу. Даже на юге главные нефтедобывающие компании сознательно не повышали добычу нефти, предпочитая придерживать здешние нефтяные поля в качестве резерва, пока истощались арабские нефтепромыслы.

Сравнение с Японией относится к населению. Редко кто среди африканцев наделен способностью так упорно и постоянно трудиться. На заводах рабочие вырабатывают большее количество человеко-часов в год, чем где бы то ни было; на фермах, на одном акре земли, крестьяне выращивают больший урожай, чем в любой другой стране. Вполне может быть, что природа по необходимости выработала подобные черты характера. Однако, они подкрепляются и давними традициями народа. В Биафре личный успех всегда рассматривался как весьма похвальная вещь; человеком, добившимся успеха, восхищались, его уважали. Здесь нет ни наследственных должностей, ни титулов. Когда человек умирает, его успех в жизни, его почести, его престиж и его власть хоронят вместе с ним. Его сыновья должны пробивать себе дорогу сами, на равной с другими молодыми людьми этого общества

соревновательной основе.

Биафрцы жаждут образования, особенно подготовки в одной из технических профессий. Совсем не необычна такая, скажем, ситуация: у деревенского плотника — пять сыновей. Отец работает с восхода и до заката; у матери есть свой прилавок на рынке; четыре младших сына продают спички, газеты, красный перец, и все это для того, чтобы старший сын мог учиться в колледже. Когда он заканчивает обучение, он должен оплатить пребывание в колледже второго брата; после чего они оба платят за обучение третьего, четвертого и пятого. Плотник может так и умереть плотником, но плотником, имеющим пятерых образованных сыновей. Для большинства биафрцев нет такой жертвы, которая была бы слишком велика, когда речь идет об учебе.

Деревенские фермеры собираются вместе, чтобы построить в своей деревне здание, но не центр отдыха, не бассейн, не стадион, а школу. У деревни, в которой есть школа, есть престиж.

Поскольку они уверены, что «в мире нет ничего постоянного» (девиз Ибо), то все они очень легко адаптируются к обстоятельствам и всегда готовы начать все сначала. Тогда как другие, особенно мусульманские, общины в Африке довольствуются тем, что принимают свою бедность и отсталость, как волю Аллаха, биафрцы видят в них вызов, брошенный их Богом данным талантам. Разница в подходе кардинальная, потому что она влечет за собой разницу между обществом, где западное влияние никогда не укоренится по-настоящему, и где вложенный капитал редко приносит плоды, и обществом, обреченным на успех. По иронии судьбы именно их тяжелый труд и их успех способствовали тому, что биафрцы так непопулярны в Нигерии, особенно на Севере. Добавляют еще и другие характеристики, чтобы объяснить антипатию, которую они умудряются возбудить. Они ищут выгоду, чванливы и агрессивны — утверждают хулители; амбициозны и энергичны — говорят защитники. Это наемники, которые любят деньги — утверждает одна сторона; экономны и осторожны — говорит другая. Привержены только своему клану и бессовестны — говорят некоторые; сплочены и быстро понимают все выгоды образования — говорят другие.

Ссылка на Манчестер означает, что у них большие способности в торговле. Работе на босса за твердую зарплату биафрец предпочтет экономить в течение нескольких лет, а потом купить свою собственную лавчонку. Она будет открыта в любое время дня и ночи, пока есть шанс, что придет хоть один покупатель. Получив прибыль, он снова вложит деньги в дело и

купит магазин, потом универмаг, потом сеть магазинов. Хотя на счету в банке у него будут лежать многие тысячи, он также как и раньше будет ездить на велосипеде. По всей Африке можно встретить торговцев-арабов (ливийцев или суданцев) или индусов. Эти народы странствовали по всему свету — они и их умение торговать — и подрывали коммерцию местных торговцев, ставя их в безвыходное положение. Но их нельзя было встретить там, где торговали биафрцы.

Ссылка на Израиль явно имеет отношение к тем преследованиям, которым они рано или поздно подвергались там, где открывали свои магазины. Упоминание господином Легамом об исходе изгнанников в Израиль после последней войны может быть было еще более подходящим, чем он сам сознавал тогда. Биафрцам, припертым к стене, теперь больше некуда идти. Вот почему они предпочли умирать на родной земле, а не сдаться и жить (те из них, кому удастся выжить), как Вечный Жид. Полковник Оджукву однажды сказал корреспондентам: «То, что вы видите здесь — это конец долгой дороги, дороги, которая началась далеко на Севере и, наконец привела сюда, в самое сердце земли Ибо. Это дорога на бойню».

Упоминание о Кувейте относится к залежам биафрской нефти. Говорили, что если бы местом обитания биафрцев был бы район полупустынь или кустарниковая зона, то им бы позволили выйти из состава Нигерии под оглушительные крики «Скатертью дорога!» Один иностранный бизнесмен коротко заметил в разговоре о нынешней войне: «это нефтяная война», — и счел, что этим все сказано. Под землями Биафры залегает океан самой чистой в мире нефти. Вы можете сразу заливать биафрскую сырую нефть в бак грузовика, и он будет работать. Примерно 1/10 этого месторождения приходится на соседний Камерун, около 3/10 — на Нигерию. Оставшиеся 6/10 расположены под Биафрой.

Правительство Биафры разочарует тех, кто хочет видеть в нем тоталитарную военную диктатуру. Управляя, полковник Оджукву на удивление не прибегает к подавлению. Однако, это долг любого человека, который управляет биафрцами. Они не будут церемониться с правительством, которое не спрашивает у них совета. Вскоре после прихода к власти в январе 1966 года Военный Губернатор Оджукву понял, что ему придется прислушиваться к мнению широких масс — отчасти из-за их характера, а отчасти и по своим собственным склонностям.

Он не мог восстановить дискредитировавшую себя Ассамблею старых политиков, а генерал Иронси был тогда против иных форм представительного собрания, т. к. хотел сначала дать военному режиму возможность встать на ноги. Так что Оджукву

спокойно начал разрабатывать планы возврата к гражданскому правлению или, по крайней мере, к учреждению совместного консультативного органа, через посредство которого народ доводил бы до Военного Губернатора свои пожелания, и куда он сам мог бы обращаться для того, чтобы узнать пожелания народа.

После июльского переворота Оджукву получил свой шанс и начал проводить свои планы в жизнь. Он попросил от каждого из 29 округов Области четырех назначенных делегатов и шесть народных делегатов. Хотя на назначенные посты кандидатуры подбирались в его секретариате, это были назначения Ex officio — по служебному положению, такие как Окружной Администратор, Окружной Секретарь и т. п. Народные делегаты избирались народом через деревенских и племенных вождей и конференции Идейных Вождей. Таким образом получилось 290 человек. К ним он предложил добавить еще 45 представителей от различных профессий. Делегаты избирались или посылались: от профсоюзов, Собрания учителей, Ассоциации адвокатов, Союза фермеров и многих других слоев общества, но самое главное — от Ассоциации Рыночных Торговок — внушительных и громогласных «рыночных мамаш», которые в 1929 году призвали к порядку англичан, возглавив бунты в Абе.

Эти люди составили Консультативную Ассамблею, и вскоре наряду с Консультативным Советом вождей и старейшин, ее стали считать Парламентом Биафры. С этих пор полковник Оджукву не принимал ни одного по-настоящему важного решения без консультации с Ассамблеей и неукоснительно следовал их пожеланиям в национальной политике. Для непосредственного управления у него был Исполнительный Совет, собиравшийся раз в неделю, где еще только один человек, кроме самого полковника Оджукву, был военным.

Со дня первого заседания, 31 августа 1966 года (через 33 дня после говоновского переворота), мнение Ассамблеи запрашивалось на каждом этапе дороги к отделению. Так как потом Ибо обвиняли в том, что они вовлекли не-Ибо меньшинства — против их воли — в свои сепаратистские действия, то важно знать, что из 335 голосов Ассамблеи — 166 принадлежали представителям этнических меньшинств, и только 169 — Ибо. Таким образом, у меньшинств было более высокое в процентном отношении представительство в Ассамблее, чем реальное соотношение населения в регионе.

Решение вручить полковнику Оджукву мандат на выход из Нигерии было принято единогласно после первого же заседания. Этнические меньшинства, которые вовсе не были жертвами гегемонии Ибо, против воли вовлеченными в это отделение, через

своих представителей имели полную возможность высказаться и были активными участниками политики отделения. Конечно, во всех этих группах были и несогласные с принятыми решениями, и некоторых из них нигерийцы уже использовали, чтобы их устами говорить о том, как страшно Ибо угнетают племенные меньшинства. Однако, те, кто путешествовал или жил среди этих меньшинств, отмечали, что не только оппозиция была сравнительно слабой, но и то же самое настроение подъема, которое сопровождало отделение на землях Ибо, ощущалось и в местах проживания меньшинств. Будучи периферией Биафры, эти районы первыми попали в руки наступавшей Федеральной армии. Тогда довольно много людей перешло на сторону победителя. Это вполне нормально, когда на войне армия завоевывает какую-то территорию. Для большинства людей, которые видели, как уходила армия Биафры и наступала Федеральная армия, поднять правую руку и крикнуть «Единая Нигерия!» было скорее жестом, сделанным из самосохранения, чем по политическим убеждениям.

Да и коллаборационистов было не трудно найти. Когда на их земли пришли федералисты, вожди этих самых меньшинств, остававшиеся верными Биафре, были вынуждены бежать, чтобы не подвергнуться преследованиям. Они оставили хорошую работу, дома, конторы, машины, привилегии. Нигерийцам было нетрудно найти всему этому новых хозяев из местных для заполнения вакуума, но при условии полного сотрудничества с оккупационными властями. Однако, при ближайшем рассмотрении, оказывается, что все те люди, которые сегодня занимают посты, которые позволено занимать местным при нигерийском правлении, это только мелюзга, по сравнению с их более талантливыми сородичами, бежавшими из провинции в Биафру.

Сразу же после завоевания многие местные жители остались там, где жили всегда. Федеральная пропаганда убедила их в том, что Биафра была ошибкой и лучше будет сотрудничать с Нигерией. Некоторые из этих местных сановников искренне верили в свое обращение; другие увидели возможность продвижения или обогащения за счет собственности погибших или бежавших вчерашних лидеров. Но с середины лета 1968 года в Биафру поступало все больше и больше сведений о растущем недовольстве жизнью под властью завоевателей.

Зачастую самая большая волна беженцев в неоккупированную Биафру приходила не сразу после сдачи провинции, а через несколько недель, когда люди на своей шкуре знакомились с методами нигерийской армии. В дальнейшем происходило еще

большее отчуждение местных лидеров, по мере того как федеральные солдаты забивали коз, кур, коров и свиней для своих кухонь, собирали незрелый ямс и кассаву для личного потребления, забирали местных девушек и делали с ними все, что хотели; подавляя возмущение, вызванное их поведением, устраивали карательные рейды против возмущавшихся; силой заставляли крестьян присутствовать при расправах с уважаемыми деревенскими вождями и местными старейшинами; закрывали школы и превращали их в казармы для солдат; наживались на том, что на черном рынке продавали гуманитарную помощь, которая, как предполагалось, предназначалась для нуждающихся; силой отбирали понравившиеся им вещи и отсылали их к себе домой; словом, давали ясно понять, что они пришли сюда, чтобы остаться и собирались жить за счет этой земли, и жить хорошо.

Еще до начала лета все большее количество вождей отправляло своих посланцев через линию фронта к Оджукву, осознав, наконец, то, чего они не понимали раньше — что правительство Оджукву в тысячи раз предпочтительнее правления нигерийцев. Одной из причин, по которым так высоко ценили правительство Оджукву — конечно, были и недовольные при предыдущем правлении политиков — это перемена в статусе меньшинств. Когда у власти были политики, в Ассамблее преобладали представители ибоговорящих групп, так что некоторые районы, где жили меньшинства, чувствовали себя обойденными при распределении фондов и инвестиций. Полковник Оджукву подобную практику прекратил.

Одним из первых предложений, выдвинутых Консультативной Ассамблеей, было упразднение деления на 29 округов, установленного еще англичанами, и их замена на 20 провинций, чьи границы были проведены по линиям племенного и языкового разграничения. Это предложение поступило от Окои Арикпо, одного из депутатов от Угега, местности, где проживали Экои, одна из самых мелких этнических групп. Если бы на деле существовала гегемония Ибо, на которую так часто со времени начала войны ссылалась нигерийская пропаганда, то подобная идея была бы зарублена на корню, потому что план предполагал широкую автономию внутри каждой провинции, а в 8 из 20 провинций большинство народов не принадлежало к Ибо. И тем не менее, Ассамблея план приветствовала, полковник Оджукву его одобрил, и вскоре он стал законом. И тогда, сделав, очевидно, свой вывод из всего вышеизложенного, Арикпо заявил Оджукву, что заслужил министерский пост; однако полковник думал иначе. Тогда Арикпо потихоньку уехал в Лагос, где он теперь является Комиссаром по иностранным делам.

Это вовсе не означает, что Оджукву был против назначения на министерские посты представителей племенных меньшинств, напротив, они имели больше веса в правительстве, чем когда-либо в истории Восточной Области. Начальник Генерального Штаба и исполняющий обязанности главы государства в отсутствие полковника Оджукву, генерал-майор Филипп Эффионг — из племени Эфик; Главный Секретарь и Начальник гражданской службы Н. У. Акпан — Ибибио; Комиссар по специальным поручениям и один из самых доверенных лиц Оджукву — доктор Куки — Риверс, так же как и Игнатий Когбара, представитель Биафры в Лондоне; Исполнительный Совет, посольства, министерские посты, гражданская служба, делегации на мирных переговорах — повсюду было очень много людей, принадлежавших к племенным меньшинствам. Странно, но факт, — резня 1966 года и одинаково жестокое отношение со стороны нигерийской армии к Ибо и не-Ибо населению, больше чем что-либо иное помогло слиянию Биафры в единую нацию. Перемещение миллионов беженцев, их смешение, общие страдания, повсеместное обнищание — все это вместе взятое сделало то, что в течение многих лет пытались сделать другие африканские лидеры: из простого собрания народов они сделали нацию.

18 месяцев боев

Никогда в современной истории не было войны между армиями настолько различными по силе и огневому обеспечению, как в конфликте Нигерия — Биафра. С одной стороны — нигерийская армия, чудовищный организм, более чем 85 тысяч человек, вооруженные до зубов современным оружием, чье правительство имело доступ к арсеналам по крайней мере двух ведущих мировых держав и многих более мелких. Они были обеспечены неограниченным количеством патронов, минометов, автоматов, винтовок, гранат, базук, ружей, снарядов, бронемашин. Всю эту технику обслуживал многочисленный иностранный технический персонал, который занимался также обеспечением надежности радиосвязи, транспортом, ремонтом техники, обучением войск, разведкой, техникой и службой боя. К этому следует добавить многочисленных наемников-профессионалов, советских младших офицеров, занимавшихся вопросами материально-технического обслуживания, а также огромное количество грузовиков, джипов, цистерн, транспортных самолетов и судов, инженерного и мостостроительного оборудования, генераторов и речных судов. Военное усилие этой

машины было поддержано с воздуха атаками реактивных истребителей и бомбардировщиков, вооруженных пушками, ракетами и бомбами, а также флотом, в составе которого были сторожевые корабли, канонерские лодки, корабли сопровождения, десантные корабли, баржи, паромы и буксиры. Личный состав был щедро снабжен сапогами, ремнями, формой, шлемами, лопатками, рюкзаками, едой, пивом и сигаретами. Всему этому противостояла добровольческая армия Биафры, в которой воевало менее 1/10 тех, кто явился на призывные пункты. Живая сила никогда не была проблемой. Проблема состояла в том, как вооружить тех, кто был готов воевать. За 18 месяцев почти полной блокады Армия Биафры сумела, по крайней мере в течение первых 16 месяцев, провоевать на двух, а иногда и одной десятитонной партии оружия и боеприпасов, привозимых раз в неделю на самолете.

Стандартным оружием пехоты была отремонтированная винтовка с затвором системы Маузер, а также небольшое количество автоматов, ручных и станковых пулеметов и пистолетов. Количество мин, бомб, артиллерийских снарядов и ракет было минимальным, а базук почти совсем не было.

Вооружение солдат армии Биафры на 40 % состояло из захваченного у нигерийцев оружия, включая бронемашины, брошенные их захваченными врасплох и бежавшими экипажами. Огневой арсенал был также увеличен за счет кустарных ракет, фугасов, мин, коктейля Молотова и тому подобного, а к оборонительным средствам были добавлены такие приспособления, как танковые колодцы, стволы деревьев и заостренные колья.

Что до иностранной помощи, то несмотря на все рассказы о сотнях наемников, за первые 18 месяцев количество иностранцев было следующим: 40 французов (в ноябре 1967 года), которые через 6 недель в спешке сбежали, сочтя, что здесь для них слишком жарко; другая группа из 16 человек (в сентябре 1968 года), которые продержались 4 недели, прежде чем пришли к тому же выводу. Тех, кто взаправду сражался вместе с биафрцами, было очень немного: немец, шотландец, южноафриканец, итальянец, англичанин, родезиец, американец (по одному человеку), двое фламандцев и два француза. Да еще около полудюжины наемных солдат, которые приезжали на разные сроки: от одного дня до трех недель. За редкими исключениями, сложные условия ведения боя, большое количество доводов «против», а также глубоко укоренившееся убеждение в том, что есть более легкие способы заработать себе на жизнь, весьма ограничивали продолжительность подобных визитов.

Единственными, кто выполнил все условия своих 6-месячных контрактов, были немец Рольф Штейнер (у которого через 10 месяцев произошел нервный срыв, и его пришлось везти домой) и южноафриканец Таффи Уильямс, отработавший два контрактных срока и уехавший в отпуск в первые дни 1969 года.

История биафрской войны не только не укрепила позиции наемников в Африке, но напротив, полностью уничтожила миф о «белых гигантах Конго». При окончательном анализе событий вклад белого человека в войну на стороне Биафры будет менее 1 % всех усилий.

Большинство этих людей оказалось просто бандитами в униформе. Отбросам Конго даже и в голову не пришло самим явиться в Биафру. Те, кто воевал, делали это на чуть более высоком техническом уровне, но отнюдь не превосходил офицеров-биафрцев в храбрости и свирепости. О том, что нет разницы между теми и другими, говорил майор Уильямс, единственный человек, который оставался верен биафрцам все 18 месяцев боев, и единственный, кого, как оказалось, стоило нанимать: «Я видел, как воюют многие африканцы, — сказал он однажды. — Но нет никого, кто сравнился бы с этим народом. Дайте мне на 6 месяцев 10 тысяч биафрцев, и мы создадим армию, которая будет непобедима на этом континенте. Я видел на этой войне, как умирали люди, которые в других обстоятельствах были бы награждены Крестом Виктории Клянусь Богом, некоторые из них дрались отлично». Его оценка большинства наемников, особенно французов, совершенно непечатна.

В начале войны атмосфера уверенности царила по обе стороны фронта. Генерал Говон заявил своему народу и миру, что он проводит «короткую полицейскую операцию». Победа ожидалась даже не через несколько недель, а через несколько дней. На севере полковник Кацина с насмешкой назвал Биафру «армией бумагомарак» и предсказал скорую победу, когда состоящая в основном из северян Нигерийская армия захватит Биафру. Биафрцы, полагавшиеся на свою большую мобильность, изобретательность и ловкость, считали, что если они смогут выстоять в течение нескольких месяцев, то нигерийцы поймут все безумие войны и или уйдут домой, или начнут переговоры. Ни один из этих прогнозов не сбылся.

Боевые действия начались 6 июля 1967 года с артиллерийского обстрела Огоджи, города на границе с Северной Областью, в самом северном углу Биафры. Здесь два батальона федералистов предприняли, как потом понял полковник Оджукву, отвлекающий ложный маневр. Настоящее наступление началось

гораздо западнее, рядом с Нсуккой, богатым торговым городом, в котором совсем недавно был открыт Университет, построенный на пожертвования, и который потом переименовали в Университет Биафры.

Здесь, на направлении главного удара, были сосредоточены остальные шесть батальонов нигерийцев, которые 8 июля пересекли границу Области. Они продвинулись на 4 мили и остановились. Биафрцы, у которых в этом секторе было 3 тысячи человек против 6 тысяч нигерийцев, яростно отражали все атаки, вооруженные винтовками полицейского калибра и самыми разнообразными итальянскими, чешскими, немецкими автоматами и достаточным количеством разнообразнейших ружей, которые в ближнем бою на поросшей кустарником местности не так уж безобидны, как кажутся. Нигерийцы заняли город Нсукка, разрушили его — и университет и все остальное — но продвинуться дальше не смогли. В провинции Огоджа они заняли города Нионья и Гакем, а когда Огоджа оказался в пределах досягаемости артиллерийского огня, вынудили биафрцев оставить город; после чего линия обороны стала проходить по реке к югу от города. Но и здесь военные действия захлебнулись, и война перешла — и могла остаться таковой — в позиционную стадию.

Через 2 недели, приведенные в замешательство бездействием своей грозной пехоты, в Лагосе начали передавать по радио известия о взятии Федеральной армией одного за другим многих городов Биафры. Жителям Энугу, а это было все население города плюс эмигранты-беженцы, казалось, что кто-то в Лагосе просто наобум втыкает булавки в карту военных действий. В Президентском Дворце, как всегда, пили чай на террасе, играли в ватерполо с персоналом британского консульства и переодевались к обеду.

Через 3 недели у нигерийцев начались неприятности, когда три их батальона, отрезанные от остальных сил, были окружены и разбиты к востоку от Нсукки, в районе между главной дорогой и железнодорожной линией. Два новых батальона, наспех собранных из офицеров учебных лагерей и их подопечных, были быстро вооружены и брошены в район Нсукки.

В воздухе вся боевая активность была сведена к подвигам одинокого, принадлежащего Биафре американского бомбардировщика Б-26 времен Второй мировой войны, пилотируемого молчаливым поляком, отзывавшимся на имя «камикадзе Браун», и пилотируемых биафрцами французских вертолетов «Алуэтт», с которых нигерийцев засыпали ручными гранатами и кустарными бомбами.

25 июля нигерийцы предприняли неожиданную атаку с моря на остров Бонни — последний кусок твердой земли в открытом океане, недалеко к югу от Порт-Харкорта. С точки зрения престижности, в войне, которой все больше и больше не хватало новостей, это был эффектный удар, учитывая, что Бонни является нефтяным терминалом нефтепровода «Шелл — БП» из Порт-Харкорта. Но с военной точки зрения, этот успех нельзя было развить: биафрцы были уже начеку и беспрестанно патрулировали в водах к северу от Бонни, так что все последующие попытки нигерийцев снова атаковать с моря, но севернее, на материке около Порт-Харткорта, провалились.

9 августа биафрцы нанесли серьезный удар, который произвел сильное впечатление на наблюдателей как в Лагосе, так и в Биафре. На рассвете подготовленная в глубочайшей тайне мобильная бригада в составе 3 тысяч человек через мост Ониче вступила на Средний Запад. К 10 утра штаб был захвачен. Были заняты города Варри, Сапеле, нефтяной центр в Угеле, Агбор, Уроми, Убиаджа и Бенин-Сити. О небольшой армии Среднего Запада ничего не было слышно. 9 из 11 ее старших офицеров были Ика-Ибо, двоюродные братья Ибо Биафры, и вместо того, чтобы драться, они приветствовали войска Биафры. Взятие Среднего Запада изменило соотношение сил в войне, поскольку все нефтяные ресурсы Нигерии попали под контроль Биафры. Хотя она и потеряла около 500 кв. миль собственной территории в трех небольших секторах по периметру границы, однако были захвачены 20 тысяч кв. миль Нигерии. А еще важнее было то, что вся нигерийская пехота оказалась сосредоточена у города Нсукка, где широкий Нигер отрезал ей дорогу в столицу. Вмешаться они не могли. Перед биафрцами лежала открытая и никем не охраняемая дорога на Лагос.

Полковник Оджукву всячески старался успокоить большинство населения Среднего Запада, не принадлежащее к Ибо, уверяя их, что никакого вреда им причинено не будет. В течение целой недели в Энугу приезжали делегации племенных вождей, банкиров, торговцев, армейских офицеров, крепышей из Торговой палаты и священнослужителей, приглашенные встретиться с Оджукву и внести успокоение в свои души. Полковник надеялся, что союз двух из трех областей Юга сделает Запад уступчивее и заставит Федеральное правительство начать переговоры.

Через неделю стало ясно, что ничего подобного не произойдет и полковник Оджукву отдал приказ о дальнейшем наступлении на Запад.

К 16 августа биафрцы подошли к мосту через реку Офусу, по

которому проходила граница с Западной Областью. Здесь произошла краткая стычка с нигерийскими войсками, после которой те отступили. Тщательно осмотрев убитых нигерийцев, биафрцы пришли в восторг: это были солдаты Федеральной Гвардии, личной охраны Говона, из тех 500 Тивов, которые обычно были расквартированы в Лагосе. Если ему пришлось бросить в бой этих солдат, то, вероятно, под рукой у него больше никого не было.

20 августа биафрцы штурмом взяли Оре, город на перекрестке в 35 милях от границы Западной Области, в 130 милях от Лагоса и в 230 милях от Энугу. На этот раз Тивы потерпели еще более сокрушительное поражение и в унылом беспорядке отступили. Наблюдателям тогда казалось, что едва ли может так случиться, что только 10 недель спустя после арабо-израильской войны все снова станут свидетелями еще одного военного феномена — маленькая Биафра свергает правительство огромной Нигерии. Надо было совершить один-единственный марш-бросок моторизованной пехоты по одной из трех главных дорог, и войска Биафры оказались бы в самом центре земель Йоруба и у ворот Лагоса. Именно такой приказ и отдал полковник Оджукву.

Как стало потом известно из источников в американском посольстве, 20 августа нигерийцы были буквально на грани того, чтобы сделать все для умиротворения биафрцев и для спасения своих шкур. Говон приказал держать наготове свой личный самолет, прогревать моторы и подготовить полетный лист в Зарию на Севере, а британский Верховный Комиссар сэр Дэвид Хант и посол США Джеймс Мэтьюз провели в казармах Додан длительную и серьезную беседу с Говоном, после которой нервный Нигерийский Верховный Главнокомандующий согласился продолжать уже начатое.

Известия об этом вмешательстве, если это было вмешательство (а оно и было таковым, по сведениям из заслуживающих доверия источников) через неделю дошли до полковника Оджукву и вызвали негодование среди британских и американских подданных в Биафре, которые сочли, что послы ставят на карту их безопасность, потому что если бы об этой сделке узнало население Биафры, то их реакция могла бы быть весьма острой.

Решение Говона остаться спасло его правительство от падения и обеспечило продолжение войны. Если бы он убежал, то почти безо всякого сомнения Запад бы пал, и Нигерия постепенно превратилась в конфедерацию трех государств. С тех пор биафрцы подозревают, что той «морковкой», которой Говона и

его соратников из племенных меньшинств заставили остаться, было обещание английской и американской помощи, которая, начиная с этого дня, пошла быстро и в очень крупных размерах.

Захват Среднего Запада имел еще один побочный эффект. Он открыл Нигерии глаза на то, что у них в стране идет война. Сначала они недооценивали Биафру, которая, воспользовавшись возможностью, которая предоставляется только раз, ухватила войну в кулак. И выронила ее. Действительно, дальше Оре войска Биафры так и не продвинулись, потому что произошел еще один замечательный поворот «кругом». Никто и не подозревал о том, что командующий войсками Биафры стал предателем.

Виктор Банджо (Йоруба) — это майор нигерийской армии, которого генерал Иронси отправил в тюрьму по подозрению в участии в заговоре против его власти. Тюрьма эта находилась на Востоке, и оттуда, когда полковник Оджукву выпустил его и предложил офицерский чин в армии Биафры, Банджо направился в Биафру, а не домой на Запад, где ему, вероятно, грозила месть со стороны заправлявших там северян. Почему полковник Оджукву выбрал единственного старшего офицера-Йоруба в армии Биафры для командования войсками, предназначенными для похода в Западную Нигерию, он никогда не рассказывал, однако все знали, что они с Банджо были близкими друзьями, и полковник полностью доверял ему. В чине бригадного генерала Банджо командовал бригадой «С», когда она вступила на территорию Среднего Запада.

По собственному его признанию после разоблачения, вскоре после 9 августа Банджо решил, что хочет вступить в переговоры с лидерами Запада, в частности, вождем Аволово. Он разыскал в Бенин-Сити тайник, где скрывался губернатор Среднего Запада полковник Эджоор и не доложил об этом Оджукву, который хотел поговорить с Эджоором. Вместо этого Банджо попросил того стать посредником между ним и Аволово, но Эджоор отклонил рискованное предложение.

Впоследствии Банджо говорил, что передавал свои сообщения, пользуясь боковой полосой радиочастот радиопередатчика, принадлежавшего представителю Верховного Комиссара в Бенине. Британский дипломат передавал эти послания на немецком языке в Верховный Комиссариат в Лагосе. Далее сообщения передавались вождю Аволово. Заговор, о котором рассказал Банджо, был типичен для Йоруба по сложности замысла. Совместно с двумя другими старшими офицерами армии Биафры (с неутоленными амбициями), Банджо должен был вызвать военный крах Биафры, выведя войска (под различными предлогами) со Среднего Запада, арестовать и убить

Оджукву, и в завершение объявить «восстание» подавленным. Герой Нигерии Виктор Банджо должен был после этого вернуться на свой родной Запад, и все его прошлое было бы забыто и прощено.

А еще он сказал, что во второй части переворота, каковая должна была последовать потом, он и Аволово собирались привести вновь сформированную армию Йоруба под свои знамена, свергнуть Говона и, оставив за собой президентство, Банджо должен был дать Аволово возможность наконец-то стать премьером. Кажется маловероятным, что правительство Говона было проинформировано об этом постскриптуме.

Банджо удалось втянуть в свой заговор полковника Ифеаджуану, которого выпустили из тюрьмы, а также коммуниста-офицера, получившего образование в Москве, майора Филиппа Алале, чиновника министерства иностранных дел Биафры Сэма Агбама (который частично провел переговоры между сторонами за пределами Биафры), и некоторых младших офицеров и функционеров.

К середине сентября Банджо был готов выступить. В Энугу полковник Оджукву, хотя и огорченный затишьем на Западе, все еще доверял Банджо и соглашался с его доводами о трудностях административного управления, нехватке личного состава, оружия и боеприпасов. Нигерийцы и на самом деле за последние три недели стали сильнее. Приняв спешную программу рекрутского набора, в результате которой после кратковременного обучения военную форму надевали такие разные люди, как студенты коллежда и заключенные, нигерийцы сформировали сначала одну свежую бригаду, а затем и вторую. Зги силы, получившие название Второй Дивизии, под командованием полковника Муртала Мохаммеда, вели боевые действия с территории Западной Области. Использование высокоскоростных моторизованных колонн все еще могло обеспечить биафрцам господство на Западе — и не позже первой недели сентября, но 12 сентября Банджо самовольно отдал приказ об оставлении без единого выстрела Бенина. Мохаммед вошел в город только 21 сентября.

Затем Банджо отдал приказ оставить Варри, Сапеле, Ауши, Игуебен и другие важные позиции без боя. Изумленные и недоумевающие младшие офицеры Биафры выполнили приказ. Одновременно пали оборонительные рубежи биафрцев южнее Нсукку, и федеральные войска продвинулись на много миль вперед, вниз по дороге на Энугу, расположенный в 45 милях от Нсукку.

Теперь Банджо решил ударить непосредственно по

полковнику Оджукву. Он провел на Среднем Западе встречу с Ифеаджуаной и Алале, и они окончательно договорились об убийстве полковника, которое должно было произойти во время поездки Банджо в Энугу, куда его вызвали для дачи объяснения по поводу того, что произошло на Среднем Западе.

Ни один из троих, казалось, не отдавал себе отчета в том, что время их истекало. Странным образом они посвятили в свои планы многих младших офицеров, даже не попытавшись узнать, остались ли эти люди верны Оджукву. Большинство оставалось верными людьми, а некоторые уже встречались с Оджукву и информировали его о подробностях заговора.

Его пришлось долго убеждать, но факты говорили сами за себя. Ифеаджуана и Алале были по отдельности вызваны в Дом Правительства, где Оджукву устроил им очную ставку, а потом приказал арестовать. Банджо тоже вызвали, но он прибыл в сопровождении большого количества солдат, преданных лично ему, которых он пожелал взять с собой во двор Дома. Его уговорили оставить их у ворот в пределах слышимости, а дальше идти одному, но при оружии. Пока он ждал в приемной, полицейский адъютант, молодой и хитрый инспектор, вышел к отряду охраны с бутылкой джина. Пустив ее по кругу, он пригласил их зайти к нему домой и выпить еще. Солдаты согласились и поспешно ушли.

Те, кто из окон Дома Правительства следил за их уходом, сразу же взяли Банджо на прицел своих автоматов, обезоружили его, а потом сопроводили к главе правительства. Была почти полночь 18 сентября, оставалось 6 часов до того момента, когда полковник Оджукву должен был умереть.

Скандал замять было невозможно, потому что главные виновники сами признались в том, что должны были сделать, а вся мелочь была сразу же арестована. Все это страшно деморализовало армию. Теперь весь офицерский состав был дискредитирован в глазах солдат, яростно преданных полковнику Оджукву. Хотя из-за своей прежней дружбы полковник и колебался, да и Алале приходился ему родственником со стороны жены, давление армейских коллег, которые считали, что надо показать пример и остановить разложение, было слишком сильным, и он дал согласие.

Четверо главных заговорщиков были отданы под трибунал. Их приговорили к смерти за государственную измену и расстреляли на рассвете. Вопрос о том, какова была точная степень соучастия или осведомленности некоторых британских официальных лиц в Нигерии, до сих пор служит поводом для догадок в Биафре. Банджо в своем признании, подтвержденном

рядом документов, изъятых у него, которые Оджукву показывал автору этой книги, говорит о том, что в заговоре были замешаны британские представители Верховного Комиссариата в Бенин-Сити и Лагосе, служившие связными между Банджо, Аволово и Говоном. Корреспонденты в Лагосе отметили в середине сентября внезапную веселость среди британских чиновников, их уверенные заявления, что «через несколько дней все это кончится». Это резко контрастировало с почти паническими настроениями 20 августа, а предсказания едва ли соответствовали положению на фронте.

Однако, после попытки переворота все переменилось. Ущерб, нанесенный Биафре, был огромен. К 25 сентября биафрцы ушли из Агбора на Среднем Западе, на полпути между рекой Нигер и Бенином, а к 30 сентября снова заняли небольшой район круговой обороны у Асабы, спиной к реке. К северу от Энугу деморализованная пехота постоянно отступала перед продвигавшимися вперед с юга от Нсукки нигерийцами, так что к концу месяца город оказался в пределах досягаемости артиллерийского огня. 6 октября у Асабе биафрцы отошли через Нигер к Онитче и взорвали за собой мост, надавняя постройка которого обошлась в 6 миллионов фунтов, чтобы помешать Мохаммеду переправиться. Однако их ждало огромное разочарование: двумя днями раньше, 4 октября, нигерийцы вошли в Энугу. За границей была широко распространена уверенность в том, что Биафра должна была вот-вот потерпеть окончательное поражение. Но два обстоятельства спасли страну от краха: во-первых, личность полковника Оджукву, который сжал армию в кулак и как следует поговорил с офицерами и солдатами; во-вторых, народ этой страны, который ясно дал понять, что не намерен сдаваться. А поскольку солдаты — сегодня и всегда — это тот же народ, только в форме, то армия быстро это осознала.

Полковник Оджукву счел себя обязанным подать в отставку, которую Конституционная Ассамблея единодушно отвергла. Таким образом с делом Банджо было покончено, и Биафра приготовилась продолжать борьбу. Началась длительная тяжелая работа.

К этому времени перевес нигерийцев в огневой мощи, за счет ввезенного из Британии, Бельгии, Голландии, Италии и Испании оружия, стал почти подавляющим, а дальнейший призыв в армию позволил довести численность федеральных войск до 40 тысяч человек. Части, расположенные в Северной Биафре, теперь были организованы в Первую Дивизию, а войска за Нигером под командованием Мохаммеда — во Вторую. Первой командовал из

Макурди, города, расположенного за много миль отсюда в Северной Нигерии, полковник Мохаммед Шува. Если добавить к ним еще и полковника Экпо, начштаба Вооруженных сил, и полковника Биссала, начштаба армии, то получится, что четверо Хауса контролировали нигерийскую армию. Предшественник Биссалы полковник Акахан был убит в вертолетной катастрофе при таких странных обстоятельствах, что поговаривали, что в вертолет подложили бомбу.

Конец осени и зима были неудачным временем для Биафры. На севере был сдан Энугу, а дальше на востоке на участке Огоджа нигерийские войска продвинулись от Огоджи до Икома, перерезав главную дорогу в соседний Камерун. Тогда, 8 октября, недавно сформированная Третья федеральная десантная дивизия под командованием полковника Бенджамена Адекунле, высадилась с моря в Калабаре, на юго-востоке. Если добавить к этому Бонни, который все еще оставался в окружении, и угрозу того, что Мохаммед попытается пересечь Нигер, то получалось, что биафрцам приходилось воевать на 5 фронтов.

Несмотря на яростные контратаки, нигерийцев не удалось выбить из Калабара и получавший постоянную поддержку их морской десант накапливал силы до тех пор, пока Адекунле не перешел в наступление и не прорвался в северном направлении к восточному берегу реки Кросс, пытаясь соединиться с Первой Дивизией в Икоме. Перекрыв вторую дорогу (из Калабара) в Камерун, нигерийцы полностью перерезали сухопутное сообщение Биафры с внешним миром.

Единственный воздушный мост, остававшийся теперь, был перенесен в Порт-Харкорт, и одинокий Б-26, изрешеченный пулями на земле, был заменен таким же одиноким Б-25, который пилотировал бывший пилот Люфтваффе, известный под именем Фред Герц.

В течение всей осени иностранные корреспонденты словоохотливо предрекали, что с Биафрой покончено. Подобные вопли были слышны и раньше, раздаются они и теперь, но биафрцы не очень-то обращали на них внимание.

В октябре — ноябре 1967 года полковник Мохаммед три раза пытался переправиться через Нигер из Асабы и взять Ониче.

В первый раз 12 октября он переправился с двумя батальонами. Одним из боевых командиров в Ониче был полковник Джо Ашузи, волевой и жесткий уроженец Среднего Запада, который во Второй мировой войне воевал в Британской армии, а потом прошел Корею. Он работал Инженером в Порт-Харкорте, и когда началась война, его записали в ополчение. Оттуда он перешел в армию Биафры. Заметив переправлявшиеся

войска Мохаммеда, он решил устроить им ловушку.

Корабли причалили к берегу, и солдаты с бронемашинами высадились на сушу. Ашузи наблюдал с территории склада древесины, принадлежавшего Министерству общественных работ, как солдаты-Хауса обстреливали рынок Онитчи, самый большой в Западной Африке, чьи запасы когда-то оценивались в 3 миллиона фунтов. Закончив этот бессмысленный акт разрушения, солдаты построились и маршем пошли через пустынный город. Они прошли уже около мили, когда биафрцы двинулись в атаку. Нигерийцев, потерявших обе своих бронемашины, оттеснили к реке и в конце-концов уничтожили неподалеку от места высадки.

Впоследствии было сделано еще две попытки пересечь Нигер на кораблях, но каждый раз эти суда были расстреляны из пулеметов и потоплены, а нигерийцы понесли тяжелые потери, основном за счет утонувших. Главные потери пришлись на долю солдат-Йоруба Второй Дивизии, и так продолжалось до тех пор, пока их командир не воспротивился дальнейшим попыткам пересечь реку. Оставив Йоруба охранять Азабу, Мохаммед отвел своих Хауса к северу через реку в Северную Область и вышел к границам Биафры с другой стороны, намереваясь занять Онитчу с берегового подступа.

В Лагосе генерал Говон предрек, что война закончится к концу года, но когда это оказалось невозможно, он выдал еще одно предсказание — о поражении Биафры к 31 марта 1968 года, концу года положение в районах к югу и востоку от Энугу оставалось стабильным, нигерийские войска остановились на расстоянии примерно 20 миль к востоку от города, тогда как на юге биафрцы противостояли им на дальних подступах к городу. На северо-востоке федеральные войска удерживали всю провинцию Огоджа, их позиции располагались напротив биафрских на другом берегу реки Анйим, притока реки Кросс. Еще южнее войска Адекунле стояли на полпути из Калабара в Иком, тогда как далеко на юге в секторе Бонни все оставалось почти так же, как и 5 месяцев назад; несколько попыток прорваться с моря на север потерпели неудачу.

Но по мере того как Нигерия получала все возрастающее количество оружия, а поставки Биафре по-прежнему ограничивались примерно двумя самолетами в неделю, сражения становились все тяжелее и кровопролитнее. Нигерийская огневая мощь, особенно артиллерия и минометы, становилась все убийственнее, кроме того, они получили от англичан новые бронемашины, что не только возместило потери, но и существенно увеличило парк бронетехники. Обычно нигерийская армия продвигалась вперед именно благодаря этим

бронемашинам, которым биафрцы не могли ничего противопоставить.

В конце декабря дивизия полковника Мохаммеда, численный состав которой был увеличен до 14 тысяч человек, выступила в 68-мильный поход по главной дороге в Онитчу. Они взяли с собой огромное количество боеприпасов. Из документа, найденного в кармане одного убитого нигерийского майора этой дивизии, стало известно, что только у его батальона был резерв в 20 тысяч 105-миллиметровых артиллерийских снарядов. На выходе из Энугу, ближе к городу Уди, Вторая Дивизия встретилась с биафрцами, и началось самое важное сражение этой войны.

Верный традициям Хауса Мохаммед построил свои войска в мощные фаланги, и они двинулись по дороге. К середине февраля они достигли города Авка, а до Онитчи все еще оставалось около 30 миль. Потери Мохаммеда были огромны, поскольку маршрут похода был известен, а федеральные солдаты не любили удаляться далеко от главной дороги. В течение всей войны они остерегались далеко заходить в буш, куда их тяжелая техника вслед за ними пройти не могла, а массированные боевые порядки были легкой мишенью для биафрцев.

Когда полковник Оджукву преподавал тактику в Теши (Гана), у него в классе учился молодой лейтенант Муртела Мохаммед. Теперь в своем кабинете в Умуахье он разрабатывал план, как перехитрить своего бывшего ученика, далеко превосходившего его по силам. Он должен был это сделать: биафрцы, плохо вооруженные, но очень мобильные, не могли атаковать Мохаммеда с фронта. Они сосредоточили свои атаки на его флангах и арьергарде, нанося нигерийцам тяжелые потери. Но Мохаммед, который обращал мало внимания на численные потери среди своих солдат, упорно продвигался вперед. При Авка он упустил самый свой большой шанс. Войска Биафры были очень слабы по фронту, но сильны на флангах и в тылу. Если бы он предпринял мощный прорыв на Авку, то перед ним лежала бы прямая дорога на Оничу. Полковник Оджукву увидел эту опасность и перебросил дополнительные войска на направление главного удара. Ему нужны были 48 часов, и Мохаммед дал их ему: три дня подряд северяне крушили поселок Авка.

К тому времени как они закончили, биафрцы перегруппировали свои силы. На севере Ашузи и его отборный 29-й батальон, после 92-мильного перехода, взял с тыла город Адору в Северной Области. Оттуда, так же с тыла, он отбил город Нсукка, предварительно разведав систему его обороны. Переодевшись, он представился старым фермером, который хочет сотрудничать с нигерийцами, вошел в город и даже поздоровался,

походя, с его нигерийским комендантом. Десять часов спустя, снова надев форму, Ашузи во главе своего батальона ворвался в город с незащищенного фланга.

Оттуда он направился на юг к Энугу и при Укехе (город на полпути от Нсукки к Энугу) соединился с полковником Майклом Ивенсо, подошедшим сюда напрямик. Этот эпизод воодушевил биафрцев, а нигерийцев напротив вывел из душевного равновесия, поскольку именно по этой дороге осуществлялось в основном снабжение Энугу. Но необходимость остановить Мохаммеда была слишком острой. Оджукву неохотно отозвал обоих полковников на юг, чтобы помочь в шедшем между Аккой и Абоганой сражении, которое начали войска Мохаммеда в первую неделю марта в 16 милях от Онитчи.

С подходом двух новых батальонов Ашузи и Ивенсо бои разгорелись еще яростнее. Мохаммед отчаянно требовал подкреплений и получил 6 тысяч человек из Энугу, что буквально опустошило гарнизон города. Если бы у Оджукву был лишний батальон, он мог бы запросто взять Энугу, но Мохаммед торопился к Огиди (в 8 милях от Оничи), оставив свои основные силы в Абагане. Головные отряды двух знаменитых батальонов Хауса — 102-го и 105-го — возглавляемые Мохаммедом, прорвались к Ониче. 25 марта. Ашузи понял, что остановить их не удастся, но решил развернуться и двигаться к Ониче за ними по пятам, чтобы не дать нигерийцам времени окопаться. Он рассчитывал сбросить их прямо в Нигер. Этот план мог бы сработать, потому что оба федеральных батальона были обессилены, но по пути другой биафрский батальон принял солдат Ашузи за нигерийцев. Когда они наконец разобрались, что к чему, Ашузи поспешил вперед. У Апостольской церкви он и его люди наткнулись на триста трупов тех членов общины, которые остались, чтобы молиться, тогда как все остальные бежали, и которых Хауса выволокли наружу и убили. Биафрские солдаты были настолько ошеломлены, что отказались идти дальше. Их офицерам пришлось самим выполнить малоприятное дело — убрать тела с дороги.

Когда дорога снова была свободна, Ашузи смог продолжать движение, но с 18-часовым опозданием. Он нашел нигерийцев уже занявшими оборонительные позиции. У него было два варианта выбора: попытаться выбить нигерийцев с их позиций или повернуть назад к Абагане. В первом случае его собственные солдаты и боеприпасы были бы истощены, и он не смог бы справиться с превосходящими силами, которые — он не сомневался — были на подходе. Между Ашузи и другими командирами, которые считали, что никаких сил на подходе нет,

разгорелся спор. Ашузи настоял на своем и устроил огромную засаду недалеко от Абаганы. На следующее утро на эту засаду наскочили главные силы нигерийцев: конвой из 102 грузовиков, 6 тысяч человек и 350 тонн снаряжения.

Засада при Абагане была самой крупной. Шальная мина попала в автозаправщик с 8.000 галлонов горючего, и машина взорвалась, выбросив язык горящего топлива на 400 ярдов вниз по дороге, накрыв при этом 60 шедших следом машин, которые очень быстро сгорели. Уцелевшие солдаты в панике соскочили наземь и побежали. Их встретила поджидавшая биафрская пехота. Очень немногие ушли живыми.

Мохаммед все-таки взял Оничу, но из 20 тысяч человек в город он привел только 2 тысячи, оставив большинство своих солдат на дороге. В Лагосе выразили крайнее неудовольствие, когда он, перебравшись на маленькой лодке через Нигер, приехал в город и доложил о случившемся. С тех пор дивизией Мохаммед больше не командовал. 102 и 105 батальоны были выведены из Оничи и из Асабы, им на смену перебросили свежие войска. Вскоре в Ониче было уже более 5 тысяч нигерийцев, и несмотря на многочисленные попытки противника снова взять город, они продолжали удерживать его, доведя к ноябрю 1968 года численность гарнизона до 8 тысяч человек.

Апрель 1968 года был ужасным месяцем для Биафры. В феврале в Нигерию прибыло множество технических советников, которые, как стало известно биафрцам из сведений, полученных из Лондона, были британскими младшими командирами, присланными «для обучения солдат». Результаты стали ощутимы уже в апреле. Связь между нигерийскими войсками стала гораздо устойчивее, и биафрские радиоперехватчики слышали в эфире голоса англичан, передающие инструкции. Обычными стали сложные координированные маневры войск, которые раньше нигерийцам были не по силам. В то же время улучшилось и техническое обслуживание автомобильного парка на нигерийской стороне, а нехватка транспорта, существовавшая еще несколько недель назад, была ликвидирована. И что гораздо важнее, к апрелю нигерийцы навели понтонные мосты, работа, которая до этого затянулась бы у них на многие месяцы. Инженерные войска нигерийской армии раньше почти полностью были укомплектованы выходцами с Востока, и биафрцы знали, что так быстро навести понтонные мосты в одиночку нигерийцы не могли.

К востоку от Энугу нигерийцы перешли крутое и узкое ущелье Эзулу. Их бронемашины преодолели последние 12 миль, остававшиеся до Абакалики, и взяли город. Это отрезало

биафрцев, чьи позиции были расположены на восток от Абакалики, за рекой, как раз напротив позиций нигерийцев, и они были вынуждены отойти на новые позиции к югу от города. За несколько дней нигерийцы по другому понтонному мосту в провинции Огоджа пересекли Антим и соединились со своими у Абакалики. Впервые оба крыла 1-й нигерийской Дивизии взяли под контроль полосу вдоль северной границы Биафры.

Третья дивизия Адекунле, с помощью двух батальонов черных наемников из Чада, называемых Гводо-Гводо, продвинулась вдоль долины реки Кросс, на ее восточном берегу, до Обубры, последнего крупного города в области Эной. На линии реки на 12 недель их задержало грозное присутствие на противоположном берегу майора Уильямса, сотни лично им обученных десантников и 700 волонтеров-франтиреров — добровольцев из клана Ибо, вождь которого стал личным другом Уильямса. Эти воины из буша реки Кросс, ярые сторонники Биафры, вооруженные старинными ружьями и мачете, держали под непрерывным наблюдением 70 миль речного берега.

Однако, когда в начале апреля Уильямс отвел своих людей для переподготовки, чадцы, ждавшие за рекой, получили столь необходимый им шанс. В конце апреля они в двух местах переправились через реку и заняли Афикпо, главный город этой области на западном берегу.

Продвинувшись дальше на юг, Адекунле добился большого успеха. В последние дни марта с помощью горстки британских советников-десантников он осуществил две высадки десанта через реку Кросс в самом узком ее месте (почти миля водного пространства). Заняв Орон и Иту, его быстро продвигающиеся войска, впереди которых шли наемники, за несколько дней пересекли земли Ибибио, за неделю взяв один за другим города Идо, Икот, Экпене, Абак, Экет и Опобо. Их задачу облегчило наличие проводников, знавших местные дороги, почва, затвердевшая от зимнего солнца, и сотрудничество со стороны некоторых местных вождей. В дальнейшем, после долгих недель и наконец месяцев оккупации их земель солдатами Адекунле, эти вожди принялись посылать патетические призывы к полковнику Оджукву. В конечном итоге ни с одним народом в Биафре не обращались так зверски при нигерийской оккупации, как с Ибибио и Аннанга.

На северной окраине земель Ибибио, где начинается Иболенд, примерно в 30 милях от Умуахьи, нигерийцы были остановлены. Хотя, конечно, главная цель Адекунле была к северу, а не к западу — сверкающий приз — Порт-Харкорт.

С начала апреля 1-я и 2-я Дивизии не вели активных

действий и внимание все больше и больше переключалось на юг, на Адекунле. 2-я Дивизия постоянно предпринимала попытки прорваться на соединение со своими частями к Абагане, в то время как 1-я Дивизия укрепляла свои позиции у ряда городов вдоль главной дороги Энугу-Онича. Они могли беспрепятственно проехать до самой Абаганы, но с частями в Ониче соединиться им никак не удавалось. Эта неудача послужила причиной того, что больше никаких крупных продвижений на юг не было, хотя 1-я Дивизия и наступала в июне в южном направлении и захватила 15 июня Авгу, к югу от главной дороги.

Однако, за лето 1968 года Адекунле стал самым значительным из нигерийских командиров, и из Лагоса ему отправляли основную массу оружия и боеприпасов. В то время как численный состав 1-й Дивизии оставался стабильным — примерно 15 тысяч человек, а во 2-й Дивизии было примерно 13 тысяч человек, 3-я Дивизия Адекунле, контролировавшая весь юг, к концу 1968 года выросла до 25 тысяч человек.

И снова, главным образом при помощи своих иностранных советников по проведению десантных операций, передовые части Адекунле пересекли реку Имо, последнюю преграду на дороге в Порт-Харкорт. До самого большого города Биафры ему оставалось пройти 40 миль.

От того места, где Адекунле дважды пересек реку, Имо течет к югу — от Уму Абайи до своего эстуария в Опобо. В противоположном направлении река Уму Абайи тянется с запада на восток еще на 40 миль от Авазы. Этот продолговатый участок земли — 40 миль в длину и 30 миль с севера на юг — на западе ограничен рекой Бенни, на которой стоит Порт-Харкорт, а на юге тянутся бухты, мириады болот и мангровые заросли, которые в свою очередь сменяются открытым морем. В пределах этого клочка земли, кроме Порт-Харкорта, находится еще газовая газогенераторная станция в Афаме, освещающая весь юг Биафры, нефтяной город Бори, десятимиллионный, принадлежащий «Шелл-БП», нефтеочистительный завод в Окрике и множество нефтяных скважин. Хотя сам Порт-Харкорт был главным образом населен Ибо, на окружавших город землях жили Огони, Иквере и Окрикан, а внизу, у заливов и дальше к западу по другую сторону реки Бонни, племена Риверс.

К этому времени в Биафре уже было около 4 миллионов беженцев из других оккупированных районов: около полутора миллионов Ибо и два с половиной миллиона людей, принадлежащих к племенным меньшинствам. Порт-Харкорт и окружающие его богатые пищей земли были любимым убежищем, так что население их, до войны составлявшее полмиллиона,

выросло почти до миллиона.

Быстро окопавшись на западном берегу Имо и отбив все атаки, целью которых было уничтожение морского десанта, Третья Дивизия в конце апреля выступила на Порт-Харкорт. Биафрская армия приняла на себя удар обычного в таких случаях передового отряда бронемашин, артиллерийского и минометного обстрела, а затем и нигерийской пехоты. В последней одинокой схватке, расстреляв все патроны, пропал без вести, но вероятнее всего был убит, итальянец, сражавшийся на стороне Биафры, майор Джорджио Норбиатто.

К середине мая пали Афам, Бори и Окрика. Биафрской обороне мешали тысячи беженцев, тогда как нигерийскому продвижению способствовала небольшая группка местных новобранцев, волонтеров и проводников. Некоторые из них были привезены из Лагоса, включая и бывшего студента бунтаря Исаака Боро, который на этот раз объявился в чине майора федеральной армии. Он был убит под Бори.

Быстрым ударом на правом фланге нигерийцы перерезали дорогу из Порт-Харкорта к северу в Аба и к 18 мая их передовые части заняли восточные окраины города. Яростный артиллерийский обстрел продолжался несколько дней, и дорога в Оверри была забита почти миллионом беженцев, поваливших из города в поисках безопасного места. Этот человеческий поток помещал продвижению полковника Ашузи, недавно назначенного командиром района, и к тому времени, как дорога была расчищена, нигерийцы уже были в городе, заняв одну половину аэродрома, тогда как биафрцы удерживали вторую. На этом обе стороны на месяц остановились, чтобы передохнуть.

В начале апреля майор Штейнер, немец, бывший офицер Иностранного Легиона, старший из четырех наемников (четвертым был англичанин, который, как и Уильямс, действовал у реки Кросс, но потом уехал), получил от полковника Оджукву приказ сформировать и обучить новую ударную бригаду на основе маленьких и сплоченных отрядов, которые до этого момента эти четыре европейца возглавляли каждый по отдельности. Штейнер, у которого был свой собственный отряд десантников, действовавший около аэропорта Энугу и доставлявший нигерийцам массу неприятностей, разбил лагерь и приказал Уильямсу присоединиться к ним. Так они оба начали собирать по частям Четвертую биафрскую десантную бригаду, весьма неоднозначное формирование, которое, тем не менее, сыграло весьма заметную роль в борьбе биафрцев с нигерийской армией.

Уильямс хотел остаться на реке Кросс, но это предложение

было отклонено. Через пару недель после его ухода Гводо-Гводо переправились через реку, чего они, как считал Уильямс, не смогли бы сделать, останься он на месте. Поскольку контракт его закончился, Уильямс, удрученный мучениями милых его сердцу Ибо, в начале мая уехал в Лондон, но уже через неделю его попросили вернуться. 7 июля он вернулся на второй срок контракта. К этому времени Штейнер подготовил 3 тысячи человек, разделив их на 6 маленьких батальонов, и был готов действовать. Когда ему предложили выбрать участок для действий, он выбрал дорогу из Энугу в Оничу и двинулся назад на Север, где к нему по возвращении присоединился Уильямс.

В течение всего июля десантники довольно успешно проводили в этом районе рейды в места расположения 2-й Дивизии. Впоследствии, когда полковника Харуну, командира Второй, спросили, почему он вовремя не присоединился к двум остальным дивизиям при «решающем штурме Иболенда», он ответил, что все его приготовления были сведены на нет рейдами десантников, заставившими его все время перебрасывать крупные части в те места, где наносился очередной удар. Действия десантников в Амансее, Уку и Амиени доказали жизненность оригинальных теорий Штейнера о том, что небольшие мобильные отряды в условиях Африки более эффективны, чем крупные фаланги пехоты. Хотя полковник Оджукву с этим и согласился, обстоятельства заставили его потом вернуть десантников к роли простой пехоты.

В июне Адекунле на юге вышел из Порт-Харкорта, имея приказ захватить остатки родного штата Говона — штата Риверс, к западу от Бонни. В этот момент полковник Оджукву попросил племенных вождей двух южных провинций — Йенагоа и Дегема — встретиться с ним. Он сказал им, что рельеф местности, где они живут, настолько неподходящ для обороны, что он не может твердо пообещать, что армия Биафры не потерпит поражения. Поэтому он предложил вождям выбор: если они захотят выбрать Нигерию и спастись от грядущих репрессий, то он установит линию обороны севернее обеих провинций и уступит Нигерии все, что осталось от территории Риверс.

Вожди хотели ответить сразу, но Оджукву велел им вернуться домой и обсудить все на совете. На следующий день прибыл посланец с ответом народа Риверс. Они хотят остаться с Биафрой; они надеются на любую возможную оборону и сами помогут всем, что в их силах. Они понимают, что это повлечет за собой репрессии, и готовы к ним.

Впоследствии Адекунле заставил Риверсов дорого заплатить за их верность Биафре. Как и предсказывал Оджукву, было

невозможно оборонять эту территорию против армии, на вооружении которой было множество кораблей и катеров. Обороняющиеся части пришлось бы для этого раздробить на мельчайшие отряды, чтобы вести наблюдение за каждым клочком берега и островами. Нигерийцы могли бы легко выбрать подходящее место и высадиться с моря. К середине июля такие десанты были осуществлены в Дегеме, Брассе, Йенагоа и многих других местах. На материке нигерийская пехота продвинулась к Игритте, Элеле и Ахоаде, чтобы захватить оставшуюся часть штата Риверс.

До сих пор полковник Адекунле действовал только в местах проживания этнических меньшинств. Он никогда не бывал в Иболенде, тогда как две другие нигерийские дивизии никогда не действовали вне этой территории, за исключением Первой Дивизии, которая провела кампанию по захвату провинции Огоджи. Поэтому, несмотря на огромный перевес в вооружении, Адекунле пришлось действовать с осторожностью.

Это вовсе не означало, что сражения были более легкими на землях этнических меньшинств, чем в Иболенде, или что большинство вождей племенных меньшинств не оставались верны Биафре. Но на этих землях было легче найти диссидентов, готовых к сотрудничеству — либо по искреннему убеждению, либо из желания получить какие-то выгоды; и эти нигерийские агенты проделали огромную работу, проведя нигерийские войска и открыв им тайные тропы, которые были известны только местным жителям.

Было также легче заслать в эти районы, за несколько недель до начала вторжения, множество агентов, которых специально доставили из общин национальных меньшинств в Лагосе. Однако некоторые из этих агентов сбежали сразу же, как только оказались снова среди своего народа, и рассказали о тех огромных суммах, которые были ассигнованы на подкуп местных вождей, об агентах-провокаторах, возбуждавших ненависть к Ибо и об угрозе жестокой расправы, в случае если местное население сохранит лояльность по отношению к Биафре, когда произойдет намеченное вторжение.

В некоторых районах подобные приемы оказались успешны, хотя мало что из обещанного было когда-нибудь выполнено, а поведение нигерийской солдатни быстро разбивало все иллюзии. Насилие обычно шло двумя волнами. Первыми появлялись боевые части федералистов, стрелявшие во все, что попадалось на глаза, не разбирая племени, разрушая и грабя имущество, не различая, кто его владелец. Озверение солдатни было обычно прямо пропорционально их потерям при взятии той или иной

позиции. Так что там, где город сдавался легко, без единого выстрела, и население быстро становилось пронигерийским в результате резкого изменения в соотношении сил, иногда случались краткие периоды дружбы между пехотой и местным населением. В землях Ибо этого никогда не случалось, но ведь там ни у кого и не было особых сомнений в том, что уж их-то участь, во всяком случае, решена.

После того как пехота уходила дальше, в город вступали второсортные части гарнизона, и буквально в течение нескольких недель местное население осознавало, что «Единая Нигерия» было прекрасным лозунгом, но крайне непривлекательной действительностью, когда это влекло за собой кажущуюся бесконечной оккупацию солдатни, которой никто не мешал думать, что в оккупированной Биафре все было их собственностью. Вот почему к концу 1968 года самой питательной средой в стране для нарождающейся партизанской войны были именно те места проживания этнических меньшинств, которые дольше всего оставались под оккупацией.

В июле Адекунле был готов начать вторжение в земли Ибо. Он разработал план «О. А. У.»: план быстрого взятия Оверри, Абы и Умуахьи. Несколько опьяненный чувством своей собственной значительности и серьезно заблуждаясь по поводу своей компетентности, Адекунле широко разрекламировал свои намерения быстро покончить с Биафрой. Его все более и более странное поведение вызвало поток жалоб, и генерал Говон был неоднократно вынужден извиняться от его имени. Однако Абекунле явно мог обвести Говона вокруг пальца, когда хотел чего-то добиться, так что он остался во главе Третьей Дивизии и продолжал строить свое королевство для одного.

К концу июля его войска продвинулись от Порт-Харкорта, по дороге на Оверри, до Умуахьи в 23 милях от Оверри. Полковник Оджукву, который хотел в это время поехать в Аддис-Абебу, но не мог допустить, чтобы Оверри пал в его отсутствие, приказал Штейнеру и его десантникам оставить Авку и перебазироваться в Оверри.

К тому времени стало ясно, что Штейнера вполне устраивало командовать бригадой и заниматься оперативным планированием, в котором он отлично разбирался, оставив само ведение боев Уильямсу. У этого тощего, родившегося в Уэльсе южноафриканца, который сам радостно признавался, что он наполовину сумасшедший, была такая привычка показывать, что он неуязвим для пуль: стоя среди огня, когда вокруг падали убитые, он размахивал тростью и выкрикивал ругательства по адресу нигерийских пулеметчиков, что приводило их в

исступленную ярость.

Но биафрские десантники подражали этому бравадо и «парни Тэффи» приобрели репутацию лихих бойцов. Во всяком случае, нигерийские пленные признавали, что их пехота была далеко не в восторге, когда оказывалась на фронте против десантников. Это страшно нравилось Штейнеру и Уильямсу. К этому времени к ним присоединилось еще трое новоприбывших: толстый шотландец, тощий, тихий, но крайне опасный корсиканец и красивый молодой родезиец, которого звали Джонни Эразмус — не интеллектуал, но маг и волшебник во всем, что касалось взрывчатых веществ. Южнее Оверри, неподалеку от Умуахьи, Штейнер задействовал Эразмуса в работах по сооружению кольца препятствий на пути нигерийцев. Через три дня, повалив 200 деревьев, вырыв колодцы, поставив мины, связав между собой мины-сюрпризы, устроив огненные арки, блиндажи и втиснув во все, что можно, гранаты со снятыми чеками, Эразмус заявил, что нигерийцам или надо оставаться в Умуахье, или использовать парашютный десант. Они и вправду никогда не смогли прорваться через эту полосу препятствий; они обошли ее с флангов и ударили с тыла.

Оставив пехоту биафрцев за этой линией Мажино, Штейнер послал Уильямса и 500 десантников в обход, и 4 августа они ударили по штабу нигерийского батальона, но не в Умуахье, а в соседней деревне Аму Нелу. За час Уильямс уничтожил штаб, захватил большое количество снаряжения, оружия и боеприпасов, оставив на дороге более ста убитых нигерийцев, и ушел вовремя, чтобы поспеть к завтраку. Реакция нигерийцев не заставила себя ждать. Через линию фронта в расположение биафрской пехоты были посланы парламентарии с предложением о местном перемирии.

Не прошло и недели, как десантников пришлось перебросить снова, на этот раз к Окпуале (на полдороге из Оверри в Абу). Нигерийцы тоже двигались с юга к этому пересечению дорог, так что шотландец и корсиканец были откомандированы, чтобы остановить это продвижение. Последовал ряд ожесточенных стычек, в которых оба они были ранены, однако совместные усилия десантников и пехоты остановили нигерийцев у Окупали (до того момента, пока не был взят Аба).

Этот город, с юга и запада, как щитом, прикрытый излучиной реки Имо, считался вне опасности нападения. Это был самый большой из оставшихся городов, который теперь был переполнен не только беженцами первой волны, но и теми, кто бежал из Порт-Харкорта. Это был также административный центр Биафры. Здесь через Имо было целых два моста: один в Имо Ривер Таун,

на главной дороге из Абы в Порт-Харкорт, другой — в Аваде, дальше на запад. Первый мост был взорван, второй оставался цел, но был заминирован. Нигерийцы выбрали мост в Аваде. Когда они появились на противоложном берегу, биафрцы взорвали мины, но они были плохо заложены. Это была одна из самых серьезных ошибок, допущенных в этой войне. Мост рухнул, но газопровод, в нескольких ярдах от него, уцелел. Вдоль этого газопровода шел узкий рабочий мостик, и биафрцы, у которых кончились боеприпасы, беспомощно смотрели, как нигерийцы начали гуськом, по одному переходить реку. Это было 17 августа. Туда послали Уильямса и 700 его солдат, но они сумели подойти только к утру 19-го. А к этому времени нигерийцы уже переправили три своих батальона.

В течение двух дней десантники пытались отбить предмостное укрепление, но пока два нигерийских батальона сдерживали их в миле от воды, третий продвинулся на юг и занял северную сторону другого моста. Видя, что все усилия бесполезны, Уильямс отошел назад по дороге на Порт-Харкорт. 6 дней биафрская 12 Дивизия при поддержке десантников Уильямса, число которых теперь возросло до тысячи, отражала все атаки, пока основная масса нигерийцев не пересекла Имо пешком. Шла лихорадочная работа (по слухам, в ней принимали участие советские инженеры) по восстановлению моста через Имо, для того чтобы переправить тяжелое снаряжение.

На главном направлении Уильямс не считал нигерийцев слишком уж опасными, до тех пор пока у них нет бронетехники и артиллерии, хотя они во много раз превосходили биафрцев по количеству винтовок, снарядов и мин. 24 августа мост был восстановлен, и по нему прошла ударная колонна. Последовавший за этим бой был самым кровавым за всю войну. Уильямс, не желая ждать в обороне, бросил в атаку тысячу своих десантников. Такое нахальство застало нигерийцев врасплох. Те три их бригады, о которых уже шла речь, входили в состав главной колонны, передвигавшейся по основной дороге, и намеревались беспрепятственно достичь Абы и, сломив сопротивление биафрцев, двинуться на Умуахью. В течение трех дней Уильямс и Эразмус вели в бой против цвета нигерийской армии меньше тысячи молодых биафрцев, сжимавших в руках винтовки с цилиндрическим затвором. У них не было ни базук, ни артиллерии, только несколько минометов. Нигерийцы обрушили на них шквал снарядов и мин, ввели в бой пять бронемашин, обстреливали из базук. Пулеметная и винтовочная стрельба не замолкала ни на минуту в течение 72 часов. Основным же

оружием обороны были «огбунигве» — дьявольские мины, изобретенные биафрцами. Эта мина представляет собой квадратный в сечении клин, начиненный с узкого конца динамитом, тогда как все остальное пространство заполнялось камнями, гвоздями, металлической стружкой и кусками железа. Основанием мина крепится к стволу дерева, который поглощает отдачу, а отверстие в форме воронки, прикрытое клееной фанерой, обращено в сторону дороги, по которой подходит неприятель. Взрывают эту мину при помощи веревки, причем подрывнику рекомендуется отойти на довольно приличное расстояние. Взрываясь, «огбунигве» поражает все в секторе 90° перед собой, с максимальным убойным расстоянием более чем 200 ярдов. Такое устройство, срабатывая на близком расстоянии, обычно уничтожает до роты солдат и останавливает тех, кто идет за ними следом.

Нигерийцы шли по дороге в полный рост, не делая даже попыток как-то замаскироваться, с боевым кличем «Оше-бей». Они как-то странно раскачивались из стороны в сторону, и Уильямс, который некоторое время воевал в Конго, взглянул и сказал: «Они до ушей накачались наркотиками».

Эразмус начал взрывать огбунигве почти прямой наводкой. Нигерийцы валились, как скошенная кукуруза. Оставшиеся в живых раскачивались и шли дальше. В первый день Эразмус взорвал более 40 огбунигве. У одной нигерийской бронемашины разорвало шины, и она вышла из боя. У биафрцев кончались боеприпасы, но основная нигерийская бригада была уничтожена. Они засыпали противотанковые рвы, задерживавшие их продвижение, с помощью лопат, причем одна команда сменяла другую, по мере того, как первая команда теряла людей. Дорогу преграждали поваленные многотонные деревья, нигерийцы сами убирали их с пути, и команда, выполнявшая эту работу, была буквально разорвана на куски взрывом спрятанной под стволом мины.

По мере того, как передовая бригада нигерийцев перестраивалась, Уильямс призвал своих измученных солдат воспользоваться неразберихой и атаковать. Они отбили назад те три мили, которые потеряли за этот день, и вернулись на начальную позицию. В ожидании следующего дня, измученные солдаты уснули, Эразмус готовил новые мины-ловушки, а Уильямс вернулся в Абу за боеприпасами. Однако самолеты с боеприпасами не прилетели. Произведенный в подполковники Штейнер, который перенес свой штаб в Абу, сначала воззвал к командующему армией, а потом и к полковнику Оджукву. Боеприпасов не было. Уильямс вернулся на фронт. На 25 августа,

воскресенье, у его людей было по два патрона на человека.

В воскресенье повторилось то же самое, что было в субботу, за ними последовал понедельник. Потом шесть дней царило спокойствие. Впоследствии рассказывали, что Адекунле заполнил своими ранеными солдатами из колонны, наступавшей на Абу, все госпитали Калабара, Порт-Харкорта, Бенина и даже Лагоса. А сколько убитых так никогда и не ушло с этой дороги никто никогда не считал, хотя Уильямс называл цифру, близкую к двум с половиной тысячам человек.

Зализав раны, Третья Дивизия снова двинулась в наступление на Абу, но на этот раз не по главной дороге. Они ударили по десантникам с правого фланга, который сломался, когда на него двинулись бронемашины. Аба был взят 4 сентября, но не с фронта, а с фланга. Штейнеру удалось уйти вместе с горсткой поваров, вооруженных автоматами. Полковник Ашузи едва не столкнулся нос к носу с нигерийским «Саладином», когда тот заворачивал за угол. Уильямс все еще находился в 6 милях к югу, удерживая ось наступления, а за его спиной был взят город Аба. Он отвел своих солдат по проселочным дорогам.

Полковник Оджукву приказал десантникам вернуться в базовый лагерь, набрать свежее пополнение, провести переформировку и доукомплектование. Из тех трех тысяч, которые девять недель назад ушли к Авке, от Абы и Окпуалы вернулась только тысяча. В середине сентября Штейнер уехал в отпуск на две недели, и Уильямс принял командование.

Штурм Абы 24 августа послужил сигналом к «окончательному штурму Иболенда», который, как было когда-то заявлено британскому парламенту, «никогда не состоится». Пришли в движение все сектора: на юге от Икот Экпене, который уже шесть раз переходил из рук в руки, до Оверри; на севере Харуна сделал еще одну попытку прорваться из Оничи на соединение со своими людьми в Абагане, тогда как 1-я Дивизия бросила все свои силы против демилитаризованной взлетно-посадочной полосы Красного Креста в Обилагу. Обилагу пал 23 сентября.

11 сентября нигерийцы предприняли стремительную атаку с кораблей по реке Ораши к городу Огуга, расположенному на берегу озера неподалеку от аэродрома Ули. Солдаты на лодках незамеченными пересекли озеро и высадились на берег. В Огуте все еще оставалось много людей, и там началась резня. После бегства жителей город был разграблен, а со Среднего Запада через Нигер переправилось еще большее количество нигерийцев. Разгневанный полковник Оджукву собрал командиров и приказал в 48 часов отбить Огугу. Он сам руководил операцией,

непосредственное командование которой осуществлял полковник Ашузи. Биафрцы снова вошли в город, а нигерийцы отступили к реке, оставив за собой несколько сотен убитых, включая и их командира.

Но у этого сражения оказался и побочный результат. Часть войск Биафры, использованных на этом направлении, была снята с правого фланга у Умукпу, и 13 сентября нигерийский патруль после разведки боем на фланге обнаружил слабое место. Нигерийцы, атаковав, обошли по флангу обороняющиеся части, вышли к Обинзе, в 10 милях южнее Оверри. Оттуда 18 сентября они, вслед за бронемашинами, ворвались в город.

На севере Первая Дивизия выдвинулась к Обилагу и заняла город Окигви, который никто не оборонял, т. к. это был центр Красного Креста по распределению гуманитарной помощи, доставлявшейся в соседний Обилагу. Здесь нигерийцы отличились тем, что застрелили пару престарелых английских миссионеров, господина и госпожу Сэвори, и двух шведов, работников Красного Креста. Это случилось 1 октября.

С этого времени ситуация начала меняться. Поставщик оружия, который так подвел биафрцев под Абой и Оверри, был отставлен и начал действовать новый воздушный мост из Либервиля (Габон). Полеты осуществляли летчики-англичане, южноафриканцы, родезийцы и французы. Получив больше средств, полковник Одукву получил и выход на более широкий европейский рынок оружия, так что оно начало поступать в больших количествах, биафрцы начали контратаковать.

Штейнер вернулся из отпуска, но все еще не мог побороть усталость. Назначенный командиром вновь сформированной Десантно-диверсионной дивизии, он явно был не на высоте поставленной задачи, поскольку страдал нервным истощением, душевной болезнью, которая сопровождалась манией величия в сочетании с манией преследования. Его поведение становилось все более и более недисциплинированным, до тех пор пока он не отдал своим людям приказ конфисковать три джипа, принадлежавших Красному Кресту, для его личных нужд.

Вызванный для дачи объяснений, он предпочел выразить полковнику Оджукву свой протест и у того не осталось иного выбора как предложить Штейнеру уехать. Вместе с ним уехали и те шесть офицеров, которых он привез с собой после отпуска. Уильямс вновь стал исполнять обязанности командующего, а потом передал дивизию биафрцу. Однако, в качестве командира он провел еще два боя. Между 10 и 12 ноября одна из трех бригад Дивизии предприняла ряд атак на Оничу, и хотя это и не закончилось взятием города, однако почти на половину

сократило протяженность нигерийских позиций и сняло угрозу прорыва. Эти атаки могли бы продолжаться, если бы нигерийцы не перешли в наступление от Авки, для захвата деревень Агази и Аголо, а это ставило под угрозу самые центральные районы Биафры. Десантники, при поддержке двух батальонов биафрской пехоты, отразили это нападение. Нигерийцы, потерпев поражение, отступили к Авке.

В ноябре и декабре дела повсюду обстояли так же. В большинстве секторов биафрцы контратаковали, особенно у Абы и Оверри. В Абе полковник Тимоти Онуатуегву отбросил федеральные войска назад к окраинам города, затем перебросил своих людей на правый и левый фланги. У Оверри полковник Джон Калу отбил 150 кв. миль территории вокруг города и начал его осаду.

Это простое перечисление событий, произошедших за 18 месяцев, может произвести впечатление, что продвижение нигерийцев в Биафру было гладким и непрерывным. Это совсем не так. За исключением некоторых случаев, когда нигерийским войскам удавалось легко продвигаться вперед, они с боем брали каждый фут земли. Зачастую объекты бывали захвачены только после третьей или четвертой попытки. Иногда нигерийцы застревали где-то на несколько месяцев. Их расход боеприпасов, по самым сдержанным оценкам, доходил до многих сотен боекомплектов, а потери составляли многие десятки тысяч человек.

Кроме того, нигерийцы не сумели взять под контроль и обеспечить управление тем, что они захватили. Избегая отходить далеко от главных дорог и городов, избегая буша, который занимает более 90 % страны, нигерийцы могли только проводить линии на карте, что имело мало отношения к реальной обстановке. Назначенные ими администраторы, сидя в городах, боролись за власть с администрацией Биафры, чье местопребывание было в буше, на прилегающих к городам территориях, и зачастую их распоряжениям подчинялась большая часть этой территории и массы сельского населения.

Секрет жизненности Биафры отчасти — в лидерстве Оджукву, но в гораздо большей степени — в самом народе Биафры. Ни лидер, ни армия не могли бы воевать без постоянной полной поддержки народа. Поддержка снизу должна быть обеспечена до того, как армия сможет сделать большее, чем оказать видимость сопротивления. Народ помогал чем мог. Бедные деревни пускали шапки по кругу, богачи снимали с заграничных счетов доллары и фунты. Портные шили форму из занавесей, сапожники превращали в сапоги полосы брезента. Фермеры привозили ямс,

касаву, рис, коз, кур и яйца. Приходили вооруженные топорами бушмены. Водители такси и владельцы рыночных фургонов перевозили солдат, священники и учителя отдавали свои велосипеды.

Были и предатели, и мошенники, и дезертиры, и вымогатели — такие люди всплывают на поверхность в любой войне. Но в народе не было ни одного бунта, демонстрации или восстания. По мере того, как они видели, как разоряют их землю, убивают сородичей, в их душах зарождались два чувства: чувство национальной принадлежности и чувство ненависти к нигерийцам. То, что возникло как догадка, переросло в полнейшую убежденность: они никогда не смогут жить рядом с нигерийцами. Отсюда происходит главная политическая реалия нынешней ситуации: Биафра никем не может быть уничтожена, пока полностью не уничтожен ее народ, народ, который ее создал. Потому что даже при условии полной оккупации, раньше или позже, вместе с полковником Оджукву или без него, но Биафра восстанет снова.

Роль британского правительства

Как уже отмечалось, традиционные интересы Британии в Нигерии не имели ничего общего с благом народа этой страны, и ничего в этом отношении не изменилось. Действительный интерес к ней проявлял узкий круг британских политиков, чиновников и предпринимателей, и был этот интерес чисто империалистическим. Политика была направлена на поддержание порядка и законности, взимание налогов на оплату колониальной администрации, поощрение производства сырья для британской промышленности и обеспечение потребительского рынка для продажи товаров, производимых этой промышленностью. После предоставления независимости, исполнение первых двух функций было передано избранным и достаточно дружественно настроенным аборигенам, тогда как две последние, как и раньше, оставались в руках британцев. Для тех, кто в самой Великобритании каким-то образом был связан с Нигерией, эта страна, как и все прочие страны, была не землей, на которой жили реальные люди, а просто рынком. Любые тенденции внутри Нигерии, которые, казалось, могли нанести вред рынку, должны были быть пресечены, а желание Биафры отделиться от остальной страны подпадало именно под эту категорию.

В оценке политики Британского правительства в целом по вопросу нигерийско-биафрской войны, существуют два направления. Одни заявляют, что эта политика была просто полным отсутствием какой-либо политики, безнадежно отсталой смесью глупости, апатии, безразличия, бездушия и невежества в высших эшелонах власти. Другие утверждали, что политика эта была выработана с самого начала, и это была политика полной поддержки не народа Нигерии, а того режима, который в данный момент находился у власти в Лагосе, что долгое время тщательно скрывалось от общественности; и что глупость политиков, а также невежество и апатия широких кругов общественности и людей, контролирующих средства массовой информации, использовались либо для проведения, либо для сокрытия этой политики. По мере того, как все большее количество документов открывается для изучения, становится все ясней, что факты скорее подтверждают правоту тех, кто придерживался второй точки зрения. То, что британское правительство частным образом желало, чтобы единая Нигерия просуществовала как можно дольше, грехом не является. Но случилось так, что в своем желании иметь единую экономическую единицу — вне

зависимости от того, каких страданий это стоило народу этой страны — путем грубейшего вмешательства во внутреннюю политику этой страны, британское правительство сделало выбор и стало союзником не народа и его чаяний, а мелкой клики военных мятежников. То, что эта клика показала себя во всех отношениях не выражающей мнение широких масс Нигерии, вовсе не изменило британскую политику «поддержки», а просто довело ее до того предела, когда она безвыходно сплелась с самим фактом выживания нынешнего нигерийского режима, так что Британия стала — публично — сообщницей во всем, что этот режим может сделать.

Наутро после переворота 29 июля 1966 года стало ясно, что советники британского правительства сочли законность этого режима достаточно сомнительной, так что потребовалось решение на самом высоком уровне, стоит ли вообще признавать его. Все это резко отличалось от первого переворота в январе 1966 года, который провалился, но привел к тому, что генерала Иронси, через посредничество Кабинета, попросили остаться и взять на себя управление страной. 25 января британский министр по делам Содружества, Артур Боттомли, сказал в Палате Общин, что британское правительство даже не считает необходимым формально признавать генерала Иронси.

Но в июле, когда у правительства Говона не было даже и видимости законности, и участники частично удавшегося переворота контролировали только столицу и две из четырех областей страны, британское правительство заняло совершенно иную позицию. Еще неизвестно, когда именно и по каким причинам было решено признать Говона, но это произошло не ранее ноября 1966 года, когда назначенный Говоном на пост Верховного комиссара Нигерии в Лондоне, быстро продвигавшийся по службе бригадный генерал Огундипе вручил верительные грамоты при дворе Ее Величества. И что совсем уж странно, Палата Общин была информирована о том, что Британия решила полностью признать режим Говона, не ранее 20 декабря. В феврале 1967 года сэр Дэвид Хант приступил в Лагосе к исполнению обязанностей Верховного Комиссара в Нигерии. Ранее оговоренная политика при его содействии переросла в безоговорочную поддержку Говона.

Нет сомнений в том, что силой, которая стояла за выработкой британской политики в Нигерии, с июля 1966 года были не политики, а старшие чиновники Верховного комиссариата в Лагосе и Министерстве по делам Содружества в Лондоне, которые их консультировали. Тогдашний Министр по делам Содружества, господин Боттомли (хотя те, кто его знали, и говорили о нем, как

о весьма душевном человеке) очевидно, мало что знал о сложившемся положении; его преемник Херберт Боуден не сумел прославиться своей способностью быстро понять суть проблемы, а его преемник, Джордж Томсон, как публично, так и частным образом, давал понять, что больше всего он заинтересован в усилиях по разрешению гораздо шире разрекламированной родезийской проблемы. Ни один из этих троих никогда не был поддержан — ни в Палате Общин, ни в Палате Лордов — кем-нибудь из помощников министра достаточно заметного уровня, а те, кто знал, что происходит за кулисами Уайтхолла, не были удивлены, узнав, что определение политики по нигерийскому вопросу, письменные ответы министров на вопросы в Палате и очень важные брифинги аккредитованных журналистов полностью входили в обязанности государственных чиновников, о многих из которых было известно, что они считали, что любая ситуация, сложностью превосходящая ту, когда требуется вскочить в автобус, находится выше интеллектуального уровня профессиональных политиков. К несчастью эти чиновники со временем продемонстрировали, что и они сами могут привнести во все, что имеет касательство к данному вопросу, только смесь невежества, ложной информации, предрассудков, цинизма, а иногда и традиционного для британских нижних классов презрения ко всем африканцам, и в особенности к африканцам чрезмерно самоуверенным. Именно из этого попурри непроходимой глупости, которая позднее приобрела легкий привкус злобы, и родилась поддержка Британией африканской военной хунты и ее военной политики, а также соучастие Британии в самом кровавом эпизоде в истории Содружества. На путь поддержки Говона Британию завлек ее тогдашний Верховный Комиссар в Лагосе сэр Френсис Камминг-Брюс. Впоследствии он сказал профессору Эни Нджоку, ректору университета в Нсукке и главе делегации Восточной Области на Конституционной Конференции, что когда ему стало ясно, что Говон в своем выступлении по радио 1 августа 1966 года намеревался объявить о роспуске Нигерийской Федерации, он все-таки убедил его вычеркнуть эти слова и заменить их другими. Таким образом, — сказал сэр Френсис профессору, — он спас единство Нигерии. Месяцем позже он уехал из Нигерии. Однако похоже, что его поступок направил Британию тем курсом, от которого становилось все труднее отклониться, даже при том, что для этого и не предпринималось никаких реальных усилий.

В последующие месяцы представилось, по крайней мере, две возможности, когда британский Верховный Комиссар, будь он готов еще раз использовать то несомненное влияние, которым он

был наделен в силу своего звания, мог бы предотвратить катастрофу. Первый случай представился после заседаний Конституционной Конференции, когда стало ясно, что большинство нигерийцев — снизу до верху — было настроено в пользу свободной конфедерации со слабым центральным правительством; а второй — тогда, когда военные губернаторы Областей на встрече в Абури также пришли к подобному выводу и поставили свои подписи под резолюцией.

Нет никаких свидетельств того, что в каждом из этих случаев представитель британского правительства сразу же предложил, что именно этого курса и следует придерживаться. Напротив, есть указания на то, что в каждом случае англичанин вместо того, чтобы посоветовать Говону прислушаться к пожеланиям нигерийского народа, побуждал его пригрозить применением силы, в том случае, если он не сможет получить согласия на тот образ действия, который полагали необходимым он сам и его старшие чиновники. По иронии судьбы свободная конфедерация в Нигерии предоставила бы Британии все те преимущества единого рынка, которому она (исходя из своих собственных интересов), так покровительствовала, поскольку четыре уже существующих региональных департамента торговли были настолько автономны, что даже в то время образовывали нечто вроде конфедерации в области экономики. А случилось же то, что ежегодному британскому товарообороту в 170 миллионов фунтов был нанесен непоправимый ущерб.

Самое снисходительное объяснение, какое только можно отыскать для решения Верховного Комиссариата поддержать Говона против всех и вся, включая и его собственный народ, и убедить Уайтхолл сделать то же самое, заключается в том, что британские представители в стране разделяли воззрения Говона на то, что нигерийская армия способна быстро расправиться с любым несогласием, и, следовательно, нет необходимости принимать всерьез оппозицию режиму. В лучшем случае подобный оптимизм был результатом недостаточной информированности, в худшем — просто цинизмом.

Работа любого посла состоит из трех составных частей: поддерживать как можно более дружественные отношения между страной, которую он представляет, и страной, в которой он аккредитован, как на официальном, так и на неофициальном уровнях; заботиться об охране жизни, безопасности и собственности и соблюдении интересов своих соотечественников в стране своей аккредитации; снабжать свое собственное правительство постоянной и достоверной информацией о состоянии дел во всех областях в стране своего пребывания.

Кажется, никогда не было точно определено, какая из трех задач является приоритетной, однако выполнение первых двух может быть наиболее сильно затронуто политикой, проводимой собственным правительством посла по отношению к стране его пребывания, а эта политика складывается под влиянием той информации, которой снабжает правительство посол. Поэтому, хотя посол и не может определять политику, редко когда его рекомендации не учитываются при ее выработке.

В случае перемены политического курса, посла, как правило, отзывают домой для консультаций, и его доклад о положении — политическом, экономическом и социальном — в стране его аккредитации обычно выслушивается с большим, а иногда и решающим интересом. Следовательно, информационный аспект работы посла может рассматриваться как наиважнейший среди всех его обязанностей. Таким образом, неправильная информация является не только признаком плохого дипломата, но может также привести политику его страны к катастрофе.

Для британского Верховного Комиссара в Нигерии составление соответствующих действительности докладов о том, что происходит в стране, не должно было представлять никаких трудностей. В Нигерии находится огромное количество бизнесменов, чиновников, торговцев, журналистов, путешественников, миссионеров, докторов, учителей, профессоров и инженеров. Это такое сообщество, за плечами которого — сотни лет опыта и глубокое понимание страны. Кроме того, в каждой из Областей есть и представитель Верховного Комиссара.

Если судить по тому, что до начала войны Говон говорил о «быстрой полицейской операции», то он, очевидно, вполне искренне полагал, что нигерийская армия сумеет уладить дело со вспышкой недовольства в Восточной Области за несколько дней. То, что он был плохо осведомлен, удивления не вызывает. Все властители в Африке окружены льстецами, подхалимами и оппортунистами, которым выгодно говорить человеку у власти только то, что, по их мнению, он хотел бы услышать. Однако и британский Верховный Комиссар, кажется, разделял эту эйфорию. Из частных бесед с журналистами в Лагосе становилось ясно, что и британские официальные лица были совершенно уверены, что война, если она и начнется, будет быстрой и почти бескровной, что полковник Оджукву будет убит, а Восток самое большее через несколько недель снова станет частью Нигерии.

Чиновникам, журналистам и светским людям, которые постоянно подновляли совместные иллюзии в круговой социальной содомии дипломатических коктейлей и приемов,

удалось убедить в этом самих себя, безо всякой связи с тем, что на самом деле происходило в Восточной Области.

Вполне можно понять то, что Говон и его советники могли быть введены в заблуждение, но не то, что британский Верховный Комиссар допустил ошибку. Потому что сэр Дэвид Хант, к счастью, имел в Восточной Области проницательного и хорошо информированного представителя по имени Джеймс Паркер. У господина Паркера был широчайший круг знакомств с людьми всех национальностей и всех социальных уровней по всей Восточной Области. Его американский коллега консул Роберт Барнард сказал о нем: «Джим постоянно держит руку на пульсе этого района.» Паркер достаточно хорошо знал и страну, и людей, вовлеченных в конфликт, чтобы понять, что чувство обиды, а также способность и решимость народа защитить себя, если придется, делали ситуацию гораздо более опасной, чем готовы были признать в Лагосе.

Из других источников в Представительстве Британского Верховного Комиссара в Энугу стало известно, что Паркер снова и снова направлял свою информацию и свои предупреждения Верховному Комиссару. Журналисты в Лагосе потом рассказывали, что эти предостережения с Востока или просто выбрасывались из докладов Верховного Комиссара, или перед отсылкой их в Лондон снабжались ироническими дополнениями. Кроме того, сэр Дэвид публично во время различных неофициальных поездок пренебрежительно отзывался о своем подчиненном в Энугу, как о «белом Ибо».

Это стремление унизить любого — даже независимых репортеров — кто указывал на ошибочность официальной оценки происходящего, стало в дальнейшем основой тактики Верховного Комиссариата и Министерства по делам Содружества по отвлечению внимания от проблемы Нигерия — Биафра.

Ко времени начала войны, как это становится ясно теперь, когда оглядываешься на прошлое, британские чиновники наконец решили, что следует избрать политику безоговорочной поддержки режима Говона. И то, что эта поддержка в первые недели войны не имела видимого практического характера, объяснялось только тем, что Нигерия, как предполагалось, не нуждалась в помощи, чтобы раздавить Биафру. Когда стало ясно, что подобная помощь понадобится, последовал краткий период колебаний, потому что политики, не слишком заинтересованные в какой-то непонятной войне в африканском буше, задавали своим советникам вопрос: «Уверены ли вы?».

Чиновники благополучно одержали победу, и с того момента помощь Говону пошла во все возрастающих количествах и все

более разнообразная. Отражением отношения британского народа к «их» Содружеству, опосредованном в прессе, и мнениях членов Парламента, является то, что в течение почти года не задавалось никаких вопросов по поводу этой политики. Именно так — до той поры, пока ее результаты не дали генералу Говону возможности умертвить почти 200 тысяч граждан этого Содружества. Только тогда, когда политика эта была твердо поставлена под сомнение, официальная маска на мгновение соскользнула, и стало ясно различимо то, что было сотворено от имени британского народа. Общественное мнение реагировало бурно, но было уже поздно. Правительственная политика к этому моменту уже настолько закоснела, что даже хотя все основы, на которых она изначально была построена, и все последующие их обоснования — все это приобрело крайне дурную славу, однако репутация политиков, в частности премьер-министра, оказалась теснейшим образом связана с уничтожением Биафры — во что бы то ни стало.

Отвращение биафрцев возбудил не сам по себе тот факт, что британское правительство решило поддержать Говона. Причиной было то лицемерие, с каким это было проделано. В течение 12 месяцев делалось все возможное, чтобы скрыть сведения о происходящем от парламентариев, прессы и народа. В парламентских ответах на вопросы и те, кто задавал эти вопросы, и вся Палата периодически вводились в заблуждение: представитель правительства намеренно заявлял им, что британское правительство остается нейтральным, и только потом признал, что таковым оно никогда не было и не будет. С каменным выражением лица отрицалось, что поставки оружия Нигерии превысили довоенный уровень, тогда как этот уровень стремительно возрос во много раз. Министры противоречили сами себе, меняли свои взгляды, колебались и увиливали, и все эти 10 месяцев доверчивая Палата кивала в удовлетворении.

Пока все это продолжалось, продолжались и поставки оружия. Секретность, которой они были окружены, служит свидетельством некоторой неуверенности виновников этой политики в том, что можно ожидать от британского народа, если факты когда-нибудь выплывут наружу.

Снаряды и патроны под покровом ночи на закрытых грузовиках перевозились в аэропорт Гетуик, где грузовикам был разрешен проезд по рулежной дорожке (случай почти беспрецедентный для международного аэропорта), с тем, чтобы разгрузиться у секретного отсека на дальнем конце летного поля. Эта история потом была разглашена одним репортером, когда один из таких самолетов остановился на Мальте для дозаправки.

Большая часть закупок для нигерийского правительства была проведена через «Кроун Эдженс» в Милбенк, Лондон; и не все оружие, закупленное этими традиционными для стран Содружества агентами, поступило с Британских островов.

При покупке оружия самым важным документом является экспортная лицензия, которая обычно выдается только после предъявления сертификата о конечном потребителе, в котором указывается конечное назначение груза, для того, чтобы исключить возможность попадания груза в другие руки. Поэтому сертификат, выписанный в одной стране, может быть действителен для закупки, осуществленной в любом другом месте, даже если корабль, перевозящий оружие, не делает остановки в портах страны, которая выдала лицензию. При условии, что продавец предъявляет лицензию и сертификат, а его правительство не имеет возражений, сделка может состояться. Поэтому оружие, в частности минометы, артиллерийские снаряды и бронемашины, шло в Нигерию со складов Британской Рейнской Армии в Антверпене (Бельгия).

Целью данной главы не является перечисление каждой ставшей известной партии оружия, посланной в Нигерию из Британии или через британские службы.[15] Известные партии оружия зарегистрированы, и их вполне можно отследить, в основном по подшивкам газет. Настойчивые сообщения о постоянных подпольных поставках оружия британским правительством нигерийскому режиму, обычно под покровом тайны и с грифом «совершенно секретно», впервые появились 9 августа 1967 года, уже через 33 дня после начала войны, и с тех пор продолжали появляться постоянно, пока эти поставки не стали настолько открытыми, что перестали быть новостью. Но объяснило их британское правительство очень интересно.

Первые шесть месяцев были для правительства чудесным и легким периодом: задавалось мало вопросов и даже еще меньшее число людей, их задававших, было полностью осведомлено по данной проблеме. Но 29 января 1968 года лорд Брокуэй в палате Лордов задал вопрос министру по делам Содружества лорду Шеперду. После обычного в таких случаях ответа, что в обязанности правительства не входит контроль за каждой партией оружия, предназначающейся иностранным государствам, лорд Брокуэй напомнил Шеперду, что ранее правительство заявило, что «только оружие и запасные части к нему по ранее заключенным контрактам» будут поставляться в Нигерию. Шеперд ответил, что ничего об этом не знает, однако продолжал: «Хотя мы и сожалеем о трагической гражданской войне в Нигерии, мы все еще в значительной степени поставляем Нигерии

ее военное снаряжение». [16]

Это было через 100 дней после того, как нигерийский командующий в Асабе использовал свою долю «в значительной степени всего военного снаряжения» для того, чтобы отдать приказ об уничтожении всех Ибо мужского пола старше 10 лет.

После неподготовленного ответа Шеперда тайное в Лондоне стало явным, и теперь правительство больше старалось оправдать отправку оружия в Лагос, чем отрицать ее. Но показательный обман в том, что касалось объемов этих поставок, продолжался. Парламенту неоднократно заявлялось, что продолжались только «традиционные», как по типу, так и по количеству оружия, поставки, однако 16 мая 1968 года Гарольд Вильсон сказал в Палате Общин:

«Мы продолжили поставки. Я имею в виду не правительство, а то, что мы разрешили продолжать поставки оружия частным производителям в этой стране, точно на такой же основе, что и раньше, но специальных поставок на нужды войны не было». [17]

Это было крайне интересное заявление, потому что Нигерия с гордостью объявила, что может увеличить численность своей армии от 8 тысяч человек на начало войны примерно до 80 тысяч человек. Не говоря уж о потребном для этого количестве оружия, использование нигерийцами боеприпасов было настолько расточительным, что журналисты, приехавшие из Вьетнама, были просто ошарашены тем, как они повсюду разбрасывали патроны. Из-за этого потребность в постоянном доукомплектовании патронами намного превышала довоенные поставки из Британии. И в-третьих, что касается вопросов о частных производителях, упомянутых господином Вильсоном. Автор в течение всей весны 1968 года видел сотни нигерийских гильз от снарядов, на которых была четкая маркировка «О. К. Правительство. — Взрывчатка. — Министерство обороны/армия», и на которых так же четко была проставлена по бокам дата производства — ноябрь 1967 года.

В конце концов признали, что британские поставки оружия Нигерии возросли «из-за эскалации военных действий», но даже если припертые к стене политики мало-помалу позволили Парламенту, прессе и общественности понять, что поставки оружия шли в весьма крупных размерах, то даже и тогда поддерживалась видимость того, что они по различным причинам оправданы. Может быть стоит рассмотреть выдвинутые правительством причины и постараться свести их в некое подобие целого.

Главной выдвинутой причиной является то, что Британия была традиционным поставщиком оружия Нигерии, и что

прекращение этих поставок вошло бы в противоречие с нейтралитетом и принесло одностороннюю пользу Биафре. Это не соответствует истине. В качестве первого нигерийского Генерального квартирмейстера полковник Оджукву в точности знал, какие заказы он размещал в Британии в бытность свою у должности, и какие из них он отменил. Он знал, на период вплоть до даты независимости Биафры, очень точно, какие закупки были уже сделаны, а какие находились в стадии рассмотрения. На пресс-конференции 28 апреля 1968 года он высказал свою точку зрения. Характерно то, что она так никогда и не была опровергнута Лагосом, и никто из тех, кто в дальнейшем занимал должность Генерального Квартирмейстера Нигерийской армии, никогда не утверждал противного. А заявил Оджукву то, что между 1964 и 1966 годами единственная партия военного оборудования, поставленного в тогдашнюю Нигерию из Британии, включала в себя 12 танков «Феррет» и 2 бронемашины «Саладин», с дальнейшим заказом еще четырех, чья поставка ожидалась в 1966 году.

Он сказал, что знает, что Нигерия приостановила закупку винтовок и пулеметов в Британии, подписав в 1964 году контракт с германской фирмой Фрица Вернера на строительство завода по производству военного снаряжения в Кадуне (Вернер закрыл предприятие сразу же после начала войны, чтобы не производить патроны для гражданской войны). Он заявил, что Нигерия покупала безоткатные орудия в Америке, автоматы и винтовки в Италии, легкие пулеметы в Германии, 105-мм «Ховитцеры» в Италии, 81-мм минометы в Израиле, сапоги и другое снаряжение в Германии.

К июлю 1966 года, когда был убит генерал Иронси, Британия была уже настолько вытеснена с рынка, как традиционный поставщик, что Нигерия зависела от нее только в закупках церемониальной формы и бронемашин. Есть твердая цифра общей стоимости военной помощи, полученной Нигерией от Британии в 1965-66 финансовом году. По заявлению Артура Боттомли (2 марта 1966 года в Палате Общин) она равняется 68 тысячам фунтов.[18] Однако, 12 июня 1968 года министр иностранных дел Майкл Стюарт заявил в Палате: «Было бы во всяком случае ошибкой с нашей стороны прекратить поставки федеральному правительству именно с момента раскола… За этот период поставки из Британии составляли около 75 % всего оружия, получаемого Нигерией из различных источников». [19]

В ходе этих же дебатов Стюарт сказал, что вплоть до прихода к власти генерала Говона Нигерия «была в большой степени зависима от нас… во всех своих оборонных усилиях». [20]

На деле же главной оборонной закупкой Нигерии в 1966 году был голландский сторожевой корабль, а летчиков для ее находящейся в эмбриональном состоянии авиации готовили западные немцы на самолетах «Дорнье». Проценты господина Стюарта становятся еще более таинственными, когда вспоминаешь, что в мае 1967 года в Нигерию было отправлено 50 французских бронемашин «Панар», о которых уже говорилось. Если покупку сторожевого корабля, самолетов и бронемашин можно рассматривать как часть тех 25 % оружия, закупленного вне Британии, тогда приходящиеся на долю Британии 75 % должны составлять огромное количество оружия; однако абсолютная уверенность Говона в том, что он может покончить с Биафрой за несколько дней, делает совершенно невероятным то, что он мог разместить такие огромные заказы. Конечно же, приведенные в доказательство цифры относятся к состоянию дел на довоенный период.

22 июля 1968 года Джордж Томсон сказал в Палате, что на долю Британии в нигерийских закупках оружия на данный момент, после 12 месяцев войны, приходится только 15 % от их общего количества.[21] Эти цифры вводят в заблуждение, потому что в них отражена только стоимость. К этому времени Нигерия закупила в СССР очень дорогие истребители и бомбардировщики, которые обслуживали советские техники, а летали на них египетские пилоты (их потом сменили восточные немцы). Цифра эта тоже не показывает, идет ли речь только об оружии, поступившем с Британских островов, или следует включить сюда и оружие со складов Рейнской армии в Антверпене. И тем более осталось неизвестно, были ли суммы, о которых идет речь, номинальной стоимостью или только первым взносом.

Даже если то, о чем сказал Томсон, правда, то его же собственные коллеги ему противоречат. Десятью месяцами раньше лорд Шеперд заявил, что Британия поставляла Нигерии «почти все ее военное снаряжение», тогда как неутомимый Верховный Комиссар сэр Дэвид Хант сказал слушателям в Кадуне 22 января 1968 года, что «большое количество оружия, которое находится в руках федеральных сил, привезено из Британии». [22]

И так все продолжалось и продолжалось. Довод о «традиционном поставщике» приводился снова и снова, хотя давным давно было доказано, что Британия таковым не является, и что объемы, о которых идет речь, возросли как бы за несколько часов, если считать, что они оставались на довоенном уровне. Ссылка на «поддержание уровня существующих поставок», как по видам, так и по количеству оружия, также была ложью.

Это было первое оправдание. Вторым послужило то, что Британия должна была поддерживать правительство дружественной страны. Это еще один способ ввести в заблуждение. Не существует, ни с моральной, ни с юридической точки зрения — и никогда не существовало — обязанности поставлять оружие кому бы то ни было во время войны. И обычно любая страна, решая продавать или нет оружие стране, ведущей войну, должна прежде всего ответить на два вопроса: находится ли это решение в соответствии с политикой страны-просительницы, которая привела эту страну к такому состоянию, что ей потребовались все эти орудия войны; затем: полностью ли она уверена в том, как это оружие может быть использовано в случае поставки.

Так что вопрос о поставке Нигерии оружия для продолжения войны против Биафры любому должен дать повод для опасений. Предпосылки этой войны описаны в предыдущих главах. Уже буквально через несколько недель после начала войны поведение нигерийской пехоты на Среднем Западе — чему есть множество свидетельств — показало, что любое данное им оружие будет скорее всего без колебаний использовано против гражданского населения.

Кроме того, не является ли необычным тот факт, что более порядочные страны отказываются продавать оружие (даже то, которое необходимо в целях обороны в мирное время) стране, внутреннюю политику которой поставщик не одобряет. Так, когда Британия при правительстве консерваторов была готова продать военные корабли Испании, Гарольд Вильсон вскочил на ноги с криком: «Никаких кораблей для фашистов!», и так как его избрание было не за горами, то испанцы отказались от сделки.

Позднее лейбористское правительство наложило эмбарго на продажу оружия Южной Африке. Хотя мало кому нравился апартеид, даже непоколебимые сторонники лейбористов не предложили использовать боевые корабли и бомбардировщики против бунтующих африканцев.

Приводился довод, и вполне искренне, что тот, кто поставляет оружие какой-то стране, поддерживает и укрепляет режим у власти в этой стране, и если не нравится этот режим и то, что он делает внутри страны, то не следует его укреплять. Единственный логический вывод, который можно сделать из того, что Британия и правительство Вильсона продолжают продавать оружие Нигерии, заключается в том, что это правительство одобряет то, чем занимается режим Говона. Обо всем этом рассказано (по свидетельствам очевидцев) в последней главе этой книги.

Третьим оправданием служило то, что если Британия и не будет продавать Нигерии оружие, то это сделает кто-нибудь другой. В плане практическом это нереально. Те, кто продавал Нигерии оружие за наличный расчет без доставки покупателю, один за другим выходили из игры, по мере того, как они и их народы начинали понимать, для чего используется это оружие. Чехословакия, Голландия, Италия и Бельгия решили прекратить поставки.

В Бельгии был быстро проведен закон, по которому запрещалось даже выполнение давних задолжностей по старым контрактам. Предположение о том, что СССР будет автоматически поставлять все то, что недопоставила Британия, мог разбить вдребезги любой эксперт по вооружениям. Калибры всех типов оружия, которое используется в СССР, отличаются от калибров Британии и НАТО. Обычно эти калибры на 1 мм больше, чем размеры, принятые в НАТО, так что их войска могут использовать захваченные западные боеприпасы, тогда как войска НАТО не могут использовать боеприпасы, состоящие на вооружении стран Варшавского Договора. Именно поэтому СССР не мог продавать Нигерии свои боеприпасы для использования их в натовском оружии. Смена типов боеприпасов означала бы переход к совершенно иному типу вооружений для 80-тысячной армии. Дело весьма дорогостоящее. На самом же деле, поскольку нигерийцы оказались перед перспективой покупать оружие на черном рынке, так же как и биафрцы, то возникла вероятность того, что, в случае отказа Британии поставлять оружие, Нигерия будет вынуждена сесть за стол мирных переговоров и теперь уже со вполне осмысленными предложениями. К этому времени Британия и СССР стали единственными поставщиками, и появился шанс, что соглашение между ними может послужить основой для полного запрета поставок оружия, на что полковник Оджукву был заранее согласен. Однако, подобной попытки даже не было сделано, может быть потому, что это должно было послужить не доводом, а просто объяснением для дураков.

Что касается моральных последствий соучастия, то граф Корк-и-Оррери в своем выступлении в Палате Лордов 27 августа 1968 г. сказал:

«Это то же самое, что сказать — ведь если кто-то собирается в любом случае поставлять оружие, то почему бы не мы? Однако, если вы не будете настаивать на том, что цель, для которой будет использоваться это оружие, не является сама по себе злом, а я не представляю, как вы сможете это сделать, то тогда это не тот довод, который может привести уважаемое правительство. Потому что это классическое самооправдание торговцев с черного

рынка, грабителей, торговцев наркотиками… всадить 9-мм пулю в живот африканцу это гнусный поступок, что бы вы об этом ни думали, и если мы посылаем эти пули из Англии, зная, что они могут быть использованы подобным образом, то особая часть общего греха принадлежит нам, и она не уменьшается и не увеличивается от того, что существует вероятность, что если не мы продадим эти пули, то это сделает кто-то другой». [23]

Четвертое и последнее оправдание поставок оружия заключалось в том, что в противном случае Британия могла бы утратить все свое влияние в Лагосе. Этот довод был высказан только 12 июня 1968 года во время дебатов в Палате Общин, но с тех пор к нему прибегали все чаще и чаще. Это такой же избитый довод, как и три предыдущих. Во время дебатов господин Стюарт заверил Палату в том, что если нигерийская армия предпримет решающий штурм земель Ибо, или же в случае любых «неоправданных жертв», британское правительство будет вынуждено пойти на большее, чем просто пересмотр своей политики. Обещания были бессмысленны. То влияние, которого, как предполагалось, добьется Британия, поставляя оружие, либо никогда не использовалось, либо никогда и не существовало. В любом случае режим Говона ни на йоту не отошел от своей политики полного уничтожения Биафры и ее народа, и никаких серьезных попыток со стороны Британии склонить их к перемене курса сделано не было.

23 августа 1968 года должным образом началось решающее наступление на земли Ибо: на всех фронтах и превосходящими силами. Из района бассейна реки Имо поступило сообщение очевидца-иностранца о жестоких убийствах тысяч Ибо — жителей деревень, в соответствии с приказом полковника Адекунле стрелять во все, что двигается. «Пересмотра» политики не последовало. Инертный парламент получил от правительства еще один презрительный нагоняй, поскольку правительство к тому времени, очевидно, пришло к окончательному мнению, что обе Палаты — и Общин, и Лордов — существуют только для того, чтобы быть обманутыми.

Таково было положение с торговлей оружием в том виде, как она существовала до дебатов 27 августа 1968 года. Они до некоторой степени изменили ситуацию настолько, что именно в этот день правительство Вильсона окончательно сбросило маску ложного участия и обеспокоенности и продемонстрировало то, что на самом деле являлось его действительной политикой.

Но уже даже тогда стало ясно, что у британского правительства нет ни малейшего намерения как-то воспрепятствовать проведению военной политики Говона, а к

концу декабря 1968 года последствия этой политики стали настолько серьезны, что в том, что касается человеческих жизней Британское правительство должно теперь нести равную ответственность, как абсолютный соучастник всего, что суд истории сможет выявить, как преступления нигерийского режима.

Поставки оружия были только одним из способов, каким британское правительство демонстрировало свою полную поддержку режима Говона. В качестве побочного занятия правительственные службы стали для Нигерии чем-то вроде мощной рекламной организации по связям с общественностью. Иностранным дипломатам рассылались крайне пристрастные сводки; однако многие верили в то, что они соответствуют фактам и беспристрастно составлены. Корреспондентов ежедневно подробно осведомляли о нигерийской точке зрения, усердно подбрасывая ложные сведения. Утечки такой мифической информации как, например, о «крупной французской помощи Биафре», были организованы для тех журналистов, которые были неспособны лично проверить, соответствуют ли факты действительности.

Членам Парламента и другим важным лицам, которые хотели поехать в Биафру, чтобы лично увидеть происходящее, чинили всяческие препятствия, тогда как тем, кто желал посетить Нигерию, было оказано всяческое содействие. В барах и клубах, на заседаниях комиссий и на приемах «лагосскую линию» с энтузиазмом и по заказу всячески проталкивали. Не жалели никаких усилий для того, чтобы представить позицию Нигерии, как единственно правильную, и любым возможным способом очернить дело Биафры, что не исключало и убийств общественных деятелей. Эта кампания оказалась довольно действенной. Очень многих влиятельных, но плохо информированных по этому вопросу людей убедили принять лагосскую пропаганду за чистую монету, не вдаваться слишком далеко в изучение истории вопроса и распространять дальше ту информацию, в которую они, возможно, верили сами.

Что касается технической помощи, предоставленной нигерийцам, то и здесь британское правительство было не более сговорчивым или откровенным, чем в вопросе вооружений. Неоднократно опровергалось то, что какой-либо британский военный персонал воюет на стороне нигерийцев, но вскоре стало известно, что нигерийскому правительству «в учебных целях» были направлены британские технические кадры. Вполне возможно, что все эти люди не служили в армии Ее Величества на момент их посылки в Нигерию, поскольку ранее ушли в отставку с действительной службы, однако их наем на контрактной основе

был осуществлен с ведома и согласия британского правительства. Хотя прикомандирование бывших морских и армейских советников к иностранным правительствам и правительствам стран Содружества для обучения войск является в мирное время общепринятой практикой, во время войны такие договоренности обычно пересматриваются.

Стало известно, да и не было сделано никаких попыток опровергнуть этот факт, что бывшие офицеры Королевского флота постоянно руководили и руководят блокадными операциями нигерийского флота. Они действуют при полной поддержке британского правительства. Именно блокада привела к тому, что в Биафре начался голод, в результате которого за 12 месяцев 1968 года по некоторым оценкам умерло около миллиона человек. Частичная блокада, которая обычно не распространяется на проходящие нейтральную инспекцию суда с грузами гуманитарной помощи для детей, с таким же успехом отвечала бы военным целям Нигерии. Однако полная блокада и возникший в ее результате голод не были неизбежным производным войны, а преднамеренно использовались как оружие против гражданского населения.

Сэр Дэвид Хант, среди множества сделанных им заявлений, подтверждающих его полную и безоговорочную поддержку деяний режима Говона и открытую личную враждебность к Биафре и ее лидеру, признал, что с самого начала военных действий «тесные связи между британской и нигерийской армиями и флотами поддерживались и укреплялись». [24]

Кроме всего вышеизложенного, правительство Вильсона оказало режиму Говона решающую поддержку на политической и дипломатической арене. К тому моменту, когда Биафра сама заявила о своей независимости, у Британии было три варианта выбора. Первое — признать новое государство; это означало бы просто оформление уже существовавшего на деле (с 1 августа 1966 года) разделения страны, произошедшего в тот момент, когда Говон возглавил группу армейских мятежников, а Оджукву отказался признать законность его власти. Но как вариант политики такая возможность не рассматривалась, и нет причин винить за это правительство.

Второе — заявить и твердо придерживаться политики нейтралитета в помыслах, словах и деяниях. В то время это не вызвало бы противодействия ни одной из сторон в предстоящем конфликте, потому что Оджукву принял бы подобную беспристрастность, как проявление честности (в том случае, если он все-таки попытался бы остаться верным широко разрекламированному мифу о нейтралитете Великобритании, так

долго, как только возможно, просто потому, что он хотел в это верить), и потому, что Говон был уверен в своей быстрой победе.

Третье — объявить и оказывать полную моральную, политическую и военную поддержку режиму Говона. И снова Оджукву хотя и пожалел бы о подобном решении, но знал бы, что Британия, по крайней мере, плывет под своим настоящим флагом.

А правительство Вильсона решило следовать по третьему пути, но заявить, что выбрало второй. Поступив подобным образом и целый год всем рассказывая эту сказку, оно обдурило британский Парламент и народ, а также многие другие правительства, в частности Канады, США и скандинавских стран, которые, в конце концов, начали проявлять беспокойство и хотели установления мира в этом регионе с помощью взаимоприемлемого и беспристрастного посредника.

Все еще трудно определить те причины, по которым Британия решила полностью поддержать Лагос. Предысторию конфликта они должны были знать очень хорошо; даже если рассматривать ее с самой что ни на есть профедеральной точки зрения, то и тогда все «почему» и «для чего» этого дела показывали, что в отношении морали в нем было, может быть, шесть «почему» и почти полторы дюжины «для чего»; гражданские конфликты всегда запутанны, кровавы и редко разрешимы военными способами.

В дальнейшем приводились различные причины, но ни одна из них не выдерживала объективной оценки. Говорили, что Британия при любых обстоятельствах должна поддерживать правительство страны, входящей в Содружество перед лицом бунта, восстания или раскола. Это не так. Британия всегда имела полное право рассматривать любое событие по существу. Даже в те времена, когда Южная Африка была членом Содружества, Британия навряд ли поддержала бы любыми способами ее правительство в его борьбе с восстаниями банту, простив резню на расовой почве и убийство 30 тысяч банту.

Другая причина, взятая непосредственно из нигерийской пропаганды, это то, что Ибо Биафры силой заставили упирающееся меньшинство не-Ибо присоединиться к отделению от Нигерии, против их воли, затем, чтобы захватить в свои руки все нефтяные богатства Восточной Области. Все непосредственные свидетельства подтверждают, что этнические меньшинства полностью участвовали в процессе принятия решения о выходе из состава Нигерии и восприняли его с таким же энтузиазмом как и Ибо. Что касается нефти, то нигерийская пропаганда утверждала, что 97,3 % нефтяного производства

Нигерии приходятся на не-Ибо территории. К счастью, нефтяная статистика, как главных нефтяных компаний, так и нигерийского правительства, вполне доступна для изучения.[25] На декабрь месяц 1966 года из общей нефтедобычи Нигерии 36,5 % приходились на Средний Запад, который не был частью Биафры. В нефтедобыче Биафры, за тот же период, по данным Лагоса, 50 % приходятся на провинцию Аба (чисто ибовская территория), 20 % — на округ Ахоада (с большинством населения Ибо) и 30 % на округ Огони и Олоибири (район проживания огони-иджавов).

Кроме того, все очевидцы, побывавшие в тех местах в период, предшествовавший принятию решения о разрыве с Нигерией, говорили потом, что не нефть была его главной причиной.

Наиболее часто упоминаемая причина, в которую верит большинство людей, это то, что любое отделение плохо само по себе, потому что за ним неизбежно последует цепная реакция сепаратистских движений по всей Африке. Исправно размахивают призраком «балканизации», «дезинтеграции» и «отката к трайбализму», которого пугаются даже обычно здравомыслящие люди.

Дэвид Уильямс, издатель журнала «Западная Африка» и один из самых известных авторов, пишущих по этому вопросу, 27 октября 1968 года в газете «Дейли Миррор» писал: «Все-таки федеральные силы в конце концов победят, и если эта часть света не должна стать мозаикой мелких, обанкротившихся, постоянно воюющих государств — они должны победить.»

Хотя подобные утверждения, отражающие точку зрения правительства Вильсона, раздавались достаточно часто, их явно никогда не подвергали особому сомнению. А тем более не требовалось им и подтверждение. Высказано ложное предположение, которое, тем не менее, считается соответствующим истине. Однако факты тезиса не подтверждают.

Прежде всего, Биафра — явление совершенно исключительное. Даже президент Конго Мобуту категорически заявил, что нет ни малейшего сходства между Биафрой и Катангой. Того же мнения придерживался и ооновский дипломат, доктор Конор О'Брайен, которого едва ли можно назвать сторонником политики раскола.

Кроме всего прочего, господин Вильсон, выступая против использования силы в Родезии, высказал опасение, что насилие в Южной Африке может породить целую цепь насилия по всему континенту. Действительно, опасность распространения насилия гораздо серьезнее опасности распространения эпидемии отделений, однако война продолжается, и никаких серьезных попыток остановить ее не предпринимается.

В-третьих, отделение по причине несовместимости — это вполне допустимое политическое решение в ситуации, когда два народа доказали, что навряд ли смогут даже просто мирно жить рядом. К подобному решению прибегли в случае с отделением Ирландии от Соединенного Королевства. Совсем недавно британское правительство дало согласие на отделение Ньясаленда от Центральноафриканской Федерации, Западного Камеруна от Нигерии (по результатам проведенного под наблюдением ООН референдума), Каймановых Островов от Федерации Вест-Индии, Ямайки от Западной Индии (после того как премьер Ямайки признал, что для отделения не было законных оснований); правительство согласилось также с просьбой Мусульманской Лиги об отделении от Индии в 1947 году, когда стало ясно, что единство Индии можно купить только ценой кровавой гражданский войны.

В прошлом британское правительство беспрекословно согласилось на «балканизацию» Федерации Вест-Индии, Центральноафриканской Федерации и Малайской Федерации. И в каждом из этих случаев отделение не вызвало никакой цепной реакции в этих частях света. Некоторые из независимых государств в Вест-Индии так малы, что почти нежизнеспособны. Однако независимая Биафра была бы третьей по численности населения и первой по потенциальному благосостоянию в Африке.

Настоящую причину можно отыскать совершенно в другом. Видимых причин только две. Одна заключается в том, что Уайтхолл в самом начале войны получил от своего Верховного Комиссара в Лагосе информацию о том, что война будет недолгой, энергичной и мягкой, и что поддерживать, без сомнения, нужно победителя. В политическом смысле это не такое уж исключительное заявление. Никто не поддерживает государства, которые через неделю или две должны исчезнуть с политической карты. Однако, когда стало совершенно ясно, что вся ситуация была ошибочно понята полномочным представителем Ее Величества и его командой, и что их информация было ложной, что «восстание Оджукву» на самом деле было сильным и пользующимся широкой поддержкой в массах народным движением, что война затянется на многие месяцы, а может быть и годы, а число убитых будет постоянно возрастать, что поведение нигерийской армии по отношению к населению Биафры — без различия его этнической принадлежности — вызывает все большую и большую тревогу, тогда британское правительство заслужило суровое осуждение за то, что его политика не только не была пересмотрена, но и

продолжала идти по возрастающей.

Могут возразить, что почти до конца 1967 года британское правительство не знало, как использовалось оружие и его дипломатическая поддержка. Но уже в 1968 году было так много доказательств, так много свидетельств очевидцев, фотографий, достоверных отчетов, так много новостей и телефильмов, что вполне обоснованные подозрения возникли бы у кого угодно.

Другая явная причина, по которой правительство Вильсона продолжало ублажать и поддерживать Говона в политической, дипломатической и военной областях уже даже после того, как стали известны все факты, заключается в том, что Британия решила (хотя никто не объяснил, путем каких рассуждений они пришли к этому решению), что нигерийский рынок должен остаться неприкосновенным, во что бы это ни обошлось.

Но все это стало известно только после повторного расследования, проведенного той немногочисленной группой людей, которые были достаточно заинтересованы, чтобы задавать вопросы. В течение 12 месяцев маска нейтралитета держалась крепко, соскальзывая лишь иногда и открывая прячущуюся за ней слепую пристрастность.

20 июня 1967 года, через 16 дней после начала войны, лорд Уолстон заявил в палате Лордов, что у правительства нет ни малейшего намерения вмешиваться во внутренние дела Нигерии и что они ясно дали это понять всем нигерийским руководителям.[26]

8 недель спустя, на вопрос журналистов об отправке оружия из аэропорта Гетуик был дан ответ, что это было всего лишь выполнение давних задолженностей по поставкам. Обман с «нейтралитетом» продолжался, не вызывая сомнений, пока в январе 1968 года не начали раздаваться удивленные голоса. 25 января лорд Шеперд, которого лорд Конесфорд попросил уточнить его позицию, ответил: «Мы нейтральны по отношению к обеим сторонам, но в Нигерии есть признанное правительство… мы, конечно, не помогаем ни той, ни другой стороне». [27]

Четыре дня спустя он признал, что Британия поставляет Нигерии буквально все ее военное снаряжение. К 13 февраля лорд Шеперд все еще продолжал загадывать шарады, но в несколько ином виде. Он сказал в палате Лордов: «Прекращение всех поставок оружия могло бы рассматриваться Лагосом, как односторонний, нарушающий нейтралитет акт, направленный против них и против нашей собственной, провозглашенной нами политики поддержки единой Нигерии». [28]

Вопрос оставался, и продолжать обман становилось все сложнее. 21 мая Джордж Томсон развил тему, начатую Шепердом.

Отвечая на вопрос, заданный в палате Общин, он заявил, что «нейтралитет означал бы поддержку бунтовщиков». [29]

Шарада оставалась неразгаданной вплоть до начала серьезных дебатов (24 августа), в ходе которых правительство Вильсона наконец-то признало, что всегда поддерживало Говона во всем, что он делал

На международной дипломатической арене вся чудовищность последствий этого неправильного истолкования ситуации стала ясна гораздо позже. В 1968 году большинство иностранных правительств допускало, что Британия была нейтральна, по крайней мере в политическом отношении, и, следовательно, на нее можно было возложить исполнение функций беспристрастного посредника, буде таковой потребуется. На самом же деле Британия одновременно и заверяла Лагос, что поставки оружия будут продолжены (а следовательно, поощряла федеральное правительство биться до горького и кровавого конца) и заявляла, обращаясь к мировой общественности, что делает все возможное (по секретным дипломатическим каналам), чтобы добиться прекращения огня и проведения мирных переговоров, используя всю силу убеждения своей дипломатии, чтобы воспрепятствовать всем заинтересованным правительствам последовать примеру Танзании. Берега Слоновой Кости и Габона, которые признали Биафру. Но когда все возрастающее давление со стороны мирового общественного мнения заставило наконец Нигерию начать мирные переговоры, британцы стали закулисными представителями и защитниками интересов нигерийцев. Это был двенадцатимесячный обман. В то время как другие правительства становились все беспокойнее и хотели начать действовать, их пытались отговорить от этого, заявляя: «В данной ситуации мы «можем гораздо успешнее содействовать мирному урегулированию: вмешательство извне, какими бы добрыми намерениями оно не было продиктовано, может только затемнить вопрос, оставьте все нам, и мы сами сделаем все, что можно».

Действительно, Британия делала все, что могла — чтобы обеспечить безусловную военную победу Нигерии, окончательно добить Биафру. Отказ полковника Оджукву принять правительство Вильсона в качестве посредника, до тех пор, пока оно остается крупнейшим поставщиком оружия его врагам, был сурово осужден, как еще один пример той жестокой непримиримости, в которой его всегда обвиняли, когда он отказывался поддаваться на самые явные хитрости Нигерии или Лондона.

Тем не менее, маска «нейтралитета» почти сработала,

обманув даже биафрцев. Многие люди, занимавшие важные посты в правительстве Биафры, все-таки хотели верить, даже если факты, доходившие до их бюро, свидетельствовали об обратном. Сэр Льюис Мбанефо, главный судья Биафры, и впоследствии руководитель на переговорах в Кампале, в течение нескольких недель вел переговоры с представителями британского правительства и лордом Шепердом, в надежде, что их заверения в нейтралитете и стремлении к миру были искренними.

Если на крючок попались даже биафрцы, которые весьма близко к сердцу принимали то, что происходило, то, конечно, попались и другие правительства, интерес которых к проблеме был менее глубоким. 9 сентября 1968 года Ричард Никсон, в то время боровшийся за президентский пост, невольно продемонстрировал те колебания, которые существовали в мировом общественном мнении по вопросу о твердой позиции в конфликте Нигерия-Биафра. Он сказал: «До сих пор усилиям по оказанию помощи народу Биафры мешали желание центрального правительства Нигерии во что бы то ни стало добиться победы и страх народа Ибо перед тем, что поражение обернется массовыми зверствами и геноцидом. Но геноцид это то, что происходит сейчас, а голод — это смерть. Теперь не время для церемоний или «переговоров по различным каналам» и дипломатических тонкостей. Уничтожение целого народа — это безнравственная цель даже в самой нравственной из войн. Она никогда не может быть оправдана, она никогда не может быть прощена».

И тем не менее, в 1968 году весь мир только и делал, что церемонился, пытался пройти по дипломатическим каналам, соблюсти все дипломатические тонкости. Это не значит, что честное заявление со стороны Британии о наличии у нее традиционной заинтересованности сразу же повлекло бы за собой различные инициативы со стороны других держав, или что любая подобная инициатива привела бы к установлению мира. Но справедливости ради надо сказать, что предупреждение «руки прочь!» со стороны Британии и ее самовольно захваченная монополия на роль посредника обеспечили такое положение дел, при котором ни одна подобная инициатива даже и не могла быть предпринята кем-то еще.

Дебаты в палате Общин 27 августа заслуживают краткого описания, поскольку там произошло то, что журналисты на следующий день описывали как «одно из самых удивительных проявлений враждебности по отношению к правительству… изо всех виденных в Палате за многие годы» (»Ф айненшл таймс») , «некачественную работу» (»Г ардиан») , «Фантастический беспорядок» (»Т аймс») .

В тот день дебаты шли как в палате Общин, так и в палате Лордов. Все они касались проблемы Нигерия-Биафра. Через несколько часов после того, как граф Корк-и-Оррери рассказал о том, как используется британское оружие в Нигерии, господин Томсон открыто заявил об истинной роли британского правительства. Говоря о начавшейся 13 месяцев назад войне, он сказал Палате: «В то время правительству Ее Величества было невозможно придерживаться нейтралитета».

А дальше вышло так, что и он, и его коллеги защищали нигерийские интересы более преданно, более страстно и более пристрастно, а временами и более яростно, чем могли бы это сделать сами нигерийцы.

Для начала господин Томсон ясно дал понять, что Британия сделала свой недвусмысленный выбор в самой кровавой за последние десятилетия локальной войне, и что к этому решению она пришла еще 13 месяцев назад. Он продолжал утверждать, что лагосское правительство было готово пойти на уступки в том, что касается конституционного устройства, посредством которого должна была быть воплощена идея единства, а далее упомянул слово «конфедерация» (Это никогда не было подтверждено Лагосом, который в действительности утверждал как раз обратное.). Однако Томсон в своем докладе Палате о переговорах между Говоном и Оджукву, предшествовавших войне, ни разу не упомянул о том, что полковник Оджукву постоянно и настойчиво предлагал конфедерацию, как способ сохранить единство, не прибегая к войне.

Если у членов Парламента и оставались еще какие-то сомнения по поводу полной поддержки британским правительством Говона, то их развеял государственный министр Уильям Уайтлок. Зачитывая слово в слово по бумажке, которую ему подготовил чиновник в Министерстве по делам Содружества, этот министр выдал прекрасный образчик того, что свидетели позже описывали, как самый пристрастный вариант пропагандистской продукции иностранного государства, когда-либо слышанный в палате Общин.

Он начал с резких нападок на Биафру, очернил дело, за которое она боролась, и особой мишенью избрал ее заграничную пресс-службу и то маленькое информационное агентство в Женеве, которое распространяло новости Биафры для международной прессы. Он обвинил членов парламента, которые верили всему, что исходило от Биафры, в том, что они легковерны. Из-за какого-то странного поворота в ходе рассуждений, он начал уверять Палату, что решающее нигерийское наступление на земли Ибо, о котором заявил сам

генерал Говон по британскому телевидению за день до этого, было вовсе не окончательным наступлением (несмотря на то, что сказал Говон), а всего лишь длительной подготовкой к решающему штурму.

Далее он зачел по своей бумажке почти дословный повтор главных военно-пропагандистских откровений Нигерии, которые, как давным-давно было доказано независимым расследованием, были либо совершенно ложными, либо просто вводили в заблуждение.

Уайтлок должен был «заболтать» последние 32 минуты дебатов, чтобы Палата в 10 часов закончила заседание, не успев проголосовать. Правила проведения дебатов были согласованы накануне. Но по мере того, как позиция правительства становилась все яснее и понятнее сначала изумленной, а потом и оскорбленной Палате, разразился страшный скандал. 19 раз Уайтлока прерывали те члены Палаты, которые хотели выразить свое возмущение. Г-жа Джоан Викерс, обычно не склонная к вспышкам гнева, бросила реплику: «В своем выступлении при открытии заседания, министр (Томсон) заявил, что британское правительство будет нейтральным. Считает ли Достопочтенный Джентльмен, что в своей речи он следует по пути, указанному его Достопочтенным другом?»

Уайтлок ответил прямо. Он напомнил г-же Джоан, что Томсон сказал, что правительство в данной ситуации не может оставаться нейтральным. После чего продолжил дальше свое чтение.

К этому времени Палата хотела получить хоть какой-то шанс проголосовать. Но было слишком поздно. И напрасно Сэр Дуглас Гловер говорил о том, что когда накануне члены парламента согласились, что вопрос не будет голосоваться, они и представления не имели, какую линию поведения изберет правительство. Дебаты были заболтаны, и в то время, как приблизительный уровень смертности в Биафре колебался от 6 до 10 тысяч человек в день, парламентарии снова разъехались на каникулы. По иронии судьбы, причиной спешного созыва парламента во время летнего перерыва, была не Биафра, а ввод советских войск в Чехословакию, агрессия, при которой погибло менее сотни человек.

После 27 августа все прояснилось. Маски были сброшены и границы обозначены. Для сторонников Нигерии, как в Уайтхолле, так и за его пределами, теперь можно было не притворяться. На повестке дня теперь было не укрывательство, а оправдание. Проговоновская компания набирала силу. Лидеров общественного мнения отводили в сторонку в барах и клубах и

тщательно пичкали затертыми аргументами о неминуемой балканизации Африки, абсолютной необходимости сохранить не столько Нигерию, как Нигерию генерала Говона, о тайном кошмаре строящих зловещие планы Ибо и о внушающем страх полковнике Оджукву. Корреспондентам, посещавшим ежедневные брифинги в Министерстве по делам Содружества, скармливали «заслуживающие доверия» россказни о крупномасштабной французской помощи, направляемой в Биафру из Габона, что, очевидно, делало необходимой поставку большего количества винтовок, патронов и «Саладинов» из Британии. Подспудные антифранцузские, или, по крайней мере, антиголлистские чувства среди некоторой части газетчиков, правых консерваторов и левых лейбористов были усиленно подогреваемы.

И снова в Палате общин 22 октября Майкл Стюарт, министр иностранных дел, со времени возникновения двух департаментов занимающийся и Содружеством, взвалил на полковника Оджукву ответственность за неминуемую гибель его народа, «подтверждая», что никакого геноцида и не было, и настаивая на том, что Британия должна продолжать поставки оружия.[30]

На всех уровнях началась мощная кампания по дискредитации не только пропаганды Биафры, но даже отчетов Красного Креста и журналистов, где говорилось об уровне смертности от голода, убийствах нигерийской армией гражданских лиц и той участи, что готовится биафрцам в случае их поражения.

У тех, кто пристально следил за этой кампанией, возникло мрачное предчувствие, особенно у тех, кто помнил маленькую, но крикливую клику крайне раболепных джентльменов, которые в 1938 году взяли на себя роль «адвокатов дьявола» при нацистской Германии и отчасти старавшихся убедить своих слушателей в том, что любое упоминание о плохом обращении немцев с евреями было пропагандой, которую спокойно можно было не принимать в расчет. Избранная тактика, выдвигаемые доводы, слепая уверенность во врожденной пристрастности тех, кто заявлял, что своими глазами видел, что происходит, и почти личностный пыл, привносимый в обливание грязью тех, кто был лучше информирован, во всем этом проявляется просто поражающее сходство этих двух примеров.

До странности похожи не только доводы, но также и источники, и те, кто позволяет использовать себя как источник — передавая сообщение. Главным образом, это либо достаточно глупые парламентарии и другие общественные деятели, которые подвержены отравлению идеями, переданными по сети «старых приятелей», либо те, кто имеет личную, политическую или

финансовую заинтересованность, или прожил в стране счастливые годы молодости и теперь не может слышать, как о ней дурно отзываются; либо же не слишком проницательные журналисты, пишмашинки которых можно купить за оплаченную правительством поездку в сопровождении очаровательной молодой секретарши из Министерства информации и оказанное на месте широкое гостеприимство. Большинство этих людей позволяет использовать себя в качестве канала для передачи информации непреднамеренно, хотя, если провести несколько дней, проверяя достоверность того, о чем им рассказали, то, возможно, это окупило бы все затраты.

Но так же как и в случае с прогерманскими апологетами довоенных дней, всегда существует небольшая группа, чья политическая ориентация основана на чисто личном и иногда страстном отвращении к какому-либо расовому меньшинству, и на желании видеть страдания этого меньшинства. В данном случае духовный штаб этих людей находился, к несчастью, в недрах Британского Верховного Комиссариата в Лагосе и Министерстве по делам Содружества в Лондоне.

Нефть и крупный бизнес

Крупный бизнес, от которого не требовали объяснений по поводу его политики, или ответов на вопросы в Парламенте, смог сохранить гораздо большее спокойствие в вопросе своего действительного отношения к проблеме Нигерия-Биафра, чем правительство. До настоящего времени роль деловых, а в особенности нефтяных, кругов остается в некотором отношении тайной и является предметом крайне различных интерпретаций.

В довоенной Нигерии иностранные капиталовложения были главным образом британскими. Общая их сумма равнялась примерно 600 миллионам фунтов стерлингов, из которых треть была размещена в Восточной Области. А в этой Области львиная доля инвестиций приходилась на нефть.

Было одно существенное различие между нефтяными и другими финансовыми и коммерческими интересами Британии в Нигерии. Основная доля нефтяных инвестиций приходилась на Восток, и гораздо меньшая часть — на всю остальную Нигерию. Но во всех других видах бизнеса основная часть инвестиций приходилась на остальную Федерацию, а меньшая доля — на Восток. Из общей суммы капиталовложений около 200 миллионов фунтов стерлингов были, по подсчетам, вложены в нефть.

Хотя впоследствии биафрцы и обвиняли нефтяные фирмы в том, что они с самого начала поддерживали Лагос, вполне

вероятным кажется то, что, исходя из своих собственных интересов, нефтяные компании и торговые фирмы были действительно вне конфликта и хотели, чтобы так продолжалось и впредь. Странно, но хотя в затянувшейся войне их возможные прибыли были сведены на нет обеими сторонами, хотя большинство их заводов и машинного оборудования было повреждено, разрушено, разграблено или присвоено обеими сторонами, а коммерческие интересы пострадали, и все-таки обе стороны выдвигали против них гораздо больше обвинений, чем против дипломатов, которые были главными архитекторами политики поддержки Говона, которой решило следовать британское правительство.

Любые действия деловых кругов — прямые или косвенные — повлекшие их участие в конфликте на той или другой стороне, остаются в некотором роде тайной. Однако, профессиональный союз, объединяющий все деловые интересы в Западной Африке, это влиятельнейший Комитет Западной Африки, расположенный в Лондоне, и является аксиомой то, что этот Комитет Западной Африки всегда будет следовать политике британского правительства в этом регионе, как только эта политика будет твердо определена.

Крупный капитал главным образом заинтересован в эксплуатации, торговле и получении прибылей; поэтому в его интересах, чтобы война не затягивалась. Но сказать, что разгром Биафры был в интересах нефтяного или какого-либо другого бизнеса, было бы не совсем точно. В начале войны деловые люди, с которыми мы беседовали неофициальным образом, заявляли, что не отдают предпочтения ни одной из сторон. Им потребовались бы только некоторые дополнительные расходы, чтобы вести раздельно две коммерческие операции — одну в Нигерии, а другую в Биафре. И пока обе страны мирно сосуществуют, можно продолжить нормальные деловые операции. Чего они не хотели, так это затягивания войны.

Для нефтяных интересов это было особенно важно. Нефть со Среднего Запада Нигерии экспортируется не непосредственно с побережья, а по нефтепроводу поступает через дельту Нигера в Порт-Харкорт в Биафре. Там она сливается с потоком из нефтяных скважин Биафры и по другому нефтепроводу перекачивается к танкерозагрузочному терминалу на острове Бонни. После выхода Биафры из состава Нигерии и установления блокады была перекрыта нефть и Биафры, и Среднего Запада. Главные убытки понесла здесь компания «Шелл-БП», англо-голландский концерн, которому принадлежит большинство концессий в этом районе.

В августе 1967 года биафрцы направили в Лондон сильную делегацию в составе Главного Судьи сэра Льюиса Мбанефо и профессора Эни Нджоку, для того, чтобы попытаться убедить британское правительство изменить политику содействия Нигерии. В течение трех недель эта пара сидела в гостинице «Ройял Гарден» и вела переговоры с непрекращающимся потоком чиновников и бизнесменов из Комитета Западной Африки. Результатом явились определенные колебания в министерстве по делам Содружества, и стало известно, что деловые интересы в Комитете оказывают нажим на министерство, чтобы, по крайней мере, обеспечить строжайший нейтралитет. За первые десять дней сентября с поразительной внезапностью все изменилось. В дальнейшем стало известно, что именно тогда должен был осуществиться заговор Банджо с целью убийства Оджукву. По словам одного замешанного в этом заговоре англичанина, в первую неделю сентября из Лагоса поступила некая информация, заставившая Уайтхолл быстро вернуться к прежней линии поддержки генерала Говона, и в соответствующем духе были проинформированы и деловые люди. Оба биафрца обнаружили, что говорят в пустоту и уехали. Кажется, именно с этого момента Министерство по делам Содружества и Комитет начали действовать заодно, хотя во второй половине 1968 года в деловых кругах усилились дурные предчувствия. Тем не менее, вскоре после сентября 1967 года, сумма примерно в 7 миллионов — плата за право разработки нефтяных недр (по состоянию дел на довоенный период) была выплачена правительству генерала Говона, несмотря на протесты Биафры, что эти деньги по праву принадлежали им.

Задолго до конца 1968 года все без исключения деловые круги устали от войны, и предприниматели все более скептически относились к заверениям правительства в том, что все будет кончено буквально через несколько недель. Снова начали прислушиваться к тем бизнесменам, которые, находясь на службе у главных компаний, действующих в Западной Африке, многие годы проработали в Восточной Области, и которые, как, например, господин Паркер, предупреждали, что ничего не следует предрешать заранее. Сначала их предостережения в Лондоне отбрасывали под тем предлогом, что это результат их личной приязни к народу Востока. Но постепенно становилось все ясней, что даже в случае военной победы Нигерии, шансы на возврат к нормальному экономическому положению в Биафре были невелики, учитывая пролитую кровь, горечь обид, бегство в буш части биафрских техников и старших служащих, крах экономики и эскалацию партизанской войны.

За одним важным исключением — сырой нефти. Этот продукт требовал сравнительно мало надзора за его вывозом, и добыча некоторого его количества возобновилась уже к концу 1968 года из тех скважин, которые были окончательно захвачены нигерийцами. Однако верят в это нефтяные компании или нет, но их шансы на возобновление непрерывного нефтяного потока в условиях гражданской войны так же невелики, как и на процветание торговли любыми другими товарами.

Однако нефть не похожа на другие товары. У нее есть стратегическая ценность. Поскольку на Ближнем Востоке период нестабильности, похоже, затянется на неопределенное время, то возникает интерес к альтернативным источникам нефти. Биафра и является таким крупным альтернативным источником. Для Франции, Португалии и Южной Африки (если назвать только этих трех) нефть — это важнейший стратегический фактор. Кроме того, что еще не все нефтяные концессии в Биафре заняты, биафрцы неоднократно предупреждали, что политика британского правительства по отношению к ним во время войны может привести к пересмотру существующих нефтяных концессий и передаче их другим держателям.

Можно предположить, что британский бизнес, точно так же как и британское правительство, раз поставив на одну лошадь в уверенности, что она может легко победить, зашел теперь так далеко, что должен продолжать ставить на победу этой лошади, невзирая на цену, что они замешаны в политике, которую в глубине души и хотели бы изменить, но не видят, как это сделать. Если это так, то нефтяные компании и другие фирмы разгневаны еще и потому, что знают, что прежде всего это не их политика.

Британская общественность

С начала биафрско-нигерийской войны британской общественности понадобился целый год, чтобы получить хотя бы смутное, построенное на недостаточной информации, представление о том, что происходит. Но узнавая из газет и телепередач о том, как ужасающе страдают люди, британская общественность среагировала. В течение последующих 6 месяцев она сделала все, что могла в пределах Конституции, чтобы изменить политику правительства в области поставок оружия Нигерии, и предоставить помощь Биафре. В ход пошли встречи, комитеты, протесты, демонстрации, лоббирование, сидячие забастовки, голодовки, сборы средств, марши протеста, массовые митинги, письма, рассылаемые всем, кто мог в силу своего положения влиять на мнения других, проповеди, лекции, фильмы,

пожертвования. Молодежь записывалась добровольцами, чтобы поехать в Биафру и попытаться помочь, врачи и медсестры уезжали туда, чтобы предложить свои услуги в облегчении страданий людей. Другие предлагали взять в свои дома детей Биафры на все время, пока идет война, иные вызвались летать или драться за Биафру. В числе доноров, как известно, были всякие люди — от пенсионеров до учащихся Итона. Некоторые предложения были непрактичны, другие — опрометчивы, но все продиктованы самыми лучшими намерениями.

В то время как гораздо меньшая по масштабам мобилизация общественного мнения в Бельгии и Голландии привела к тому, что правительства этих стран изменили свое отношение к продаже оружия Лагосу, все усилия общественности Британии оказались бессильны сдвинуть правительство хоть на йоту. Это обвинение не британской общественности, а правительству Вильсона.

Обычно такое мощное и широко распространившееся выражение воли народа действует на правительство, потому что, хотя в Британии и нет письменной Конституции, общепринято, что когда политику, проводимую британским правительством (кроме той, что касается основ обороны или главных зарубежных обязательств) осуждают парламентская партия и оппозиция, руководители партий, церкви и профсоюзов, печать и население вообще, тогда премьер-министр должен выполнить волю подавляющего большинства своих избирателей и пересмотреть эту политику.

Нужно иметь беспрецедентно и уникально самонадеянное правительство для того, чтобы, во-первых, в течение целого года обманывать народных представителей, а затем с пренебрежением отнестись к ясно выраженной воле парламента и народа и их институтов. Но правительство беспрецедентного и уникального высокомерия в сочетании с легковерной и слабой оппозицией, это именно то, что было в Британии с октября 1964 года.

Советское проникновение

С декабря 1968 года наблюдателей все больше стало беспокоить постоянно возрастающее советское присутствие в Нигерии, вне зоны конфликта. Хотя первые партии советских истребителей и бомбардировщиков прибыли в Нигерию в конце августа 1967 года, и дальнейшие поставки, сопровождавшиеся прибытием двух или трех сотен человек советского технического персонала продолжались в течение последующих 15 месяцев, пополняя потери, но двери для советского проникновения широко

открылись только после подписания Советско-Нигерийского договора в ноябре 1968 года.

Этот договор вызвал беспокойство западных дипломатов еще в стадии его обсуждения обеми сторонами, и британцы трижды пытались отговорить нигерийцев от его подписания. Результатом каждой такой попытки было перенесение срока подписания, но в конце концов договор был подписан в присутствии необычно сильной по составу делегации из Москвы.

В последующие недели советское присутствие стало еще более заметно, да так, что это начало беспокоить не только британцев и американцев, но и многих нигерийских умеренных политических деятелей.

В договоре специально оговаривались некоторые области помощи СССР Нигерии, такие как строительство предприятий черной металлургии. Однако вероятно, что подписание договора было связано и с другими видами деятельности. Вскоре после подписания договора из Северной Нигерии стали поступать сведения о советском стрелковом оружии, в больших количествах перевозимом по ночам с аэродромов в Южной Сахаре в Кадуну, а оттуда — в расположение Первой Дивизии нигерийцев — в Энугу. До этого из СССР поступали истребители, бомбардировщики, бомбы, мины, патрульные корабли и — для пехоты — базуки и ручные гранаты. Во второй половине 1968 года поступали крытые грузовики, джипы, техника для рытья траншей, а кроме того начали появляться советские младшие офицеры.

Что касается оборудования, то его легко было идентифицировать по захваченным образцам, а присутствие советских советников — по показаниям пленных, особенно одного командира (Йоруба), который утверждал, что советские не делали секрета из того, кто они и приказывали младшему комсоставу посещать лекции, на которых восхвалялись достоинства советского образа жизни.

К концу войны, после подписания договора, Первая Дивизия была доукомплектована для январского наступления 1969 года большим количеством советского пехотного оружия, включая сотни автоматов АК49, стандартного стрелкового оружия армий Варшавского Договора.

Повсюду в Нигерии корреспонденты стали отмечать присутствие групп советских советников в различных областях. Некоторые выступали как сельскохозяйственные эксперты, геологи, минерологи и т. п. Высказывались опасения, что нигерийские крайние левые, чье влияние в профсоюзах было очень заметно, станут сильнее, чем когда-либо. К концу года начались антизападные демонстрации. В Ибадане английский и

американский флаги были сорваны, подожжены и растоптаны распевающей песни толпой студентов и профсоюзных вожаков.

К концу 1968 года долгосрочные цели советского присутствия в Нигерии все еще служили темой для домыслов. Некоторые считали, что Советы добиваются не быстрого окончания войны, а ее затягивания, до тех пор, пока Нигерия не окажется настолько безнадежно опутана долгами, что станет достаточно сговорчивой, чтобы удовлетворить желания СССР в отношении уступок, далеко выходящих за рамки взаимопомощи. Другие полагали, что цель заключается в получении долгосрочной монополии на нигерийскую экспортную сельскохозяйственную продукцию: земляные орехи, хлопок, какао и пальмовое масло, заменяющую наличные деньги при расчетах за оружие и иную помощь, что имело бы такое же воздействие на зависимость Нигерии от советского давления в семидесятые годы. Однако другие считали эту конечную цель стратегической — возможность получить авиабазы в Северной Нигерии, а может быть, и морскую базу на южном побережье. Эти наблюдатели вспоминали цепь британских авиационных баз от Англии через Гибралтар, Мальту, Ливию, Каир, Аден, Мальдивы и Сингапур, которая в 1960 году обеспечила быстрое вмешательство Британии к востоку от Суэца. Таким же образом, имея выход из Крыма в Дамаск, Порт-Саид, Верхний Египет и Судан, СССР требовались только Кадуна и Калабар, чтобы получить цепь авиабаз непосредственно в Южную Африку. Действительно, к концу 1968 года советские техники создали базу в Кадуне и сделали из небольших муниципальных аэродромов, как в Кадуне, так и в Калабаре, полноценные, способные принимать бомбардировщики ИЛ и транспортные самолеты АН, взлетно-посадочные полосы со всеми приспособлениями для посадки ночью и в условиях плохой погоды.

Беженцы, голод и помощь

Только голод в Биафре по-настоящему разбудил совесть мирового сообщества. Хотя простые люди, не только в Британии, но и во всей Западной Европе и Америке, обычно не способны различить за сводками военных новостей политические хитросплетения, они могут все-таки понять, что что-то идет не так, увидев изображение голодающего ребенка. Именно с этой фотографии и началась кампания в печати, которая всколыхнула западный мир, заставила правительства изменить свою политику и дала Биафре шанс на то, чтобы выжить, или, по крайней мере, не умереть безвестно.

Но даже этот вопрос был запутан пропагандой, распространявшей слухи о том, что биафрцы сами «разыгрывали эту карту» и использовали голод среди своего собственного народа для того, чтобы вызвать симпатии к своим политическим целям.

Нет ни одного священника, врача, работника Красного Креста или администратора из дюжины европейских стран, которые проработали в Биафре всю вторую половину 1968 года и видели как самым жалким образом умирают сотни тысяч детей, которые предположили бы, что проблема нуждается в каком-то «разыгрывании». Факты были налицо, защелкали фотокамеры журналистов, и голод детей Биафры стал мировым скандалом.

Серьезней было обвинение в том, что биафрцы, и в частности полковник Оджукву, использовали ситуацию и даже препятствовали ее улучшению, чтобы выклянчить поддержку и симпатию. Это так серьезно, и так много грязи было вылито, что невозможно написать историю Биафры и не объяснить, что же случилось. В этой книге уже говорилось, что голод среди биафрцев не был случайностью или неудачным стечением обстоятельств, или даже необходимым, но вызывающим сожаление, производным войны. Это была преднамеренно осуществляемая часть нигерийской политики. Нигерийские лидеры с похвальной откровенностью, гораздо большей, чем когда-либо видели от своих лидеров британцы, не постеснялись признать это.

Следовательно, только один вывод неизбежен: не существовало таких уступок, которые мог бы сделать полковник Оджукву, и в результате которых продовольствие и помощь голодающим поступали бы быстрее и в больших количествах, чем раньше, иных чем те, которых хотели добиться от него Нигерия и Британия и за которыми последовала бы полная капитуляция его

страны. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что все «предложения», которые выдвигало нигерийское правительство (частично после консультаций с британским Верховным Комиссариатом), и которые обычно принимали и приветствовали наивный британский парламент, пресса и общественность, обычно содержали в себе широчайшие тактические и стратегические перспективы для нигерийской армии.

Все предложения, выдвинутые полковником Оджукву и другими заинтересованными сторонами, такими как Международный Красный Крест, Римско-католическая церковь и некоторые газеты, в которых не было никаких «встроенных» военных преимуществ ни для одной из сторон, были просто-напросто отвергнуты нигерийцами, с полного благословения Уайтхолла.

Итак, вот эта история. Биафра на карте имеет примерно квадратные очертания. Примерно треть восточной окраины омывается рекой Кросс с ее плодородными долинами и лугами. По южной границе, как раз над бухтами и болотами, протянулась другая полоса земли, по которой текут многочисленные малые реки, берущие начало в горах и впадающие в море. Остальная территория — верхний левый угол этого квадрата — это возвышенность, которая является родиной Ибо.

В довоенные дни здесь проживало большинство населения Восточной Области, но продовольственные культуры главным образом выращивались на землях этнических меньшинств к востоку и к югу. В целом Область более менее обеспечивала себя продовольствием, поскольку производила все потребные овощи и фрукты; однако мясо главным образом ввозилось с севера Нигерии, где выращивают скот, а по морю ввозили сушеную рыбу из Скандинавии и соль. Мясо и рыба — это белковая часть рациона, и хотя в самой области есть и козы, и куры, этого недостаточно для того, чтобы обеспечить то количество протеина, которое необходимо для поддержания здоровья более 13 миллионов человек.

С установлением блокады и началом войны поставки импортного протеина были прекращены. Хотя взрослые и могут долго сохранять здоровье, не получая адекватного количества протеина, детям он необходим постоянно.

Биафрцы наладили интенсивное производство кур и яиц на фермах, чтобы тем самым увеличить производство доступной пищи, богатой протеином. Они могли бы решить проблему (по крайней мере на два года), если бы не встретились с такими трудностями, как сокращение территории, потеря богатых продовольствием периферийных районов и приток почти пяти

миллионов беженцев из этих районов.

К середине апреля они потеряли долину реки Кросс, почти по всей ее длине, и часть юга — земли Ибибио в провинциях Уйо, Аннангм и Экет, землю с самыми богатыми в области почвами. Примерно в тот же период из докладов представителя Красного Креста в Биафре, швейцарского бизнесмена Генриха Ягги, руководителей католической организации «Каритас», Мирового совета церквей, Красного Креста Биафры и врачей многих национальностей, которые оставались в Биафре, становится ясно, что проблема крайне серьезна. Эксперты отмечали все возрастающее количество случаев заболевания квашиокорой, болезнью, происходящей от недостатка протеина, которая поражает в основном детей. Симптомами ее является порыжение волос, обесцвечивание кожи, опухание суставов и разбухание тканей, как при водянке. Кроме квашиокоры в Области свирепствовали анемия, пеллагра и просто обыкновенный голод, симптомами которого было медленное умирание, когда люди заживо превращались в скелеты. Квашиокора, которая была главным бичом, разрушала ткани мозга, затем следовала летаргия и наконец смерть.

В конце января господин Ягги обратился в Красный Крест в Женеве за разрешением обеих сторон на ограниченный международный призыв к сбору лекарств, продовольствия и одежды. Полковник Оджукву ответил согласием сразу же после получения запроса — 10 февраля, а Лагос — только в конце апреля. Тем временем проблема беженцев становилась все серьезнее, хотя следует сказать, что это почти неизбежный результат любых военных действий, и совсем не обязательно винить за него правительства, вовлеченные в конфликт, при условии, что они предпринимают разумные меры, с тем чтобы облегчить страдания перемещенных лиц, до тех пор пока им не будет безопасно вернуться домой.

Как бы то ни было, в случае с нигерийским правительством и военными властями журналисты и работники благотворительных организаций, работавшие в районах далеко за линией фронта на нигерийской стороне, рассказывали потом, что эти власти постоянно препятствовали всем операциям, проводимым на собранные за рубежом деньги, затрудняли транспортировку помощи, присваивали транспортные средства, купленные на пожертвования и запрещали доступ в те районы, где людские страдания были велики, а риск для тех, кто оказывал помощь, минимален.

Командир III Нигерийской дивизии бригадный генерал Бенджамен Адекунле не оставил никаких сомнений у многих

журналистов, которые посещали его и слушали его речи, по поводу того, что у него вообще нет намерения позволить работникам благотворительных организаций работать и спасать жизни людей, не говоря уж о том, чтобы помочь им в их работе. Подобное отношение, существовавшее и заметное на всех уровнях, было тем более странным, что, с точки зрения нигерийцев, пострадавшие гражданские лица были их согражданами-нигерийцами.

Большинство гражданского населения бежало из зоны боев скорее «в», а не «из» неокупированной к концу 1968 года Биафры. Там скопился примерно 1 миллион беженцев. В большинстве своем это были не Ибо, а этнические меньшинства. Разветвленная семейная система, которая позволила 18 месяцев назад жителям Востока принять своих родичей с Севера и Востока, не могла быть задействована, поскольку у большинства беженцев не было родственников, которые могли бы их приютить. Поэтому люди жили скученно, во времянках, построенных на окраинах деревень в буше, в то время как власти Биафры с помощью Красного креста и Церквей обустроили ряд лагерей для беженцев, где бездомные могли бы по крайней мере получить крышу над головой и еду раз в день. Многие такие лагеря были устроены в пустых школах, где уже было большинство санитарных устройств, и которые впоследствии послужили отличными целями для пилотов-египтян.

К концу апреля по причинам военного характера, объясненным ранее, поток беженцев принял угрожающие размеры: примерно 3,5 миллиона.

«Каритас» и Всемирный Совет Церквей, не входя в число огранизаций, действующих на нигерийской стороне фронта, и не будучи обязанными по договору господина Ягги пробиваться по каналам согласований, прежде чем начать помогать людям, решили действовать самостоятельно. Начиная с первых месяцев года, они закупили за рубежом большие количества продовольствия и медикаментов для завоза в Биафру. У них не было самолетов и пилотов, поэтому они заключили соглашение с Хенком Уортоном, американцем, который два раза в неделю перевозил на своих самолетах оружие из Лиссабона в Биафру, и купили часть его самолетов. Но количество перевозимого таким образом продовольствия было очень невелико.

Начиная с 8 апреля, Красный Крест начал в небольших количествах посылать помощь на самолетах Уортона, и желая приобрести свой собственный самолет и нанять своих собственных летчиков, посылал из Женевы неоднократные запросы нигерийскому правительству по поводу предоставления

охранного свидетельства пропуска для самолетов с четкими обозначениями Красного Креста для того, чтобы осуществлять полеты в дневное время, без опасения быть сбитыми. На эти запросы постоянно отвечали отказом.

Были предприняты попытки убедить нигерийцев, что под прикрытием подобных дневных полетов Уортон не будет перевозить оружие. Сначала предложили, чтобы группа работников швейцарского Красного Креста была гарантом того, что в дневное время самолеты Уортона будут оставаться на земле. Нет. Боялись, что самолеты с помощью будут перевозить и оружие. Тогда было предложено, чтобы представители Красного Креста наблюдали за погрузкой. Нет. Тогда пусть нигерийский Красный Крест наблюдает за погрузкой. Нет. Оджукву согласился на то, чтобы работники нигерийского Красного Креста сопровождали самолеты в аэропорты Биафры. Нет.

Тогда даже биафрцы не понимали, что никто никогда и не намеревался, и не захочет допустить подобные полеты.

Пока все это тянулось, Церкви упорно, несмотря ни на что, продолжали свой труд, посылая все, что возможно, едва только оказывалось свободное место.

К середине апреля, после изучения совместного доклада о положении дел с протеиновой недостаточностью, полковник Оджукву понял, что для того, чтобы постараться избежать главного несчастья, времени почти не осталось. Как ему объяснили работники благотворительных организаций, проблема заключалась не в том, чтобы купить продовольствие (они были уверены, что это они смогут сделать достаточно легко), а в том, как привезти его в Биафру через блокаду. Это была проблема скорее техническая, чем медицинская, и полковник Оджукву приказал техническому комитету в кратчайшие сроки доложить, какими путями можно будет ввезти в страну продовольствие.

В начале мая этот комитет представил ему свои рекомендации. Существовало три пути, по которым продовольствие можно было ввезти в Биафру: воздушный, наземный и морской. Интенсивность полетов по воздушному мосту, если его придется использовать для ввоза продовольствия, достаточного для того, чтобы справиться с проблемой, должна быть гораздо выше, чем могли обеспечить все самолеты Уортона, да и стоить это будет очень дорого. Доставка по морскому пути, через Порт-Харкорт или вверх по Нигеру будет медленнее, но при нормальном его функционировании по нему можно будет перевозить больший тоннаж продовольствия при меньших расходах. По наземному пути (с учетом того, что продовольствие будет поступать в Нигерию прежде всего морем) придется

перевозить его за сотни миль, через всю страну, затем по оккупированным районам Биафры, а потом по забитым нигерийскими военными транспортами дорогам, непроходимым из-за разрушенных мостов. Это будет медленно, опасно и крайне дорого. Путь этот не давал ни выигрыша в скорости воздушного моста, ни преимуществ и эффективности морского коридора.

Оджукву, на которого произвели впечатления призывы врачей поторопиться, выбрал воздушный мост, как временную меру, и морской путь, если впоследствии он станет возможен, для перевозки главной части грузов. Господин Ягги и другие руководители благотворительных организаций были поставлены в известность об изысканиях технических экспертов и не возражали.

В середине мая Биафра потеряла Порт-Харкорт. Еще около миллиона беженцев хлынуло в центральные районы Области, часть из них была жителями самого города, а часть — беженцами из ранее захваченных районов. Однако, потеря порта не означала переориентации в выборе способов доставки гуманитарной помощи. Чтобы возместить потерю аэропорта Порт Харкорта, открылся аэропорт в Ури, прозванный Аннабел, а с моря доступ к Нигеру и порту Огута был еще свободен, однако при условии, что нигерийцы согласятся приказать своему флоту пропускать пароходы Красного Креста.

В конце мая Международный Красный Крест в Женеве обратился со вторым воззванием, но на сей раз оно было специально адресовано Биафре, поскольку было ясно, что Нигерия не согласится.

Однако, все это время проблема оставалась неизвестна мировой общественности. История все еще не была рассказана. В середине июня Лесли Киркли, директор «Оксфэм», совершил 15-ти дневную ознакомительную поездку в Биафру. То, что он увидел, весьма его обеспокоило. Одновременно Майкл Липмен из газеты «Сан» и Брайан Диксон из «Дейли Скетч» передавали репортажи из внутренних районов Биафры, и именно эти два человека и их фотографы увидели всю историю такой, какая она есть. В последние дни июня первые фотографии маленьких детей, превращенных в живые скелеты, появились на первых страницах лондонских газет.

За весь этот месяц единственным продовольствием, доставленным из внешнего мира, было то его небольшое количество, которое смогло поместиться в незанятом пространстве уортоновского «Сьюпер Констелейшн», прилетевшего из Лиссабона. Но поскольку места в его самолете теперь добивались три организации, то продовольствия, которое

надо было перевозить, явно было гораздо больше, чем самолетов для его транспортировки. В последующие недели все три этих организации купили каждая свои самолеты, но Уортон настаивал на том, что именно он должен обеспечивать их техническое обслуживание и летать на них должны его пилоты. В это время продовольствие начало поступать на кораблях к португальскому прибрежному острову Сан-Томе, который ранее использовался только как пункт дозаправки. Теперь, для перевозки продовольствия в Биафру с этого острова, можно было организовать челночные полеты, а перевозка оружия шла бы другим путем — напрямую из Лиссабона в Биафру. Таким образом, патроны и сухое молоко снова разделились бы по разным отсекам операции Уортон.

Прежде чем уехать из Биафры, господин Киркли дал пресс-конференцию, на которой высказал мнение, что если в течение 6 недель в Биафру не поступит значительное количество продовольствия, то около 400 тысяч детей перейдут в безнадежную стадию болезни и умрут от квашиокоры. Когда его спросили, сколько же нужно продовольствия для того, чтобы избежать этого, он назвал цифру в 300 тонн в день (или в ночь).

В Лондоне это сообщение было опубликовано 2 июля в «Ивнинг Стандарт», но все сочли его «биафрской пропагандой», пока Киркли 3 июля сам не выступил в программе теленовостей Би-Би-Си «24 часа» и не повторил свою оценку. Тем временем медленно раскачивалось британское общественное мнение, разбуженное фотографиями, появившимися в британской прессе. Перед тем как покинуть Биафру, господин Киркли встретился одновременно с господином Ягги и полковником Оджукву, и именно тогда лидер Биафры предложил не «какой-то», а самый лучший аэродром исключительно в распоряжение организаций, осуществляющих гуманитарную помощь. Это окончательно бы отделило воздушные перевозки оружия от перевозок продовольствия и увеличило бы шансы на то, что Нигерия предоставит милосердным самолетам право свободного пролета в дневное время. Господа Ягги и Киркли приняли предложение.

1 июля в Лондоне господин Киркли встретился с лордом Шепердом, а 3 июля — с Джорджем Томсоном. На этих встречах он дал обоим министрам полнейший отчет о величине и масштабах проблемы, необходимости принятия срочных мер, относительных достоинствах трех возможных вариантов транзита гуманитарной помощи, и о предложении специального аэродрома. Поскольку сам Киркли прилетел и улетел из Биафры с аэродрома Аннабел, то он по личному опыту смог проинформировать министров и о том, что этот аэродром может

принимать и тяжелые самолетов типа «Сьюпер констелейшн», и что полеты подобных самолетов идут уже несколько недель. И тут, как считали наблюдатели, у Британии появилась великолепная возможность использовать на благо то свое несомненное влияние, которое, по мнению лейбористского правительства, доставила ему в нигерийской столице продажа оружия Лагосу. Генералу Говону было должным образом послано прошение о разрешении дневных полетов самолетов Красного Креста в Биафру. Его ответ, который пришел во второй половине дня 5 июля и был опубликован в вечерних газетах, был краток и недвусмыслен. Он отдаст приказ сбивать любой летящий самолет Красного Креста. Господин Гарольд Вильсон явно имел под рукой свою моральную лампу солнечного света. В ответной телеграмме господину Лесли Киркли, который возглавлял прибывшую к нему делегацию, просившую Вильсона использовать свое влияние в Лагосе, он ответил, что генерал Говон всего лишь имел в виду, что будет сбивать летящие в Биафру самолеты Красного Креста, не получившие такого разрешения. Поскольку самолетов, получивших от Говона подобное разрешение просто не существовало, то вопрос приобрел чисто академический характер, каким и остается до сих пор.

Британское правительство получило от Нигерии пощечину, и надо было что-то предпринять, чтобы восстановить гармоничное партнерство. Решение пришло 8 июля. Нигерийский министр информации Окои Арикпо созвал в Лагосе пресс-конференцию, на которой предложил вариант наземного коридора. Продовольствие по морю будет подвозиться в Лагос. Отсюда самолетами его переправят в Энугу, находившуюся в руках нигерийцев, а далее оно будет перевезено на грузовиках в некую точку южнее Авги, которую месяц назад заняли федеральные войска. Там продовольствие будет оставлено на дороге, в надежде, что «бунтовщики» придут и заберут его.

Британское правительство и пресса восхваляли это предложение, как жест крайнего великодушия. Никто и не подумал обратить внимание на то, что было одинаково дорого привести корабли в Лагос, Сан Томе, Фернандо По или дельту Нигера; или на то, что нигерийцы постоянно говорили, что из-за погодных условий, нехватки самолетов и летчиков, воздушный путь функционировать не будет; или что у них не было грузовиков для того, чтобы перевозить из Энугу в Авгу ежедневно поступающие грузы; или о том, что вокруг Авги все еще идут ожесточенные бои.

Практически же ничьего согласия на осуществление плана, так тщательно разработанного господином Арикпо, и не

требовалось, поскольку здесь не требовалось и сотрудничества биафрцев. На деле же ни один пакет сухого молока так никогда и не был привезен в Авгу для использования на территории неоккупированной Биафры, или положен на дороге, чтобы «его забрали бунтовщики». Насколько можно понять, никто никогда и не собирался этого делать.

С точки зрения Биафры, это больше не было просто технической проблемой. Внутри страны существовал крайний антагонизм (не со стороны полковника Оджукву, а со стороны простых людей) к самой идее взять какую бы то ни было еду, предоставленную нигерийской армией. Многие говорили, что предпочли бы обходиться вообще без еды, чем брать ее как милостыню, протянутую их мучителями. А затем возник вопрос о яде. Недавно таинственным образом умерло несколько человек, которые купили продовольствие, доставленное честными контрабандистами из-за Нигера, со Среднего Запада. Анализ образцов этой пищи, сделанный в лаборатории госпиталя в Ихиале, выявил наличие белого мышьяка и других ядовитых веществ.

За границей это сообщение высмеяли, однако независимые иностранцы в самой Биафре, в частности журналист Энтони Хейден-Гест, провели свое расследование и пришли к мнению, что это вовсе не пропаганда.[31] В физическом отношении причиненный вред был невелик, но с точки зрения психологической — огромен. Для многих людей еда из Нигерии означала отравленную еду, и не все эти люди были биафрцами. Ирландский священник сказал: «Я не могу дать маленькому ребенку чашку молока, которое, как я знаю, пришло из Нигерии. Как бы ни был минимален шанс на то, что он отравится, шанс этот все-равно слишком велик». [32]

Самым главным был вопрос военный. Командиры докладывали полковнику Оджукву о том, что наблюдалось крупное накапливание нигерийского военного снаряжения, поступавшего из Энугу в Авгу, и что для них ослабить линию обороны, чтобы пропустить через нее гуманитарную помощь, означало бы попросту открыть беспрепятственный проход в центр Биафры. Могут ли они быть уверены, что нигерийская армия не воспользуется этим, чтобы прорваться и пустить в эту брешь броневики, солдат и винтовки? Из всего предыдущего опыта явствовало, что нет.

На пресс-конференции в Абе 17 июля полковник Оджукву ясно обозначил свою позицию. Он хотел установления воздушного моста в наиболее сжатые сроки, поскольку это был самый быстрый способ сделать дело. Он предложил либо

нейтральный путь вверх по Нигеру, либо демилитаризованный сухопутный коридор из Порт-Харкорта до линии фронта, для подвоза основной части грузов. Он не мог согласиться ни на то, чтобы поставки продовольствия шли через руки нигерийцев, без наблюдения и сопровождения нейтрального иностранного персонала, ни на коридор, который будет под контролем только нигерийцев. Ночью, по приглашению Комитета по Нигерии Организации Африканского Единства, Оджукву вылетел в Ниамей, столицу республики Нигер. И здесь он снова во всех деталях разработал все возможные варианты выбора при условии, что заинтересованные стороны действительно хотят решить проблему, а не поиграть в политику.

В Британии план Энугу-Авгу всеми силами поддержало правительство. Альтернативные предложения были поспешно отброшены прочь. Правительство, все сильнее ощущавшее недовольство общественности, предложило 250 тысяч фунтов Нигерии как помощь в разрешении этой проблемы. Несмотря на то, что все варианты выбора и их техническая экспертиза были либо известны, либо доступны для изучения, правительство решило направить лорда Ханта в поездку по Нигерии и Биафре, чтобы решить, как лучше распределить британские пожертвования.

Полковник Оджукву ответил на это, что его народ не желает принимать помощь или деньги от правительства господина Вильсона, учитывая то, что предложенная сумма составляет менее 1 % от продажи того оружия, которое в первую очередь явилось причиной всех несчастий, и что до тех пор, пока поставки оружия продолжаются, биафрцы считают, что у благотворительного молока, полученного от британского правительства, отвратительный вкус.

В то же самое время Оджукву ясно дал понять, что помощь народа Британии будет принята с искренней признательностью. А поскольку миссия лорда Ханта была связана с тонкостями распределения именно правительственного дара, то в его приезде в Биафру не было смысла.

Некоторые наблюдатели в Биафре полагали, что это решение было слишком поспешным, поскольку лорд Хант и его спутники, посети они Биафру, могли бы увидеть возможность осуществления воздушного моста в Аннабел. Но полковник Оджукву знал, что население Биафры было в основном против визита Ханта. Он чуть было не изменил свое решение, но предвзятое заявление господина Томсона о том, что мировое общественное мнение горько осудит Оджукву, если он не согласится на установление коридора в Авге, сделало для

полковника возможным один единственный путь: твердо придерживаться первоначального решения.

Итак, в течение двух недель лорд Хант ездил по фронтам на нигерийской стороне, но не имел возможности выслушать доводы иные, чем в поддержку коридора в Авге; решение, которое собиралось поддерживать и британское правительство, о чем было заявлено в отсутствие лорда. После чего полезность его докладов представляется весьма сомнительной. В последующие недели и месяцы стало как-то маловероятно, что продовольствие на 250 тысяч фунтов может хоть когда-нибудь быть доставлено голодающим за нигерийские позиции, не говоря уж, чтоб «через» них.

Кое-кто в Британии все-таки понял тревоги биафрцев. 22 июля в Парламенте, в Палате Общин, протестуя против продолжающейся продажи оружия, господин Хью Фрезер сказал: «Во имя человечности, будет безумием поставлять орудия войны, которые превратят коридоры милосердия в дороги резни».

Чтобы успешнее отстаивать идею коридора Авгу, нужно было покончить с вопросом о воздушном мосте, в частности очернить возможность использования аэропорта Аннабел, который к этому времени уже называли его настоящим именем — Ули. Что и было должным образом проделано. Джордж Томсон отозвался об Ули, как о «покрытой травой ухабистой полосе». Кроме господина Киркли, буквально в миле от Уайтхолла было очень много журналистов, которые могли бы засвидетельствовать, что Ули это вовсе не «покрытая травой ухабистая полоса», и может принимать тяжелые самолеты. Их опыт не потребовался, и когда в Министерство по делам Содружества были направлены точные технические характеристики аэропорта в Ули, от них поспешно и ловко отмахнулись.

Взлетно-посадочная полоса Ули в длину имеет 1828,8 метров, что вдвое длиннее полосы в Энугу и составляет почти половину полосы Порт-Харкорта. Она имеет 22,86 метров в ширину, чуть меньше, чем хотелось бы летчику, но достаточно для большинства типов шасси. Допустимая нагрузка на полосу равняется 75 тоннам. Этот аэродром был построен тем же самым биафрцем, который до Независимости был ведущим инженером проекта сооружения взлетно-посадочных полос международных аэропортов Лагоса и Кано.

Тем не менее, кампания, проводимая британским правительством, подействовала, и миллионы обманутых британцев полагали, что полковник Оджукву при любых условиях отказался от сухопутного коридора, а следовательно он ответствен за все те смерти, которые еще будут в Биафре.

На самом же деле, Оджукву никогда, ни в прямой, ни в косвенной форме, не получал от нигерийцев никаких формальных предложений об установлении коридора Авгу. После пресс-конференции господина Арикпо, окончательно сбившей всех с толку, все дело было предано забвению. На встрече с нигерийцами в Ниамее биафрцы снова вспомнили об этом коридоре, но когда были выслушаны доводы сторон в пользу различных альтернативных вариантов, нигерийцы поняли, что даже если принимать в расчет только саму по себе осуществимость того или иного проекта, то предложения биафрцев и здесь были гораздо лучше. Тогда они полностью пошли на попятный и заявили биафрцам, что решили уморить их голодом. Все это более подробно описано в последней главе.

Однако, возвратившийся из Ниамея в Лагос глава нигерийской делегации на переговорах, господин Элисон Айида дал интервью газете «Обсервер», которая 28 июля 1968 года опубликовала следующее: «По заявлению господина Айида биафрцы были готовы согласиться на наземный коридор, даже не получив согласия на их собственную просьбу о дневном воздушном коридоре в Биафру: при условии, что охраняться этот коридор будет международными полицейскими силами».

После того как представитель Нигерии в Ниамее так ясно, раз и навсегда, высказал намерение своего правительства, любая реальная надежда на достижение соглашения о том, чтобы на самолетах, грузовиках или кораблях перевезти в Биафру продовольствие, была окончательно похоронена. Трудно понять почему вообще в таком случае была такая суета вокруг переговоров о сухопутном коридоре. Единственным способом доставки продовольствия оставались ночные полеты, а это, во всяком случае с технической точки зрения, прорывало блокаду. Поняли это только Церкви, и безо всякой рекламы или шумихи спокойно перевозили на самолетах столько продовольствия, сколько могли. К этому времени каждая из церковных организаций купила свои собственные самолеты, но Уортон все еще держал их под своим контролем, поэтому церкви хотели начать действовать самостоятельно.

Трудность заключалась в том, что сам Уортон не принимал и мысли о том, что потеряет монополию на полеты в Биафру. Церкви не могли нанять собственных пилотов и технический персонал, чтобы начать самостоятельные полеты еще и потому, что только пилоты Уортона знали жизненно важные опознавательные посадочные сигналы, которыми дружественные самолеты обозначали себя контрольной башне Ули. Даже биафрцы не решались бросить вызов Уортону, нарушив его

монополию, потому что от него зависела прежде всего доставка оружия. Но в конце концов они решились передать сигнальные коды Красному Кресту и Церквям. Это было не так просто. Один из пилотов Уортона просто-напросто не пустил в самолет биафрского эмиссара, летевшего в Сан-Томе, потому что этот пилот (вполне обоснованно) заподозрил, что у того были в кармане коды. Наконец при помощи одного из членов делегации, летевшей из Биафры через Габон в Аддис-Абебу на мирную конференцию, коды были тайком переправлены, и в эфиопской столице переданы представителю Красного Креста, который потом передал их Церкви.

Имело ли это нарушение его монополии какую-то связь с позднейшими махинациями Уортона, когда в Биафру не были доставлены боеприпасы, так необходимые ей в конце августа, когда уже началось нигерийское «решительное наступление», на этот вопрос может ответить только сам Уортон.

15 июля нигерийцы вели огонь из зениток, поставленных на специальные суда в бухтах на юге Биафры, и пилоты Уортона решили, что здесь становится слишком жарко. Они отбыли, и в течение 10 дней в Ули не прилетал ни один самолет. Полеты снова возобновились только 25 июля, после неких заверений, подкрепленных твердой валютой.

31 июля Красный Крест, наконец, начал собственные полеты из Фернандо-По, бывшего тогда испанской колонией и расположенного гораздо ближе к Биафре, чем Сан-Томе: его отделяло от побережья всего 40 миль, по сравнению со 180 милями до португальского острова. Но Фернандо-По должен был 12 октября получить независимость, и настроения будущего африканского правительства были неизвестны. В конечном итоге, на выборах победила не та партия, что ожидалось, и впоследствии она оказалась не склонна к сотрудничеству; положение дел, в котором был здорово повинен нигерийский консул на острове, оказывавший постоянное давление на правительство.

Международный Красный Крест подвергался сильной критике как обеих сторон в конфликте, так и журналистов Они обвиняли его в том, что было мало сделано, что больше денег было потрачено на административные заигрывания, чем на дело; в том, что он слишком старался не наступить на политические мозоли, а не доставлять гуманитарную помощь.

Но и положение Красного Креста было не из легких. В соответствии с Уставом они должны были соблюдать строжайший нейтралитет. И этот нейтралитет нужно было не только и не столько соблюдать, как все должны были видеть, что он

соблюдается. Конечно, работники Красного Креста могли бы быть более активными и делать меньше ошибок, работая по обе стороны фронта. Но операция подобного масштаба и объема была предпринята впервые. К Международному Красному Кресту были прикомандированы команды из разных стран, в то время как другие команды из тех же самых стран работали под флагом своего собственного Красного Креста. Таким образом, в Биафре было две французские команды — одна при МКК, а другая — посланная французским Красным Крестом. Усилия были зачастую разрозненны и несогласованны. Для того, чтобы навести некоторый порядок в делах, МКК обратился с просьбой к Августу Линдту, послу Швейцарии в Москве и бывшему старшему чиновнику ООН по вопросам беженцев и голода, приехать и возглавить всю работу.

В ответ на обычные обвинения в адрес МКК в том, что они недостаточно энергично устраняют препятствия, один усталый его представитель в Биафре сказал: «Послушай, здесь, в Биафре мы получаем все необходимое нам содействие. Но на другой стороне они вполне ясно дали нам понять, что мы им не нужны Им не нравится то, что мы делаем, т. е. спасаем людей, которых многие из них в душе хотели бы видеть мертвыми, и им не нравится наше присутствие, потому что оно мешает им делать некоторые вещи, которые, как мы думаем, они хотели бы сделать с гражданским населением. Если мы будем с ними слишком спорить, то они просто могут приказать нам убираться. Отлично в таком случае мы в течение целого дня будем на первых полосах газет. Но как быть с миллионом человек за нигерийской линией фронта, жизнь которых поддерживает наше продовольствие? Что будет с ними?»

Но вот одно достаточно разумное критическое замечание, которое можно высказать. МКК в Женеве понадобилось катастрофически много времени, чтобы проснуться и начать действовать. Хотя с самых первых дней господин Ягги постоянно информировал их о том, что ситуация не терпит промедлений, и хотя суммы, поступавшие из различных источников в течение всего июля, составляли примерно миллион долларов, первый самолет, полностью принадлежавший Красному Кресту, вылетел в Ули только в последний день месяца. Даже в августе, уже осуществляя свои собственные воздушные перевозки, Красный Крест переправил только 219 тонн продовольствия, тогда как Церкви, имея гораздо меньше денег и все еще завися от Уортона в транспортировке грузов, переправили более тысячи тонн. Но так как необходимый по общему мнению тоннаж в 300 тонн за ночь означал, что это общее количество должно доставляться раз в 4

дня, то мрачные предсказания Киркли начали сбываться.

Целью этой главы не является яркое описание картин людских страданий; это скорее хроника событий, чья цель объяснить озадаченному читателю, что же произошло на самом деле. Кроме того, эти картины люди уже видели — в газетах, по телевидению — а еще читали крайне эмоциональные описания очевидцев-журналистов и писателей. Достаточно будет краткого резюме.

К июлю было создано 650 лагерей беженцев, в которых собралось примерно 70 тысяч изможденных людских обломков, безнадежно ждущих еды. За пределами лагерей оставалось еще примерно 4,5–5 миллионов перемещенных лиц, самовольно расселившихся в буше. По мере того как цены на имевшееся продовольствие росли, начали страдать от голода не только беженцы, но и местные жители неоккупированных районов.

Приводились до крайности противоречивые цифры уровня смертности. Автор попытался хоть как-то согласовать оценки, полученные из наиболее осведомленных источников в Красном Кресте, Всемирном Совете Церквей и «Каритас Интернейшнл», а также от монахинь и священников, которые выполняли огромную работу на местах по раздаче продовольствия в деревнях и буше.

В июле и августе политики позировали, а дипломаты хитрили и изворачивались. Сухопутный коридор, даже если бы он и был организован в этот период, скорее всего не мог бы быть использован по назначению. Поступали пожертвования от британских и европейских частных лиц, многие правительства, в частности скандинавские, частным образом давали понять, что не останутся равнодушны к просьбам Красного Креста о предоставлении во временное пользование грузового самолета с экипажем, если такая просьба поступит.

Женевский Красный Крест предпочел начать переговоры с частной фирмой, пилоты которой заявили, что полетят в Биафру только в том случае, если Нигерия гарантирует им безопасность полета, и запросить у Лагоса такую гарантию. Как обычно, они получили отказ.

Как и предсказывалось, уровень смертности постоянно повышался. От первоначальной цифры примерно в 400 человек в день, в самый свой пик он достиг, по оценкам четырех главных иностранных организаций по оказанию гуманитарной помощи, уровня в 10 тысяч человек в день. В июле и августе подвоз продовольствия был крайне невелик. Тогда как некоторые люди умирали в лагерях и эти смерти можно было зафиксировать, гораздо большее число смертельных случаев приходилось на деревни, куда вовсе не поступала никакая гуманитарная помощь.

И как это часто случается, самая душераздирающая задача и самая грязная работа пришлись на долю католиков.

В человеческом языке нет слов, чтобы выразить или описать героизм священников Ордена Святого Духа или монахинь Ордена Святых Четок, приехавших из Ирландии. Когда приходится видеть перед собой двадцать истощенных детей в поздней стадии квашиокоры, которых принесли к тебе, а ты знаешь, что еды у тебя хватит только на то, чтобы дать шанс на выживание только десяти, тогда как для остальных нет никакой надежды, и видеть это изо дня в день, подвергаться бомбежкам и обстрелам, быть усталым, грязным, голодным и продолжать работать — все это требует такой отваги, какой нет у многих людей, чья грудь увешана боевыми наградами.

К концу 1968 года по примерной оценке количество умерших на территории Биафры равнялось 3/4 миллиона, а по самым сдержанным оценкам — 1/2 миллиона. Красный Крест, чьи коллеги работали по ту сторону фронта, докладывал примерно о 1/2 миллиона умерших в районах, оккупированных нигерийскими войсками.

Надо сказать, что большое количество продовольствия, закупленного на деньги, собранные в Британии, Западной Европе и Америке, которое не поступило непосредственно в Биафру, до голодающих не дошло вообще. В то время как такие репортеры как Стенфорд и Мойес Томас из «Мировых Новостей» в июне и июле в своих репортажах рисовали картины человеческой деградации, которым они были свидетелями в Икот Эпене, городе Ибибио, о котором в Лагосе вполне справедливо утверждали, что он уже в течение 12 недель находится в их руках; другие журналисты с чувством крайней неловкости сообщали из Лагоса о том, что ящики с продовольствием, купленным на пожертвования, гниют в доках. Работники Красного Креста в Лагосе жаловались на то, что им намеренно чинят препятствия на всех уровнях.

Несмотря на это, люди из Красного Креста потом рассказывали о спокойных усилиях британской дипломатии, предпринимавшихся в августе и сентябре, с тем чтобы убедить МКК прекратить прямую помощь Биафре на том основании, что с ней все равно покончено, и передать решение проблемы на нигерийской стороне нигерийскому Красному Кресту, который, по их словам, был «более расторопен».

В первую неделю августа 1968 года две церковные благотворительные организации, получив от Красного Креста жизненно важные посадочные коды, так же отделились от Уортона и начали самостоятельные полеты, однако все еще с Сан-

Томе. 10 августа, не слушая никаких советов, граф Карл Густав фон Розен, шведский пилот-ветеран из «Трансфер», вылетел в дневной полет, чтобы доказать, что это возможно. Это был первый полет под флагом еще одной благотворительной организации — Помощь Северной Церкви, осуществленный совместно со скандинавской и Западно-Германской протестантскими церквями. Впоследствии все три эти организации работали в Сан-Томе под единым названием «Совместная церковная помощь».

Тем временем вспомнили про предложение биафрцев о специальном аэродроме, по мере того как пропадала надежда получить разрешение Нигерии на дневные полеты в Ули. Был аэродром и взлетно-посадочная полоса в Обилагу, но там не было достаточного электрооборудования и полноценной контрольной башни. Красный Крест согласился наладить все это за свой счет, и работы начались 4 августа. 13 августа было подписано соглашение между полковником Оджукву, от правительства Биафры, и господином Ягги, от Красного Креста. В этом соглашении оговаривалось, что каждая сторона может по собственному усмотрению аннулировать его, однако пока соглашение остается в силе, аэропорт должен оставаться демилитаризованным.

Господин Жак Криллер, женевский архитектор, стал комендантом аэродрома от Красного Креста. Первое, что он сделал, это настоял на выводе всех солдат и военной техники, включая и зенитные орудия, за пределы аэропорта на расстояние пяти миль от центра взлетной полосы. Биафрские военные высказали протест, поскольку при переносе позиций нигерийских войск всего только на 13 миль вперед, оборона аэропорта была бы этим самым непоправимо нарушена. Полковник Оджукву поддержал Криллера, и зенитки переместили. Затем Криллер нарисовал белой краской три круга, с большими красными крестами внутри, диаметром в 60 футов, на равном расстоянии друг от друга по всей длине взлетной полосы. Приняв таким образом меры предосторожности, он устроил свою резиденцию в палатке на краю взлетной полосы. 20, 24 и 31 августа аэропорт подвергся бомбардировке и ракетному обстрелу — прямо по целям. Полдюжины местных грузчиков было убито, многие другие ранены.

1 сентября 1968 года в аэропорту приняли первый самолет из Фернандо-По. Красный Крест, который все еще пытался получить в Лагосе разрешение на дневные полеты, почувствовал, что его позиции весьма укрепились теперь, когда у него был свой собственный аэродром. Однако в ответ все равно получил отказ. Затем, 3 сентября Лагос мнение свое изменил или сделал вид, что

изменил. Дневные полеты будут разрешены, но не в Обилагу, а только в Ули.

Красный Крест вежливо указал на тот факт, что самолеты с продовольствием теперь больше не направлялись в Ули, а только в Обилагу, и заявил, что если целью полетов была доставка максимального количества продовольствия для спасения жизни людей, тогда дневные полеты должны направляться в Обилагу. Советники же полковника Оджукву пытались осмыслить это внезапное и удивительное для них решение Нигерии в ином аспекте.

Почему Ули и только Ули, вот что они хотели знать; и после обдумывания пришли к одному ответу. Хотя Ули часто подвергался налетам именно в дневное время, когда он не использовался по назначению, огня биафрских зениток, хотя и не слишком точного, все-таки было вполне достаточно, чтобы заставить нигерийские бомбардировщики летать на большой высоте, и таким образом снижалась точность бомбометания. В результате взлетная полоса не была повреждена тяжелыми бомбами, а небольшие воронки от ракет истребителей МИГ было легко засыпать. Но если днем зенитки замолчат, чтобы позволить приземлиться тяжелым ДС-7, перевозящим продовольствие с Фернандо-По и Сан-Томе, то будет достаточно одного единственного нигерийского грузового самолета советского производства, такого например как те АНы, которые иногда можно было видеть высоко в небе с 5000 фунтовыми бомбами под крыльями, для того, чтобы проделать во взлетной полосе такую дыру, из-за которой аэропорт закроется как минимум на пару недель. Поскольку нигерийцы вошли в Абу и готовили крупное наступление на Оверри, а биафрцы, которым отчаянно не хватало боеприпасов, глаза себе проглядели, высматривая самолеты с оружием, полковник Оджукву не мог пойти на риск разрушения аэропорта, через который это оружие поступало.

16 сентября нигерийцы осуществили прорыв к Огуте и взяли город. Хотя через 48 часов их из города выбили, Оджукву пришлось аннулировать соглашение об эксклюзивности аэропорта Обилагу. Когда был занят Огута, находившийся в от ясной близости к аэродрому Ули, Ули был эвакуирован. Он снова открылся для полетов 14 сентября, но когда наконец начали прибывать самолеты с оружием, Оджукву пришлось дать разрешение на их посадку в Обилагу. С этого момента самолеты с продовольствием и самолеты с оружием на равных основаниях принимали оба аэродрома. Не то чтобы это имело слишком уж большое значение, поскольку в этот период нигерийцы по ночам не бомбили, да и в ближайшем будущем не было никаких шансов

получить разрешение на дневные полеты. 27 сентября, после мощного наступления 1 Нигерийской дивизии, Обилагу был взят, и Ули снова стал единственным действующим аэродромом.

С этого времени Лагос снова предложил разрешить дневные полеты для самолетов с гуманитарной помощью. Оджукву снова широко обвиняли в том, что он от этого отказался, и следовательно голод целиком и полностью лежит на его совести. А Оджукву заявил, что согласится на дневные полеты с посадкой в любом другом аэропорту, потому что не может подвергать Ули опасности бомбежек.

Весь период до конца года — с 1 октября до 31 декабря — полеты продолжались ночью — в Ули. В октябре Канада сдала в аренду Красному Кресту грузовой самолет «Геркулес» с допустимой загрузкой в 28 тонн за один вылет. Рассчитывая на два его вылета в ночь, Красный Крест разработал оптимистический план на ноябрь. Но сделав 11 вылетов, «Геркулес» по приказу из Оттавы полеты прекратил, а потом и вовсе улетел обратно. В декабре американское правительство предложило 8 транспортных самолетов «Глобмастер», каждый с допустимой загрузкой более 30 тонн: 4 для Красного Креста и 4 для церквей. На эти самолеты, которые должны были начать полеты после Нового года, возлагались большие надежды.

Но также в декабре правительство Экваториальной Гвинеи, которая теперь управляла Фернандо-По, проинформировало Красный Крест, что больше не может снабжать их дизельным маслом для грузовиков или баллонами с кислородом для хирургических операций. Эта перемена в отношении началась, по-видимому, с той ночи, когда гвинейский министр внутренних дел в пьяном виде завернул на аэродром в компании нигерийского консула и поднял там страшный скандал, во время которого один из пилотов высказал все, что он о них думает.

В октябре начались ночные бомбежки аэродрома Ули. Бомбили с поршневых грузовых самолетов нигерийских ВВС, которые каждую ночь два или три часа с гудением летали над головами и через неравные интервалы сбрасывали тяжелые бомбы. Они не были особо опасны, потому что не могли отыскать аэродром в темноте, когда все огни были погашены. Но было крайне неудобно лежать, уткнувшись носом в пол пассажирского зала ожидания, и часами ждать очередного пронзительного звука, когда бомба падала на соседний лес. Было такое чувство, как будто против своей воли играешь в русскую рулетку.

К концу ноября эпидемия квашиокоры была взята под контроль, хотя и не совсем остановлена. Большинство выживших детей, хотя они и выздоравливали, могли заболеть снова, если бы

полностью прервалась тоненькая нить продовольствия. В декабре возникла новая опасность — корь. По Западноафриканскому побережью эпидемии кори среди детей возникают регулярно, и обычно смертность от нее бывает где-то на уровне 5 %. Но британские врачи, которые работали в Западной Африке, считают, что в военных условиях этот процент возрастает скорее до 20.

Полтора миллиона детей должно было заболеть корью в январе, а это увеличило бы предполагаемый процент смертности среди детей еще на 300 тысяч человек. Буквально в самый последний момент, с помощью ЮНИСЕФ и других детских фондов, была доставлена нужная вакцина, запакованная в специальные мешки для поддержания низкой температуры, и началась полноценная вакцинация.

С приближением Нового года становилось ясно, что следующей проблемой станет нехватка основных углеводородных продуктов, таких как ямс, кассава и рис. Январский урожай обещал быть невысоким, отчасти от того, что в некоторых районах семенной ямс предыдущего урожая был съеден, отчасти от того, что несозревший урожай был собран раньше времени и тоже съеден. Были предприняты усилия, с тем, чтобы привезти и эти продукты тоже, но из-за их большого веса для перевозки требовалось гораздо большее количество самолетов с большей грузоподъемностью или энергичные усилия, чтобы убедить нигерийцев разрешить подвоз продовольствия по Нигеру.

Все попытки и усилия спасти детей Биафры были одновременно и героическим и страшным делом, ведь несмотря ни на что, ни одна посылка с продовольствием так никогда и не попала в Биафру «легальным» путем. Все, что ввозилось, ввозилось с нарушением нигерийской блокады. За 6 месяцев с того времени, как господин Киркли определил конечный срок в шесть недель и минимальное необходимое количество продовольствия в 300 тонн за ночь, Красный Крест ввез в Биафру 6847 тонн, а объединенные церкви — около 7500 тонн. За 180 ночей, когда можно было осуществлять полеты, это 14374 тонны продовольствия, то есть всего 80 тонн за ночь. Но даже эта цифра обманчива. В первые 50 дней после 1 июля, когда продовольствие было действительно необходимо и могло бы спасти две или три сотни тысяч детских жизней, буквально ничего привезено не было.

Страшнее, чем погромы 1966 года, страшнее, чем смерть на войне, страшнее, чем ужас бомбежек, было то чувство, когда бессильно смотришь, как истаивают и умирают твои дети. Это породило в народе Биафры глубокую и незатухающую ненависть

к нигерийцам, их правительству и правительству Британии.

Это то чувство, которое однажды принесет свои горькие плоды, если только два народа не будут жить на разных берегах реки Нигер.

Британское правительство, под прикрытием заявлений о том, что делается все для улучшения положения, после грубого нагоняя, полученного 5 июля, делало все, что хотела Нигерия. Отнюдь не пытаясь использовать все свои возможности для того, чтобы убедить Лагос пропустить продовольствие для Биафры, правительство делало как раз обратное. Господин Ван Валсум, глубокоуважаемый бывший мэр Роттердама, бывший член парламента и сенатор, в настоящее время являющийся Председателем голландского национального комитета по оказанию помощи Биафре, однажды публично заявил, что готов клятвенно подтвердить истинность тех сообщений, в которых говорилось, что британское правительство и Государственный Департамент США в августе-сентябре оказывали «сильное политическое давление» на Красный Крест в Женеве, с тем, чтобы прекратить оказание любой помощи Биафре. Проверка, проведенная британскими журналистами непосредственно в штаб-квартире МКК в Женеве, подтвердила заявление Ван Валсума.

Может быть, в будущем более полное расследование покажет, что попытки правительства Британии помешать поставкам гуманитарной помощи беспомощным африканским детям, было самым подлым во всей их постояно подлой политике.

Мирные конференции

18 месяцев войны — с июля 1967 года до декабря 1968 — были отмечены тремя мирными конференциями, которые все закончились безрезультатно. Их провал никого не удивил, и меньше всего тех, кто был на стороне Биафры. Предварительным необходимым условием любой мирной конференции, если она должна закончиться успешно, является то, что обе стороны должны ipso facto быть убеждены, что данный конфликт более не разрешим военными средствами, доступными им, и что переговорное решение не только желательно, но и во многом неизбежно.

Те, кто не участвует в конфликте непосредственно, но хочет чтобы конференция завершилась успешно, а их роль в урегулировании конфликта стала чем-то большим нежели простая софистика, должны сделать все, что в их силах, для приведения сторон к согласию. Потому что если любая сила вне

конфликта, с одной стороны, выражает желание добиться мирного договорного его решения, а с другой одновременно снабжает одного из партнеров причиной, по которой он может эту точку зрения не разделять, тогда это просто лицемерие.

Что касается трех нигерийско-биафрских конференций, то и Британия и Америка действовали по дипломатическим каналам, а Британия еще и оказывала практическое давление, для того, чтобы укрепить Нигерию в ее начальной уверенности, что полное военное решение проблемы возможно, осуществимо и вполне ей по силам, тогда как решение вопроса договорным путем ни в коей мере неизбежностью не является. И в результате, уже в первые часы после открытия каждой из конференций нигерийцы показали, что их делегация присутствует здесь только для того, чтобы обсудить условия капитуляции Биафры. Поскольку согласия на такую основу для переговоров не было, то война должна была неизбежно продолжаться и продолжалась. Часть ответственности за такой ход дел следует возложить на вышеупомянутые две державы и на пассивность африканских государств, которые позволили затащить себя в политику типа «руки прочь», в том, что касалось проблемы, ставшей пятном на репутации целого континента.

Первая конференция явилась результатом некоторой дипломатической активности Секретаря по делам Содружества, господина Арнольда Смита, любезного канадца, у которого был большой запас доброй воли и мало проницательности. После многочисленных контактов в Лагосе, ранней весной 1968 года он наконец сказал биафрцам, что нигерийцы готовы пойти на мирные переговоры. Поскольку именно на такой поворот событий биафрцы надеялись в течение всей войны, то они согласились, и была достигнута договоренность о предварительных переговорах в Мальборо Хауз, Лондон, для согласования формулировки будущей конференции.

В этот период Нигерия находилась в трудном положении. Несколько попыток взять Порт-Харкорт со стороны моря провалились, и командир Третьей дивизии обещал, что сможет захватить город к концу мая.

Пока Третья дивизия продолжала свое тяжкое продвижение через болота к Порт-Харкорту, на дипломатическом фронте положение изменилось самым тревожным образом. 13 апреля Танзания признала Биафру в качестве суверенного государства. Это настолько же воодушевило биафрцев, насколько деморализовало нигерийцев, всех вплоть до солдат пехоты. Именно в такой ситуации, когда Берег Слоновой Кости и Габон подумывали последовать примеру Танзании, нигерийцы и

намекнули господину Смиту на то, что они готовы сесть за стол переговоров. Биафрцы сразу же предположили, что самым подходящим для такого поведения словом было бы слово «увертка», поскольку возможное падение Порт-Харкорта вполне могло снова изменить дипломатические тенденции в Африке. Так оно и оказалось.

Предварительные переговоры начались в Лондоне второго мая. Делегацию Биафры возглавлял Главный судья, сэр Льюис Мбанефо, а нигерийскую делегацию — вождь Энтони Энахоро. На обсуждение были вынесены вопросы о месте проведения конференции, ее председателе, иностранных наблюдателях (если таковые понадобятся) и повестке дня. Подозрения биафрцев, что конференция была всего лишь отвлекающим маневром, подтвердились с самого начала. Сэр Льюис сказал Смиту, что по его убеждению, переговоры просто не могут окончиться успешно. Во-первых, Британия отказалась приостановить поставки оружия Лагосу даже на время их проведения, жест, который нигерийцы истолковали вполне правильно; и во-вторых, из-за состава нигерийской делегации.

Кроме вождя Энахоро, в нее входили: альхаджи Амино Кано, северянин, который явно не принадлежал к северному истеблишменту и не мог говорить от имени Северной Нигерии; и три биафрца-коллаборациониста: Асика — Ибо, назначенный Лагосом управлять землями Ибо; бригадный генерал Джордж Курубо — Риверс, от которого отказался его собственный народ и который когда-то был бригадным генералом армии Биафры, прежде чем дезертировал в Лагос, когда ему предложили стать послом Нигерии в Москве; и Икпеле — Эфик из Калабара, который был там представителем Лагоса в самый разгар репрессий против Эфиков в конце ноября-декабря.

Это скорее напоминало делегацию Южного Вьетнама, появившуюся в Париже с тремя вьетконговскими дезертирами в качестве делегатов. Можно представить, какова была реакция Вьетконга и делегации Северного Вьетнама.

Но сознавая, что эти люди ни при каких обстоятельствах не имеют права говорить от имени народа Нигерии, сэр Льюис все-таки продолжал свою работу. Местом проведения конференции был назван Дакар, но Энахоро отверг его, не выдвинув никакого альтернативного варианта. После трехдневных проволочек сэр Льюис попросил Энахоро представить список городов, приемлемых для Лагоса, добавив, что надежда Нигерии на то, что будет выбран Лондон, совершенно беспочвенна, до тех пор, пока Британия продолжает поставлять Нигерии оружие.

Энахоро представил список 17 столиц стран Содружества, и

сэр Льюис выбрал Кампалу, которая была, кроме всего прочего, и его собственным вторым вариантом. Однако, он держал это в тайне. Загнанный в угол Энахоро согласился на Кампалу, столицу Уганды. Биафра хотела, чтобы на переговорах был председатель и три независимых иностранных наблюдателя, потому что после Абури стало ясно, что на встречах подобного рода необходимо иметь свидетелей. Энахоро не хотел ни первого, ни второго и предложил урегулировать этот вопрос в Кампале. Сэр Льюис согласился. После дальнейших проволочек перешли к обсуждению повестки дня.

Сэр Льюис предложил повестку из двух пунктов: соглашение о прекращении огня и более продолжительные переговоры об условиях и форме будущего объединения сторон, иными словами — политическое решение. Энахоро же предложил повестку дня из 7 пунктов, которые сводились к простому обсуждению путей и средств полной и безоговорочной капитуляции Биафры. Сэр Льюис выразил протест, заявив, что прекращение огня было главной целью переговоров, и что без обсуждения этого вопроса переговоры будут в любом случае обречены на провал. Кроме того, он указал на тот факт, что первоначальное предложение, переданное через господина Смита, касалось именно переговоров о прекращении огня, безо всяких предварительных условий. Была, в конце концов, принята повестка дня из двух пунктов.

Сама конференция открылась в Кампале в четверг 23 мая 1968 г. К этому дню передовые части нигерийской армии вошли в Порт-Харкорт, и конференция превратилась в чисто академическое занятие. Два дня ушло на то, чтобы договориться о том, что на конференции не будет председателя, а только один наблюдатель. Биафрцы предложили президента Милтона Оботе, поставив нигерийцев в такое положение, что надо было либо уступить, либо оскорбить президента. Они согласились, и доктор Оботе назначил своего министра иностранных дел Саймона Одаку присутствовать на заседаниях. В субботу нигерийцы пожаловались, что пропал один из их секретарей, Джонсон Банджо, и они не могут поэтому продолжить работу, пока не будет найден блудный стенограф. К этому времени переговоры стали напоминать комическую оперу, а в Умуахье разгневанный полковник Оджукву отозвался о них, как о скверном фарсе. В воскресенье утром Энахоро не мог возобновить переговоры потому, что он ходил в церковь, а на вторую половину дня и вечер он придумал еще две отговорки. Он попросил о встрече президента Оботе, а затем провел частную беседу с сэром Льюисом. Это ни к чему не привело. В четверг Энахоро выдвинул предложения из 12 пунктов по детальному обсуждению

капитуляции Биафры, разоружения ее войск, управления территорией и участи ее руководителей. Сэр Льюис напомнил Энахоро, что они находятся в Кампале для обсуждения условий прекращения огня, как первого пункта повестки дня, а затем и политического урегулирования. Энахоро упорно цеплялся за свои предложения, которые перевернули с ног на голову всю повестку дня. К этому времени стали известны подробности взятия Порт-Харкорта, и надежды на какие-то перемены в умонастроениях лагосского правительства в сторону мирного урегулирования были потеряны. А пока в Лондоне и Кампале шли переговоры, еще три страны признали Биафру: Берег Слоновой Кости — 8 мая, Габон — 14 мая и Замбия — 20 мая. Однако, известия о взятии Порт-Харкорта, пришедшие в Кампалу между 23 и 27 мая, свели на нет всякую надежду на то, что эти признания смогут хоть в чем-то изменить политику Нигерии.

В то время многие полагали, что потеря аэропорта в Порт-Харкорте, который был захвачен через несколько дней после города, отрежет Биафру от внешнего мира и от поставок оружия. Предполагалось, что в этом случае сопротивление Биафры продлится не более двух недель.

Однако, сам факт этого дипломатического признания, хотя и недооцененный ликующими нигерийцами, сильно обеспокоил правительства Британии и США. Они тут же развили бурную закулисную дипломатическую активность, чтобы отговорить от подобного шага любую другую страну, у которой могло бы появиться желание последовать этому примеру.

Господин Альфред Палмер, заместитель госсекретаря США по африканским делам и бывший посол в Нигерии, совершил поездку по Западной Африке, решительно выступая, как публично так и в частных беседах, против Биафры и за Нигерию. Эти совместные усилия даром не пропали: признания приостановились и еще три африканские страны, правительства которых в частном порядке информировали полковника Оджукву о том, что они рассматривают вопрос о признании Биафры, но чья экономика была крайне зависима от долларовой помощи, решили немного подождать.

В пятницу 31 мая сэр Льюис сначала сказал Оботе, а потом и журналистам, что, по мнению его страны, Нигерия полностью убеждена в возможности военного разрешения конфликта, а значит, он понапрасну теряет время и намерен покинуть конференцию. Судя по их отчетам, большинство иностранных корреспондентов уже давно пришли к такому же выводу.

Разочарованный, но все еще не потерявший надежду, сэр Льюис вернулся не в Биафру, а в Лондон, где провел восемь дней

в переговорах с британскими чиновниками. В конце концов, он попросил о встрече с Гарольдом Вильсоном. Вместо этого ему позвонил один чиновник и предложил встретиться с государственным министром по делам Содружества, лордом Шепердом. Сэр Льюис согласился, и они встретились в доме сэра Арнольда Смита.

Лорд Шеперд начал дискуссию крупным ляпом.

Он дал понять, что до сей поры полагал, что биафрцы — это живущее где-то в буше затерянное племя, насчитывающее несколько тысяч человек. Даже закаленные ветераны, вроде сэра Мориса Джеймса, заместителя Постоянного секретаря, были вынуждены, уставившись в окно, скрывать свое замешательство. Таково было первое появление лорда Шеперда на дипломатической арене. Состоялось всего три встречи, во время которых лорд Шеперд подчеркнул, что британское правительство желает прекращения огня и продолжения мирных переговоров. Он спросил, согласится ли Биафра на британское посредничество. Озадаченный тем, что лорд Шеперд до сих пор не уяснил ситуацию, сэр Льюис ответил, что, по мнению его правительства, не может быть и речи о каком-либо посредничестве с британской стороны, пока Британия поставляет оружие Лагосу. В те дни в печати появлялись сообщения об увеличении этих поставок. Подобная точка зрения, казалось, удивила благородного лорда.

Как бы то ни было, лорд Шеперд выступил с неким планом прекращения огня, который сэр Льюис попросил предоставить ему в письменном виде, что и было сделано. В принципе, при сопоставлении с планом Биафры, в них не обнаружилось никаких кардинальных расхождений. Прекращение огня, необходимость присутствия международных сил по поддержанию мира, последующие переговоры для нахождения политического решения — все сходилось. Лорд Шеперд, казалось, был доволен и заявил, что отправится в Лагос, чтобы попытаться достичь там соглашения на основе того, что было уже согласовано между Британией и Биафрой. Он попросил сэра Льюиса задержаться в Лондоне до его возвращения из Лагоса, но тот предпочел вылететь в Биафру, пообещав вернуться, если миссия лорда Шеперда окажется успешной. Лорд вылетел 13 июня, а сэр Льюис на следующий день.

То, что произошло дальше, буквально ошеломило наблюдателей. План лорда Шеперда, если он и был когда-либо представлен в Лагосе, был отвергнут сразу. Для Лагоса политическое решение в форме капитуляции Биафры должно было стать предпосылкой прекращения огня. Неукрощенный лорд вылетел в Калабар, который теперь находился в руках

нигерийцев. Здесь он повел себя крайне необычно для вероятного посредника, произнося речи и «реплики в сторону», из которых стало ясно, что буквально за несколько дней он полностью стал преданным сторонником Нигерии и ее дела.

Встретившись с двумя корреспондентами «Ньюс оф зе Уолд», Томасом и Стенфордом, которые страстно говорили ему о страданиях и деградации людей, свидетелями которых они были на оккупированных территориях в землях Ибибио, особенно в Икот Экпене, лорд Шеперд был удивлен и несколько шокирован. Но вскоре, снова оказавшись в центре внимания, он с наслаждением приветствовал толпу (биафрские агенты в городе потом сообщили, что толпа эта состояла из переодетых солдат Йоруба) и даже оказался в такой ситуации, когда хор приветствовал его серенадой, исполнив лорду псалом «Господь мой пастырь». [33] Неизбежно возникает сравнение с миссией лорда Рансимена в Чехословакию в 1938 году и представлением, устроенном этим нелепым графом в Петровице.

В Лагосе лорд Шеперд сделал еще несколько заявлений весьма пронигерийского характера и уехал, а все шансы на урегулирование при его посредничестве разбились вдребезги.

Больше ничего в этом вопросе британская дипломатия сделать не могла, и хотя потом много говорилось об огромных победах, одержанных в коридорах Лагоса, об уступках, заманчивых соглашениях и многом-многом другом, британское правительство уже было просто неспособно хоть чуть-чуть повлиять на возможность установления мира в Нигерии, кроме того факта, быть может, что та политика, которой она упрямо придерживалась, еще дальше отодвинула эту возможность.

Наблюдатели постоянно задавались вопросом, почему же именно Британия, у которой было так много великолепных дипломатов ранга сэра Хемфри Тревельяна, который так умело действовал в Адене, попав в столь деликатную ситуацию, как конфронтация Нигерии и Биафры, решила ограничить свои усилия тем, что прибегла к услугам лорда Шеперда, который даже не был профессиональным дипломатом.

Следующее предложение пришло из Африки. Император Эфиопии Хайле Селассие уже много месяцев возглавлял в ОАЕ комитет по Нигерии, в который входили представители шести африканских государств. Комитет этот оставался нем с предыдущей зимы, когда генерал Говон предупредил о нежелательности их поездки в Биафру, и они безропотно подчинились. После консультаций с шестью другими главами государств: Либерии, Конго-Киншасса, Камеруна, Ганы и республики Нигер, император созвал конференцию в столице

Нигера Ниамее. Почетным председателем был президент Нигера Хамани Диори. Встреча была открыта в понедельник 15 июля и на следующий день на ней присутствовал Говон. Едва во второй половине дня он улетел домой, как комитет отправил полковнику Оджукву приглашение приехать и изложить свою позицию.

Сначала об этой новости узнали в Биафре по радио, официальное приглашение шло дольше и только к вечеру было доставлено через канцелярию президента Габона — Бонго. На следующий день в четверг полковник Оджукву созвал в Абе давно намечавшуюся пресс-конференцию, на которой изложил два варианта доставки продовольствия в Биафру для облегчения людских страданий. Один путь — по морю и по реке: вверх по Нигеру до порта Огута, который все еще прочно удерживался биафрцами. Другой — интернационализация Порт-Харкорта под нейтральным контролем, и десятимильный коридор оттуда до передовых позиций (к северу от города), где Красный Крест Биафры будет забирать это продовольствие. На той же пресс-конференции у него спросили, поедет ли он в Ниамей. Оджукву с сожалением покачал головой и ответил, что хотел бы, но военная ситуация не позволит.

Однако вечером того же дня ему пришлось изменить это решение. Прибыло послание, в котором особый упор делался на наличие быстроходного транспортного средства, и после поспешно проведенного заседания Исполнительного Совета, Оджукву и небольшая группа делегатов отбыли в первые после полуночи часы 18 июля. Перед рассветом они приземлились в Либервилле, где их засек Брюс Уд, опытный канадский репортер, так что вся история получила огласку.

После завтрака у президента Бонго полковник Оджукву вылетел на север в личном самолете президента Берега Слоновой Кости Уфуэ Буаньи, предоставленном в его распоряжение.

Обращаясь к комитету, полковник Оджукву пустил в ход всю силу своей убежденности и личного обаяния. Были снова выдвинуты предложения об установлении одного или двух коридоров — сухопутного или морского. Была изложена точка зрения Биафры. Комитет, три члена которого представляли правительства, ранее враждебно настроенные по отношению к Биафре, заявил о своем согласии, что повергло в растерянность нигерийскую делегацию.

В пятницу полковник Оджукву покинул Ниамей и улетел в Абиджан для встречи с президентом Уфуэ-Буаньи, с которым провел переговоры один на один. В субботу он вернулся в Биафру, оставив профессора Эни Нджоку в Ниамее, возглавлять биафрскую делегацию. В воскресенье он провел еще одну пресс-

конференцию, на этот раз в непринужденной обстановке сада в Оверри, во время которой выразил сдержанный оптимизм по поводу того, что предстоящая мирная конференция в Аддис-Абебе (Эфиопия) — самый важный итог его визита в Ниамей — сможет привести к положительным результатам.

Тем временем в Ниамее обе делегации обсуждали гуманитарную помощь, вопрос, который с начала июля вызывал во всем мире растущую тревогу. Были согласованы различные подходы к устройству коридора, но когда дело дошло до того, чтобы применить эти критерии к уже сделанным различным предложениям, то стало ясно, что предложенный Биафрой путь по реке был наиболее осуществимым, и по нему можно было перевозить большее количество грузов за более короткое время. К тому же этот путь содержал меньшее количество стратегических неудобств для обеих сторон, его было бы легче охранять от злоупотреблений, чем предложенный нигерийцами сухопутный коридор от Энугу на севере до Авгу. Когда все это стало ясно, нигерийская делегация быстро пошла на попятный, и вот именно тут, объясняя почему вдруг все ранее согласованные критерии стали неприемлемыми, глава нигерийской делегации Эллисон Эйида и высказал свою точку зрения на голодающих детей: «Голод — это законное оружие в войне, и мы собираемся в полной мере использовать его против бунтовщиков».

Начиная с этого момента, Нигерия постоянно шла на попятный в вопросе о доставке гуманитарной помощи в Биафру, так что в дальнейшем мелкие уступки приходилось буквально вырывать у нее, но не при помощи давления или защиты со стороны Британии, а под воздействием растущей волны враждебного общественного мнения, мнения простых людей. Тем не менее, повестка дня для Аддис-Абебы была согласована. На сей раз — чтобы угодить нигерийцам — ее порядок был обратным: политическое урегулирование, во-первых, и прекращение огня, во-вторых.

Конференция в Аддис-Абебе открылась в понедельник 29 июля. Полковник Оджукву накануне ночью вылетел из Биафры прямо в эфиопскую столицу; на этот раз предоставленный опять же Берегом Слоновой Кости самолет, да и сама делегация, были гораздо больше. Как было ясно заранее, генерал Говон отказался присутствовать на конференции, или же его советники отговорили его, сознавая, что сравнение с Оджукву едва ли будет в его пользу.

Первое заседание, на котором оба руководителя делегаций выступили с приветственными речами, было открытым в присутствии представителей глав правительств всех африканских

государств (некоторые из них прибыли лично), всего дипкорпуса Аддис-Абебы, множества наблюдателей и полчища журналистов. Вождь Энахоро попытался удалить прессу, особенно телевизионные камеры, но у него ничего не вышло и он удовольствовался тем, что произнес двенадцатиминутную речь.

Поднялся полковник Оджукву. Он начал с того, что прозвучало как мольба за народ Биафры. Прочитав четыре абзаца, он сказал, что цитирует буквально речь Хайле Селассие в Лиге Наций в 1936 году, после нападения фашистов на Абиссинию. Смысл сравнения был вполне ясен. Он продолжал говорить в течение часа и десяти минут, рассказывая об истории народа Биафры с самых ранних дней, о преследованиях, отторжении и последующих страданиях. Закончив речь, он стал одним из тех немногих в мире, кому стоя аплодировало собрание, состоявшее главным образом из дипломатов. За 70 минут Биафра перестала принадлежать Нигерии, или Африке, или Британии, или Содружеству. Она стала мировой проблемой. Полковник Оджукву в 34 года стал фигурой мирового масштаба, так 24 днями позже, когда его фотография появилась на обложке журнала «Тайм», журналисты словами выразили полученную им овацию.

Но конференция в Аддис-Абебе захлебнулась после того, как погасли яркие огни рекламы. Как и все ее предшественницы, она потерялась в трясине отсрочек, непримиримости и злой воли. В общей сложности работа продолжалась около 5 недель, но внимание мира, то единственное, что может послужить стимулом к работе, было отвлечено советским вторжением в Чехословакию.

И снова целью нигерийской делегации было затягивание конференции. Прекращение огня больше не было актуальным вопросом, потому что 17 августа нигерийская 3-я Дивизия перешла реку Имо и вышла непосредственно к Абе, самому большому городу, еще остававшемуся у биафрцев. К этому времени отношение американского перевозчика оружия Уортона, казалось, изменилось. К югу от Абы биафрские солдаты в обороне имели по 2 патрона в день на человека, а в наступлении — 5. Самолеты с боеприпасами выходили из строя, возвращались назад, сбрасывали грузы над морем. Несмотря на огромные потери в нигерийской армии, Аба был взят 4 сентября 1968 года.

Вскоре все внимание было привлечено к Конференции Глав Государств ОАЕ, намеченной на 14 сентября в Алжире. Из Лагоса командиру 3-й Дивизии шли лихорадочные приказы о необходимости взятия Оверри или аэропорта Ули именно к этой дате. Африканские государства, дружественно настроенные к Биафре, сообщили им, что, готовясь к Алжиру, британская и американская дипломатия ведут неустанную закулисную работу с

тем, чтобы убедить Африку, что с Биафрой покончено. Постоянно оказываемое давление подкреплялось финансовыми приманками. Это сработало.

Комитет по подготовке повестки дня Конференции Глав Государств, заседавший в Алжире с 8 сентября, не включил в повестку дня вопрос Нигерия-Биафра. Конференция началась 14 сентября.

После неудачной попытки захватить аэропорт Ули, 3-я Дивизия 12 сентября перешла в наступление на Оверри. Биафрцы, которым все еще не хватало оружия и боеприпасов (американского контрабандиста, занимавшегося его перевозкой, выгнали, а альтернативный путь все еще был до конца не освоен) противостояли со своей горсткой патронов на человека передовым отрядам броневиков и «Саладинов» британского производства. Оверри был захвачен 16 сентября. На следующий день на алжирской конференции была принята спешно добавленная резолюция, призывающая биафрцев к сотрудничеству с нигерийцами в восстановлении территориальной целостности Федерации, иными словами — к капитуляции.

Поступив подобным образом, эта организация, которая с гордостью считает себя хранилищем совести Африки, умыла руки в наиболее принципиальном деле совести на всем континенте.

Это был надир судьбы Биафры — военный и дипломатический. В эти дни и в последующие недели было трудно найти хоть одного человека, который сказал бы, что с Биафрой еще не совсем покончено. Должно было пройти 100 дней, прежде чем мир понял, что Биафра еще живет, еще борется.

К этому времени положение изменилось во всех аспектах. В Биафре у людей снова поднялось настроение, возродилось доверие, возросло количество уже полученной или ожидавшейся помощи. Войска Биафры контратаковали широко по фронту, первый раз за все время войны. Многие государства, в обход Британии, заявили, что намереваются приступить к активным поискам средств мирного урегулирования. В Нигерии было подписано соглашение с СССР, широко открывавшее дверь для советского проникновения во все области жизни страны. На Севере все сильнее раздавался ропот недовольства эмиров, их не устраивало правление чиновников из этнических меньшинств, которые не смогли выполнить своих обещаний. На Западе шли бунты, стрельба, массовые аресты. В Америке был избран господин Никсон. Провал дипломатии был не столько провалом нигерийских лидеров, чье стремление сохранить свое положение было предсказуемо, но неудачей тех, кто мог бы оказать давление

и заставить их. Ни разу нигерийская делегация не выдала, что главная их убежденность в том, что решение проблемы военным путем было возможно и достижимо, была поколеблена, а те, кто их поддерживал, ни разу не попытались разубедить их в этом. Это был шанс — и они от него отказались.

Проблема геноцида

Геноцид — уродливое слово. Так назвали самое тяжкое преступление, на которое способен человек. Что является геноцидом в современном мире? Какова должна быть степень насилия над народом, чтобы оправдать употребление этого слова? Какая степень преднамеренности необходима, чтобы соответствовать определению геноцида?

После многих лет изучения вопроса юристы мира совместно составили определение, записанное в Конвенции ООН о геноциде, принятой 9 декабря 1948 года. Статья 2 гласит:

В настоящей Конвенции геноцид означает любое из следующих деяний, совершенное с целью уничтожения, полностью или частично национальной, этнической, расовой или религиозной группы, а именно:

а. убийство членов этой группы;

б. причинение тяжких физических или моральных увечий членам этой группы;

в. намеренное изменение условий жизни этой группы, с целью привести ее к полному или частичному уничтожению;

г. навязывание мер, имеющих целью предупреждение рождаемости в этой группе;

д. насильственная передача детей, принадлежащих к этой группе, в другую группу.

Статья 1 гласит, что геноцид, совершаемый как в мирное, так и в военное время по нормам международного права является преступлением, а в статье 4 ясно сказано, что конституционные правители, официальные лица и частные лица могут быть за это привлечены к ответственности.

Ясно, что во время войны людей убивают, и так как все они принадлежат к какой-нибудь национально-этнической, расовой или религиозной группе, то эта статья имеет слишком широкое толкование, и ее навряд ли можно применить на практике. И только слово «намеренное» отделяет обычные потери, неизбежные в ходе военных действий, от преступления — геноцида. Надо доказать, что убивающая сторона заранее имела намерение, или задумала в ходе событий кого-то уничтожить, и что все жертвы принадлежали к одной национальной, этнической,

расовой или религиозной группе.

Есть еще два момента в вопросе о геноциде, которые теперь обычно признаются в международном праве. Первое, что намерение со стороны главы государства, осуществляющего геноцид, не требует доказательств. Какой-нибудь отдельно взятый генерал может приказать своим войскам начать геноцид, и ответственным за это будет Верховный главнокомандующий, если он не способен контролировать свои вооруженные силы. Второе; намеренное истребление руководящих кадров какой-либо расовой группы, рассчитанное на то, чтобы лишить эту группу ее образованной элиты, может считаться геноцидом, даже если большинство населения — беспомощная масса полуграмотных крестьян, оставлено в живых. В подобном случае сообщество может считать, что его кастрировали как группу.

Обвинения, выдвинутые биафрцами против нигерийского правительства и вооруженных сил, касаются их поведения в пяти областях: погромы на Севере, Западе и Лагосе в 1966 году; отношение нигерийской армии к гражданскому населению, с которым они сталкивались во время войны; отношение нигерийских ВВС к выбору своих целей; выборочные убийства на различных захваченных территориях вождей, лидеров, администраторов, учителей, техников и явно предумышленное навязывание голода, который был заранее предсказан иностранными экспертами и который только лишь в 1968 году унес жизни почти 500 тысяч детей в возрасте от одного до десяти лет.

Об убийствах 1966 года было рассказано достаточно. Общепризнано, что размах и массовость убийств придают им характер геноцида, и существует множество доказательств того, что они были спланированы, руководимы и организованы людьми, которые знали, что делали; что центральное правительство никогда не проводило никакого расследования, не последовало никаких наказаний, компенсаций или возмещений, что по закону может рассматриваться, как предполагаемое прощение преступления. Также неопровержимы факты убийства множества гражданских лиц в Биафре, а также Ибо, живших в Среднезападном штате. После ухода войск Биафры со Среднего Запада, в конце сентября 1967 года, после 6 недель оккупации начались убийства живших там Ибо. Выдвинутый в качестве объяснений довод о том, что трудно было различить, кто солдат, а кто гражданский, не выдерживает критики, потому что, как уже пояснялось, войска Биафры выводились всегда до того как 2-я Дивизия нигерийской армии подходила на расстояние выстрела. Свидетелями этих убийств были многие иностранцы, жившие в

разных городах Среднего Запада, и их рассказы широко публиковались в печати многих стран. Достаточно будет нескольких примеров.

«Нью йорк ревью», 21 декабря 1967 года: «в некоторых районах за пределами Восточной Области, которая временно удерживалась биафрскими войсками, таких, как, например, Бенин и район Среднего Запада, местное население убивало Ибо, по меньшей мере, с молчаливого согласия федерального правительства. В Бенине таким образом погибло около тысячи Ибо».

«Вашингтон Морнинг Пост», 27 сентября 1967 года: «после захвата федеральными войсками Бенина солдаты северяне, проведя повальный обыск, убили около 500 гражданских-Ибо».

Лондонский «Обсервер», 21 января 1968 года: «самое большое количество народа за один раз было убито в городе Асаба, населенном Ибо, где выстроили в ряд 700 мужчин-Ибо и расстреляли».

«Нью-Йорк Таймс», 10 января 1968 года: «говоновский кодекс поведения остался только темой федеральной пропаганды. Очищая Среднезападный штат от войск Биафры, нигерийцы, по сообщениям, либо сами убили, либо стояли и смотрели, как убивала толпа, более пяти тысяч в Бенине, Варри, Сапеле, Агборе и Асабе».

Асаба, о котором говорится в статье «Обсервера», расположенный на западном берегу реки Нигер, был полностью Ибо-населенным городом. Здесь убийства начались после того, как биафрские войска ушли по мосту обратно в Биафру. Покойный монсеньор Жорж Рошо, посланный Его Святейшеством Папой с целью сбора фактов, побывал и в Биафре, и в Нигерии. В Асабе, который уже был в руках нигерийцев, он разговаривал со священниками, которые были тогда в городе. 5 апреля 1968 года монсеньор Рошо дал интервью французской вечерней газете «Монд», в котором сказал: «Это был, несомненно, геноцид, например во время резни 1966 года. Два района тяжело пострадали (в результате боев). Прежде всего территория между Бенином и Асабой, где остались только вдовы и дети. По неизвестной причине федеральные войска вырезали всех мужчин».

По словам очевидцев этой резни, нигерийский командир приказал уничтожить каждого Ибо мужского пола старше 10 лет.

Убийства на Среднем Западе не имеют ничего общего с нигерийскими военными усилиями. Биафрцы считали, что это была только предварительная репетиция того, что еще должно было случиться.

Дело в том, что подавляющее большинство Ибо, населяющих Средний Запад, остались там, где они жили, даже после ухода войск Биафры, из-за приказа Банджо, в котором говорилось, что ни они, ни их родичи-Ибо с другого берега Нигера, не совершили ничего такого, что могло бы повлечь за собой репрессии. Если бы они воспользовались вооруженным биафрским присутствием для причинения вреда живущим в их области не-Ибо, то тогда они просто бы удрали с отступавшими биафрцами.

Потом были еще убийства в Калабаре (Биафра). Альфред Френдли пишет в «Нью Йорк Таймс» от 18 января: «Говорили, что в Калабаре, а это порт в отделившемся районе, который недавно занят федеральными войсками, солдаты расстреляли по меньшей мере тысячу, а может и две, Ибо, в большинстве своем гражданских лиц… Некоторые из убитых были из племени Эфик, одного из этнических меньшинств, являющихся, по утверждению Лагоса, лояльными сторонниками федерализма, а не отделения».

Эти сообщения только поверхностным образом знакомят с тем, что случилось. Я намеренно ограничился сообщениями иностранных корреспондентов, однако записанные свидетельства беженцев теперь насчитываются тысячами страниц. С осени 1967 года количество Ибо, живших на Среднем Западе, катастрофически сократилось. Калабар был последним городом, где Ибо остались после ухода войск Биафры, поверив в то, что с ними ничего не случится. Теперь они уходили почти все без исключения. Очень немногие со страхом вернулись назад через много месяцев. Но все города Биафры, которые теперь заняты нигерийцами, и даже те, которые пали среди первых, по сравнению с тем, чем они были раньше, напоминают города-призраки.

Можно продолжать цитировать отчеты многочисленных корреспондентов о том, что они видели, и что им рассказывали, но это ни к чему. Во время рейдов по нигерийским тылам вместе с биафрскими десантниками я видел целые районы брошенных деревень, разбитых ферм, разграбленных домов, сожженных жилищ и по обочинам дорог — тела убитых крестьян, настолько опрометчивых или медлительных, что их поймали на открытом пространстве. Убийства гражданских лиц затронули не только земли Ибо. Также сильно пострадали народы Эфик, Калабар, Ибибио и Огони, о чем говорится в докладах их посланцев к полковнику Оджукву.

Все эти убийства не были случайным срывом, первой реакцией армии, которая была охвачена опьяняющим восторгом победы или мстительным унынием поражения. Исполнение было

слишком единообразным, слишком методичным для этого.

Так продолжалось после того, как 3-я Дивизия полковника «стреляй во все, что движется» Адекунле перешла реку Имо и продвигалась вперед. Когда вместе с биафрскими разведчиками я побывал в Акве, я видел трупы обитателей расположенного там лагеря беженцев. Около 500 истощенных фигур, которые уже один раз в своей жизни бежали на юг. Их захватили врасплох и уничтожили. К югу от Абы, в деревнях Убуте и Озата, мы наткнулись еще на два сообщества, застигнутых врасплох, прежде чем они могли убежать. Мужчинам перед расстрелом связали руки, женщин, если судить по их внешнему виду, искалечили или до или после смерти. Разорванные пулями тела детей, похожие на сломанные куклы, лежали в высокой траве.

В Ониче в марте 1968 года я был вместе с 29 биафрским батальоном, когда он преследовал передовые части 2-й Дивизии по главной дороге к городу. Там 300 прихожан Апостольской церкви, которые после того, как все убежали, остались, чтобы молиться об избавлении, вытащили из церкви и прикончили.

Одна женщина, притворившись мертвой, выжила. Потом ее лечил другой англичанин, доктор Ян Хайд.

На войне обязательно есть невинные жертвы, случайные эксцессы, бессмысленные зверства, совершаемые простыми солдатами. Но редко примеры подобного скотства были даны на такой большой территории и таким количеством армейских подразделений.

Свидетельств тех, кто выжил в Биафре, становится все больше и больше, но за пределами Биафры их игнорируют, как часть универсального зла — пропагандистской машины Оджукву. Группа иностранных наблюдателей, собранная вместе по предложению британского правительства, сопровождала федеральных солдат во многих секторах и составила отчет, в котором говорится, что они не нашли свидетельств геноцида. Целью этой инициативы было обелить режим Говона, и она была достигнута, потому что выводы этой группы широко публиковались, и с этих пор на их основе делалось множество заявлений в британской палате Общин.

Но миссия эта была также недоказательна. Не найти свидетельств преступления, когда тебя привели на место преступления те, кто его совершил, такое едва ли убедит и курсанта полицейского училища. А в том, что касается свидетельств в суде, то когда человека обвиняют в убийстве, защите нет смысла представлять свидетелей, которые говорят, что ничего не видели, особенно если их направляет обвиняемый. Свидетельства тех, кто что-то видел, почти полностью

игнорировались миром, который предпочел ничего не знать.

Свидетельства Ибо, Эфиков, Калабаров, которые видели и выжили, нельзя было так легко проигнорировать. Свидетельства, из-за которых повесили нацистских преступников, не исходили от немногих наблюдателей, сопровождавших вермахт. 90 % этих свидетельств принадлежат выжившим жертвам: евреям, русским, полякам и т. д. Их свидетельства не были отвергнуты Нюрнбергским трибуналом как еврейская пропаганда. Из всего остального — 9 % приходится на нацистские документы и едва ли 1 % на исповеди тех, кто был на германской стороне.

В таких местах, как Средний Запад и Биафра, где очень много европейцев, занятых в осуществлении различных проектов, не многое может случиться так, чтобы они об этом не знали. Тогда закономерно возникает вопрос: почему, кроме нескольких врачей и священников, мало кто что рассказал. Ответ скорее всего будет таким же, как и во всех тех случаях, когда очень трудно выявить свидетелей — ситуация, в которой часто оказывались полицейские всех стран. Очень многие люди не хотят быть втянутыми в историю, тем более, если подобное вовлечение может привести к каким-либо санкциям. Вообще говоря, европейское население обоих районов делится на три категории.

Бизнесмены, которые готовы в частной беседе за выпивкой рассказать о том, что они видели в своем районе, но которые поспешно добавляют: «Не для публикации, старина. Моя фирма окажется в затруднительном положении, если это когда-нибудь выйдет наружу».

Большинство таких бизнесменов работает на фирмы, имеющие интересы по всей Нигерии и опасающиеся репрессий, если их служащие начнут выступать в печати с историями, оскорбительными для Федеральной армии.

Чиновники, которые обычно очень хорошо знают о том, что происходит в районе их службы, от них мало что ускользает. Они тоже робки, потому что, не будучи самостоятельными людьми, рассчитывают на получение пенсии после отставки, и едва ли их устроит вылететь с работы на середине карьеры и разорвать контракт из-за нескольких разоблачительных абзацев в газете.

Третья группа — это священники. Эти люди очень хорошо знают свои приходы, и даже после того, как они покидают свой приход, прихожане все еще отыскивают их, чтобы рассказать о том, что происходит на недавно занятой территории. Во внутренних районах Биафры священники откровенны в частных беседах, но редко готовы выступить в печати. Инстинкт священника — охранить, но тогда он должен хорошенько подумать, что случится с его паствой, если его самого изгонят. В

чем его истинный долг — перед своими прихожанами или перед мертвыми. Высказавшись откровенно, он может поставить под удар свой Орден, спровоцировать его изгнание из страны, и возможно этот священник приходит к выводу, что лучше послужит прихожанам, оставшись с ними, если даже это означает, что он должен молчать.

Даже у тех священников, которые находятся в Биафре, есть личные письма от священников, продолжающих свою полную опасностей миссионерскую деятельность под контролем нигерийской армии, в которых их просят не быть слишком откровенными. Священники, и в особенности католические, это разветвленная по всей стране сеть людей, которые знают все, что происходит. Позиция Ватикана удивила и ранила нигерийское правительство, которое явно не сумело понять, что у Ватикана теперь есть хорошо документированное досье о том, что происходит на всей оккупированной территории Биафры.

Может быть, будет уместно здесь коснуться и контрутверждений. Когда разные районы, населенные меньшинствами, были заняты нигерийской армией, нашлись люди, которые выступили с заявлениями о том, что Ибо устраивали жестокие погромы этнических меньшинств.

Эти рассказы вызвали на Западе некоторое волнение, и доставили истинное удовольствие экстремистам, поддерживающим нигерийское правительство. Рассказывалось о сотнях людей, которых заставляли рыть себе могилы перед расстрелом, что скорее было похоже на то, как действовали нацисты в Восточной Европе. Римско-католические приходские священники (европейцы) некоторых приходов, где якобы имели место эти убийства, находятся сейчас в неоккупированной Биафре. Один из них сказал мне: «Я тогда был там. Было бы абсолютно невозможно, чтобы случилось нечто подобное, а никто в приходе не знал ничего. Я бы без сомнения знал обо всем. Но я твердо уверен, что ничего подобного не случилось».

Один старший священник того же Ордена добавил: «В этой стране ничего не может произойти так, чтобы очень скоро об этом не узнали приходские священники. Мы каждый день посещаем самые отдаленные места, чтобы исповедовать прихожан, и при этом узнаем еще и местные сплетни. Не один приходской священник, а весь Орден быстро узнал бы все подробности. Если бы случилось что-то подобное, я бы тут же отправился к полковнику Оджукву».

Трудно представить, зачем двум пожилым ирландцам стараться скрыть подобные вещи, если только они не опасались репрессий. Но те, кто знал полковника Оджукву, были уверены в

том, что руководитель Биафры отнюдь не тиран, который преследует священников, и что любая попытка причинить вред Римско-Католической церкви в Биафре означала бы конец подобного тирана.

О выборочных убийствах лидеров общин есть свидетельства биафрских очевидцев. Они рассказывали о казнях учителей, вождей, старейшин во многих местностях, но главным образом там, где проживали меньшинства — отчасти потому, что были главным образом захвачены эти территории, а отчасти и потому, что Ибо уходили вместе с армией, не надеясь на милосердие. Сообщения о подобном выхолащивании гражданских сообществ пришли из Икот Экпене, Уйо и Аннанга (район проживания Ибибио), Дегемы, Брасса и Бонни (народность Риверс. Короли Бонни — Опобо и Калабари находятся сейчас в изгнании вместе с полковником Оджукву), Калабара (народы Эфик и Калабар), Угепа, Итигиде и Ндиба (районы проживания Экои, Игбо и южных Огоджа), Огони и Икверра, где живут народы, носящие такие же имена. Во многих случаях эти казни задумывались как публичные, и жителей деревни сгоняли на главную площадь смотреть на них. Что характерно, большинство беженцев из районов, населенных этническими меньшинствами, перешли через линию фронта в неоккупированную Биафру после многих дней и недель оккупации.

Война в воздухе обязательно полна противоречий. Гражданские лица всегда были жертвами бомбардировщиков и истребителей, поражающих наземные цели. Со времени Герники мир привык к карательным налетам бомбардировщиков на гражданские цели. Во II Мировой войне бомбардировщики воюющих сторон днем и ночью разбивали в пыль города противника, хотя обычно эти города были также и индустриальными центрами. Бомбежка не может быть слишком уж точной, даже при использовании радиолокационных приборов. Но то, что делали нигерийские ВВС, экипированные советскими самолетами, которые зачастую пилотировались египтянами, превзошло все мыслимые пределы. Самолеты очень редко использовались для поддержки своих войск или против биафрских наземных сил. Когда такое случалось, бомбардировщики предпочитали летать на больших высотах, вне пределов досягаемости пехотного оружия, и сбрасывать бомбы наугад, а это означало, что обычно они падали в буш. Сходным образом в Биафре редко наносились удары по защищенным целям стратегического характера — мостам, железным дорогам, казармам, складам, потому что поблизости всегда был либо «Бофор», либо пулемет.

Воздушная война по большей части велась против гражданского населения. Слишком часто раздавался в небе рев моторов, и низколетящие бомбардировщики или истребители сбрасывали свой груз прямо туда, где было много людей, так что это не могло быть ни ошибкой, ни случайностью. Высоко ценились такие цели, как госпитали (или все, что угодно, помеченное знаком Красного Креста, как, например, аэропорт в Обилагу), густонаселенные города, церкви по воскресеньям, рыночные площади в полуденное время. Известно, что в Африке на рынках в основном собираются женщины с детьми, привязанными за спиной. На рынке в Авге 17 февраля 1968 года один бомбардировщик меньше чем за минуту умудрился убить 103 человека. В Агулери, в октябре, 510 человек потеряли свои жизни. Точное количество подобных налетов теперь невозможно подсчитать, но в их результате убито более 5 тысяч человек, а многие тысячи остались калеками на всю жизнь.

Постоянные заверения генерала Говона, что для бомбежек выбираются только военные цели, свидетельствуют о том, что ВВС он контролирует не больше, чем армию. Несмотря на периодические спады активности, воздушные налеты продолжались все время, пока шла война. В Умуахье, пока писалась эта книга, МИГ-17 и ИЛ-28 прилетали 6 раз в течение Рождественской недели, в нарушение предложенного генералом Говоном перемирия, убив больше ста и ранив еще 300 человек бомбами, ракетами и огнем из пушек.

Но может ли использование самолетов и взрывчатых веществ против беспомощных гражданских лиц, для того чтобы убивать, сметать с лица земли госпитали и внушать слепой ужас, считаться составной частью геноцида, об этом господа юристы все еще спорят.

«Есть мнение, что это (массовый голод) неотъемлемая и вполне допустимая часть войны», — заявил на пресс-конференции в Нью-Йорке в июле 1968 года нигерийский комиссар по делам информации Энтони Энахоро, считающийся одним из самых влиятельных политиков Лагоса. Две недели спустя, на мирных переговорах в Ниамее, республика Нигер, глава нигерийской делегации отказался от дальнейшего рассмотрения критериев осуществимости коридора для доставки продовольствия, сказав: «Голод — это законное оружие в войне, и мы намерены использовать его против бунтовщиков».

Эти два утверждения, высказанные людьми, входящими в руководство страной, вполне могут считаться выражением ее политической линии. А последнее из них одновременно является выражением философии и намерения. То, что произошло потом,

нельзя считать печальным, но неизбежным производным войны. А случилось то, что несмотря на наличие вблизи от Биафры достаточного количества запасов продовольствия, наличия транспортных средств для его доставки до нуждающихся людей, 500 тысяч детей, беременных женщин и кормящих матерей умерли от недоедания, истощения и сопутствующих им болезней. Это было описано в другой главе.

Но нет сомнений в том, что технически просто было бы доставить продовольствие в эти районы, расположенные далеко за передовыми позициями федеральной армии. Международные агентства предоставляли корабли, самолеты, вертолеты, грузовики и технический персонал. Но очень скоро все эти специалисты начинали горько сетовать на невозможность работать при таком отношении к ним нигерийской армии. Корабли захватывали, самолеты реквизировали, продовольствие для голодающих выгружали, чтобы дать место оружию, солдатам и боеприпасам. Мешки с продовольствием оказывались в федеральных окопах или же их продавали на черном рынке. Некоторые сотрудники благотворительных организаций в знак протеста подали в отставку.

По иронии судьбы, в последнюю неделю октября 1968 года, когда ночные рейсы в районы, все еще удерживаемые биафрцами, по-прежнему технически нелегальные, наконец поставили проблему недостаточности питания под контроль и спасли по крайней мере на время жизнь еще остававшихся в живых детей, Гарольд Вильсон признал, что трудности при доставке помощи наземным путем даже на нигерийских территориях, возникают из-за обструкции федерального правительства.

Теперь о той заключительной фразе в Конвенции ООН по геноциду, где говорится о «национальной, этнической, расовой или религиозной группе». Не может быть больших сомнений в том, что биафрцы — все равно рассматривать ли их как нацию, или как отдельные расовые группировки — подходят под это определение. Что касается «преднамеренности», упомянутой в статье 2, то здесь ситуация сложнее. Преднамеренность не так просто доказать, поскольку дело касается того, что происходит в мозгу человека, если только мысли эти не зафиксированы на бумаге.

Тем не менее, преднамеренность может быть выявлена, за неимением других внушающих доверие объяснений. Судья может сказать арестованному, которого собирается судить: «Я не могу поверить в то, что вы не понимали… есть много свидетельств тому, что вы знали, какие последствия повлекут за собой ваши действия… несмотря на неоднократные предупреждения вы не

сделали ничего, чтобы предотвратить или остановить… и т. д.» Подобные фразы можно часто услышать в суде, и по закону преднамеренность может быть подобным образом доказана. Поджигатель не сможет оправдаться тем, что не хотел причинить вред людям, после того как он намеренно поджег здание и убил всех, кто находился внутри. Это в какой-то мере относится и к генералу Говону, который заявляет, что ничего не имеет против Ибо — все равно каких — руководителей или простых людей, и который в то же время не способен предпринять никаких действенных мер для того, чтобы изменить поведение своей армии, которое на многих в мире произвело просто шоковое впечатление.

Но время от времени доказательства преднамеренности все-таки выходят на свет Божий, однако проговариваются не отдельные исполнители, а политики, чиновники или контролируемые правительством пропагандистские средства массовой информации федералистов.

Докто Конор О'Брайен 21 декабря 1967 года: «К несчастью, эта (т. е. Говона) просвещенность на высшем уровне не распространяется слишком широко. Передавали высказывание одного офицера полиции Лагоса, который в прошлом месяце сказал, что «количество Ибо нужно здорово сократить» (Нью Йорк Ревью).

Джордж Т. Орик в книге «Мировая игра в опеку»: «Гражданские лица в Биафре знают, что почти 10 тысяч человек, не принимавших участия в военных действиях, были за последнее время убиты федеральными войсками в районах боев; поэтому их не удивляет противоречие между тем, что говорится в федеральных радиопередачах из Лагоса, обещающих безопасность, и в гораздо более реалистических передачах радио Кадуны в Северной столице, которое обсуждало окончательное решение проблемы Ибо и мрачно перечисляло имена лидеров Ибо, обреченных на уничтожение. Если свирепые биафрцы не подают и признаков того, что собираются сдаваться, то это потому, что уж они-то, по крайней мере, знают, что сражаются за свою жизнь».

Главной песней-радиопозывными радио Кадуны, которое контролируется правительством, была песнь на языке Хауса. В переводе она звучит так: «Пойдем и уничтожим их. Мы разграбим их добро, изнасилуем их женщин, убьем их мужчин и оставим их рыдать. Мы довершим погромы 1966 года».

Эдмунд Шварценбах, «Сюис Ривью оф Эфрика», февраль 1968 года: «Беседа с одним из самых импозантных министров позволила гораздо лучше понять политические цели

федерального правительства. Министр обсуждал вопрос о реинтеграции Ибо в будущем государстве… Целью войны и решением, собственно говоря, всей проблемы, — сказал он, — будет проведение в будущем политики дискриминации по отношению к Ибо, в их же собственных интересах». Составляющей подобной политики, кроме всего прочего, будет отделение от восточной Области тех нефтеносных территорий, на которых Ибо не проживали ко времени начала колониального господства (1900 г.), по границам предполагаемого разделения на 12 штатов… Кроме того, для Ибо «свобода передвижений будет ограничена, чтобы предотвратить возможность их нового проникновения в другие районы страны… о том, чтобы оставить Ибо выход к морю в какой бы то ни было форме, — заявил министр, — нет и речи».

Ссылка на предполагаемый план разделения на 12 штатов показывает, что эта беседа, вероятно, состоялась перед тем, как Восток откололся от Нигерии.

В начале войны один опытный канадский журналист сказал автору: «Я на той неделе разговаривал с Энахоро и спросил его, позволят ли после войны Ибо перемещаться по Нигерии. Он ответил: Армейские парни сказали мне, что не позволят, чтобы больше чем 50 тысяч Ибо когда-либо еще жили за пределами Восточно-Центрального штата».

Можно провести интересное сравнение с тем, как немцы при Гитлере обращались с евреями. Нацистский план для евреев Германии состоял не из одного, а из трех этапов. Во-первых, дискриминационное законодательство, лишение права на работу и гражданских прав, сопровождающиеся широкомасштабными преследованиями, грабежом и жестокостями. Во-вторых, устройство гетто и полностью еврейских общин, и перемещение этих сообществ на места нового поселения в восточных районах Рейха. В-третьих, окончательное решение путем введения каторжных работ для тех, кто способен работать, и уничтожение тех, кто работать не способен.

В случае Биафры два первых этапа схожего плана были уже завершены, поскольку территория восточных поселений была на самом деле исконным местом проживания Ибо и родственных им народов. Разница же с их точки зрения в том, что они привезли в эти районы оружие и стали защищать себя, к явному возмущению их преследователей. Но даже самые сдержанные и незаинтересованные иностранцы в Биафре давно отбросили всякие сомнения в том, каковы при нигерийской оккупации шансы Ибо на выживание как отдельной этнической группы.

Писателю было бы слишком самонадеянно присваивать себе

функции следствия или суда. Свидетельства, приводившиеся в этой книге, да и все свидетельства вообще, это все еще только вершина айсберга. Прежде чем будет нарисована полная картина происшедшего, понадобятся усилия профессиональных следователей в рамках независимого следственного трибунала; эта гора документов должна быть изучена специалистами по праву, прежде чем можно будет вынести решение суда. Но даже так можно только констатировать существование дела «при отсутствии доказательств в пользу противного».

Однако на этом этапе некоторые выводы можно сделать с абсолютной уверенностью. Первое, в любом случае, нигерийское военное правительство и его глава — Верховный Главнокомандующий — не могут избежать ответственности перед законом. Второе, дела подобного рода уже можно возбудить против конкретных нигерийских армейских командиров за побуждение к явным и многочисленным случаям массовых убийств, далеко превосходящих военную потребность. Третье, обвинение в геноциде слишком серьезно, чтобы распространяющуюся на весь мир власть, которой облекли ООН страны, подписавшие конвенцию, попросили подождать, пока будет проведено расследование post factum, или вовсе не будет проведено никакого расследования. Если эта Конвенция является чем-то большим, чем ненужный клочок бумаги, то чтобы начать расследование, достаточно просто разумного подозрения о том, что осуществляется геноцид. Такое разумное подозрение появилось много месяцев назад, и Объединенные Нации нарушают данную ими самими клятву, воплощенную в статье 1, до тех пор, пока отказываются начать расследование.

И наконец, последнее. Что бы ни сделали нигерийцы, британское правительство Гарольда Вильсона добровольно стало его сообщником. Поскольку с декабря 1968 года и речи больше не могло быть о нейтралитете, активном нейтралитете, неведении или о руке помощи дружественному государству, то вовлечение стало окончательным.

Журнал «Спектейтор», обычно не увлекающийся гиперболами, в редакционной статье 31 мая 1968 года писал: «Впервые за всю нашу историю Британия стала активной сообщницей в преднамеренном уничтожении сотен тысяч мужчин, женщин и детей, чьим единственным преступлением было то, что они принадлежали к запрещенной нации; короче говоря, сообщницей в геноциде. И британский народ вместе с инертной оппозицией отвел глаза и позволил правительству без помех следовать его постыдным путем».

Роль прессы

Вообще говоря, мировая пресса честно освещала войну Нигерии и Биафры. Теме этой, выражаясь на журналистском жаргоне, понадобилось некоторое время, чтобы «вылезти на поверхность».

На начало войны приходится краткий период активности, когда журналисты на неделю, наскоками, приезжали в Биафру. Кроме всего прочего, африканские войны — это не та тема, которую легко «продать» редактору международных новостей, потому что эти люди в общем-то знают, что их читатели по горло сыты насилием в Африке.

Большинство мировых средств массовой информации находится в руках белых: они производят большинство газет, журналов, радио- и телепередач, и все это, главным образом, производится для потребления белых.

Пресса в Азии и Южной Америке все еще имеет узко местный характер и сообщает ограниченное количество зарубежных новостей, получая эту информацию от международных агентств печати. В Африке едва ли есть газеты в том виде, в каком они существуют в Европе и Северной Америке, так что распространение новостей происходит в основном по радио. Эфир забит передачами из Британии, Америки, Египта, СССР и Китая, и в каждой из них излагается собственная правительств этих стран точка зрения на события.

Весной 1968 года для большинства населения Европы и Северной Америки война была делом, давно забытым. Появлялись некоторые статьи, очень мало глубоких оценок и время от времени в течение недели печатали как рассказ с продолжением одну-единственную статью — верный признак того, что газета послала на место событий репортера и не хотела зря тратить средства. Но подобная статья, конечно, не затрагивала сознания нации, и не вызывала особой реакции за пределами Нигерии.

Затем, в середине апреля, Биафру посетили четыре репортера ведущих британских газет: Уильям Норрис из «Таймс», Уолтер Партигтон из «Дейли Экспресс», Ричард Халл из «Гардиан» и Норман Киркхем из «Дейли Телеграф».

Они попали под бомбежку, когда в Абе в результате налета нигерийских ИЛ-28 было убито больше 80 и ранено около сотни человек. Неожиданное, дикое насилие в жаркое и мирное обеденное время. Вид обычной улицы, в течение нескольких секунд превращенной в покойницкую, вид тел, разорванных на куски — все это потрясло журналистов. Все четверо написали

крайне выразительные репортажи о налете, а двое из них самим тоном своих рассказов дали понять, что они обо всем этом думают. В Британии общественность впервые осознала, что происходит, именно после этих репортажей.

В середине мая появилась моя собственная статья в «Санди Таймс», но вызвала мало интереса. Это был результат десяти недель, проведенных вместе с армией Биафры, часто с отрядами десантников, которые проходили по нигерийским тылам и наносили неожиданные молниеносные удары. Это дало мне возможность увидеть собственными глазами, как обращались с гражданским населением-Ибо нигерийские солдаты. Впоследствии в Лагосе генерал Говон резко опроверг то, что я написал, но по прошествии времени это мое описание стало лишь одним из многих свидетельств иностранцев, которые своими глазами видели, что происходило.

Перелом наступил в июне. Именно тогда корреспондент газеты «Сан» Майкл Липмен ездил по Биафре, и стали видны первые признаки голода и недостаточности питания у множества детей. Липмен это заметил, и «Сан» несколько дней подряд на многих страницах публиковала его рассказ. Наконец-то Биафра попала на первые полосы газет. И покатилось. Биафрцев, которые в Лондоне добивались поддержки своего дела, вдруг выслушали. В Парламенте были снова заданы гораздо более настойчивые вопросы не только о возможности оказания гуманитарной помощи Биафре, но и о британских поставках оружия Нигерии. Подул штормовой ветер. Журналисты начали толпами стекаться в Биафру, отчасти для того, чтобы написать о страданиях детей, а отчасти и для того, чтобы поискать «другие аспекты» проблемы. То, о чем они написали, потрясло мир. Через два месяца после Британии, пробудился интерес Западной Европы. Протесты выразили все главные организации, ответственные за формирование общественного мнения — от Железного Занавеса до залива Гелуэй.

К осени тысячи британцев и европейцев работали для Биафры, страны, которую они никогда не видели, и с людьми которой они никогда не встречались. Они собирали деньги, устраивали демонстрации, голодовки, платили за целые страницы газетных объявлений, читали лекции, обрабатывали парламентариев, призывали к действиям.

Британское правительство было вынуждено отвечать на все более и более враждебные вопросы, дважды обсуждать проблему в палате Общин, раздавать опровержения, обещания, объяснения, пожертвования. Несмотря на уверения — сначала в том, что в случае еще одного массированного наступления или новых

«ненужных смертей» в Биафре, Британия будет вынуждена прибегнуть «к большему, чем простой пересмотр политики», а потом на новые заверения в том, что все это, в конце концов, было просто в интересах биафрцев — стать жертвами политики — Парламент на эти убеждения не поддался.

Чехословакия, Бельгия, Голландия заявили, что не будут больше поставлять оружие Нигерии, и отменили уже принятые заказы. Италия, слова не говоря, спокойно вышла из игры. Америка заявила, что никогда и не поставляла никакого оружия (что было неправдой). Франция и Западная Германия заявили то же самое о себе (что было правдой).

В Базеле (Швейцария) демонстрации протеста против действий британского правительства заставили прервать Неделю Британии. На Даунинг стрит в знак протеста были разбиты окна. Когда оглядываешься назад, кажется странным, что несмотря на все усилия биафрцев — публицистов и лоббистов — этот перевод дела Биафры из разряда Богом забытой войны где-то в буше в проблему мирового масштаба был, главным образом, результатом работы пишущих машинок и многократно использованной полоски целуллоида. Это показало, как огромна власть печати, как могут воздействовать на общественное мнение совместные выступления печатных органов. В основном освещение событий было честным. Некоторые сообщения были слишком экспансивны, в некоторых допускались неточности в том, что касалось фактов, некоторые были сентиментальны или саркастичны. Репортеры, главным образом, излагали факты и предоставляли авторам передовиц нажимать на превосходные степени, как в общем-то и должно быть. Радиостанции, вещающие на Африку, главным образом правительственные, чьей задачей является выражение точки зрения правительства, были склонны в своей подаче новостей ориентироваться на Нигерию. Странно, но оказалось, что «эксперты» по Западной Африке ошиблись: лучшее освещение новостей принадлежало обыкновенным репортерам, которые описывали то, что видели. Большинство ветеранов Западно-африканского региона сначала предсказывали быструю победу Лагоса и были безнадежно обмануты. Забавно читать задним числом все сообщения этих корреспондентов. В первые дни тех немногих, очень немногих, кто предполагал, что война, похоже, продлится долго и будет кровопролитной, да так в конце концов ни к чему и не приведет, а, кроме всего прочего, еще и чревата опасными перспективами иностранного вмешательства и последующей эскалации, считали либо наивными дураками, либо приверженцами Ибо.

А потом эти ветераны прибегали иногда просто к

акробатическим выкрутасам, стараясь объяснить, почему Нигерия не смогла добиться быстрой победы. Враждебность начала проскальзывать в сообщениях самых сдержанных журналистов, враждебность, неизменно направленная на высокомерный народ, который продолжает сопротивляться судьбе, которую для них уготовили.

Дело в том, что все эти репортеры ориентированной на истеблишмент прессы слишком тесно связаны с сильными мира сего, от которых они получают основную информацию в порядке дружеской услуги. Истеблишмент Лондона и Лагоса решительно поддерживал Нигерию. Корреспонденты, сновавшие между Министерством по делам Содружества и правыми партиями, с одной стороны, и между офисом вождя Энахоро и коктейль-баром отеля «Икойи», с другой, скорее могли поверить в то, что им говорилось, чем немного побегать и самим разузнать, что же происходит. Кроме всего прочего, будучи конституционными созданиями status quo и не имея желания оставить свое уютное существование на окраине дипломатической галактики, эти джентльмены предались столь односторонним сообщениям, что вполне можно предположить, что они скорее искали самооправдания, чем пытались реалистически оценить ситуацию.

Двумя заметными исключениями являются Уолтер Шварц, корреспондент газеты «Гардиан» по Западной Африке, и Майкл Липмен, корреспондент газеты «Сан» по странам Содружества. Они доказали, что можно писать сбалансированные и объективные статьи, и хотя ни один из них полностью не становился ни на чью сторону, оба говорили такие вещи, которые (хотя и не было сомнений в полной искренности их мнений) не доставляли Удовольствия ни той, ни другой стороне. По иронии судьбы, оба этих корреспондента остаются персонами grata в обеих странах.

Но особо отличившимся органом массовой информации стала заграничная служба Би-Би-Си, а именно африканский ее отдел. Все время пока продолжалась война, слушателей, да и некоторых сотрудников этой службы, поражало количество и разнообразие предвзятых суждений в этих программах. Комментарии типа редакционных вольно перемежались с тем, что, как предполагалось, было сообщением новостей из Лагоса, так что очень скоро большинство тех, кто в Биафре — и белых, и черных — вечером слушал Би-Би-Си утвердилось во мнении, что в освещении ими событий был весьма сильный пронигерийский крен. Передавались живописные отчеты о событиях, которые, как считалось, произошли в самой Биафре, и которые никогда не происходили: говорили о взятии нигерийцами городов задолго до

того, как в них входили нигерийские войска, и некоторые далеко идущие предположения делались явно на основе обыкновенных сплетен или сверхоптимистических надежд нигерийских властей. Например, после того как полковник Оджукву (верующий католик) в 1968 году на неделю удалился в монастырь, начали говорить, что он бежал из страны или стал жертвой переворота. По другому поводу описывалась якобы имевшая место в Умуахье народная демонстрация в честь Чжоу Энлая. Ни в одном из сообщений не было ни грамма истины, но у неинформированного слушателя невольно должно было сложиться впечатление, что правда была на стороне Нигерии, а Биафра была во всем виновата и постоянно находилась на грани краха. За все это время уровень передач иностранной службы постоянно падал и был гораздо ниже всех стандартов журналистики, ожидаемых от Би-Би-Си, и которые она сама считает своей отличительной чертой.

Результатом было широко распространившееся отвращение к этим передачам среди биафрцев и равное разочарование среди британцев, живущих в стране. Для последних, во всяком случае, отношение редакторов Дома Буша к Биафре объяснялось тем, что ежегодный бюджет Би-Би-Си формировался не из денег держателей патентов, а платежей из казны, через МИД и Министерство по делам Содружества.

Одним заметным исключением была серия репортажей, переданных из Нигерии Джоном Осменом, корреспондентом Би-Би-Си для стран Содружества. Умный и честный репортер, Осмен дал объективный и сбалансированный отчет и за это был изгнан из Порт-Харкорта полковником Адекунле, после яркого проявления буйного темперамента последнего.

Заключение

В конце концов, размах и перспективы нигерийско-биафрской войны обеспокоили не только правозащитные группы, но и могущественные правительства, которые с запозданием увидели, какими опасностями в будущем она чревата. Они начали понимать, что ситуация содержит в себе зародыш опасности не только для Биафры, но также и для Нигерии и всей остальной Западной Африки.

Теперь только и говорят, что о поиске путей мирного урегулирования, и те, кто в свое время сделал все возможное и невозможное, чтобы поддержать идею чисто военного решения вопроса, крайне неубедительно протестуют и говорят, что они всегда были только за установление мира путем переговоров.

Что касается Биафры, то их позиция проста. С самого начала

войны они заявляли, что рассматривают проблему как чисто гуманитарную, а следовательно, разрешимую не военными, а только политическими методами.

Они постоянно выдвигали предложения по прекращению огня, возможно потому, что находились в основном на «принимающей» стороне войны. Но каковы бы ни были побудительные причины, Биафра выступает за прекращение войны.

В этом вопросе основная трудность заключается в настроении народа Биафры. Когда они вышли из Нигерии, ими владели три чувства: чувство отверженности, недоверия к Лагосскому правительству и страха перед уничтожением. Ко всему этому прибавилось еще одно чувство — более неукротимое, более глубокое и, следовательно, более опасное. Это чувство ненависти, чистой, острой и мстительной. Некоторые из тех, кто сейчас говорит о мире, особенно в Уайтхолле, кажется, пребывают во мнении, что за последние 18 месяцев ничего не изменилось. Напротив, изменилось все. И дело не в том, что армия «бумагомарак» превратилась во внушающую страх военную машину, и не в том, что она получила в свое распоряжение большее количество оружия. Дело в настроении народа, который видел, как вся страна была разорена, как угасали и умирали их дети, как тысячами смерть косила их молодежь. Уступки, которых можно было добиться в начале войны, если бы была занята твердая позиция и предложено посредничество, больше невозможны.

Вполне вероятно, что в середине лета 1967 года можно было сохранить по крайней мере некую конфедерацию Нигерии, в которой между добровольными партнерами существовали бы экономические связи, достаточные для того, чтобы пользоваться всеми экономическими преимуществами Федерации. Навряд ли это возможно сейчас, по крайней мере в ближайшее время. Бесполезно людям в серых формах говорить о преимуществах единой, объединенной, гармонической Нигерии, и лгать, что этого не желает Биафра. Слишком много крови было пролито, слишком много причинено и испытано страданий, слишком много жизней истрачено попусту, слишком много слез пролито и слишком много накопилось горечи. Теперь ни у кого в Биафре нет иллюзий по поводу того, как поведут себя биафрцы, если они когда-нибудь снова получат военную власть над своими нынешними мучителями. И никто не верит, что когда-нибудь в обозримом будущем нигериец сможет без оружия и без охраны пройти среди биафрцев. Теперь единственным возможным следствием навязанного военным путем «единства» может быть

только полная военная оккупация — по всей видимости навсегда, за которой неизбежно последуют восстания и репрессии, кровопролитие, бегство людей в буш и голод. Несовместимость этих двух народов теперь стала абсолютной.

Выразителем чаяний народа Биафры стала Консультативная Ассамблея и Вспомогательный Совет Вождей и Старейшин, а они в этом мнении едины.

Полковник Оджукву не может пойти против их воли или — по этому вопросу — их просьбы. И неважно, что его столько раз обвиняли в непримиримости и упрямстве.

С нигерийской стороны положение более сложное, потому что у нигерийского народа нет права голоса. Их газеты, радио и ТВ либо контролируются государством, либо издаются людьми, знающими, что критические замечания в адрес правительства, высказанные вслух, не лучший способ сохранить здоровье. Интеллектуалы — или диссиденты, или эмигранты, как Пит Энахоро и Таис Соларин, или сидят в тюрьме, как Воле Шойинка. С вождями, которые обычно вернее всех выражают мнение простых людей, никто не консультируется.

Интересно, а что бы случилось, если бы генерал Говон в своей военной политике был вынужден следовать советам некой консультативной ассамблеи, в которой было бы сильное представительство от фермерских сообществ, ученых, профессоров, профсоюзов, деловых кругов и женщин, потому что именно эти слои населения сегодня все сильнее страдают от продолжения войны.

Но генерал Говон может обойтись и без консультаций: недавно он счел, что имеет право использовать огнестрельное оружие против демонстрации сборщиков какао в Ибадане.

В результате народ Нигерии стал нем. То, что они думают на самом деле, неизвестно тем миротворцам, которые вынуждены довольствоваться общением с небольшой группой людей, больше заинтересованных своей карьерой, чем благосостоянием своего народа. Как доказывает недавнее открытое приглашение СССР принять большее участие в будущем Нигерии, это вполне так и может быть.

До сих пор режим этот упрямо придерживался той точки зрения, что военное решение не только возможно, но и неизбежно, и что возврат к нормальному положению вещей произойдет буквально сразу же после окончательной победы. Но пример Энугу, который они взяли уже почти год назад, и который до сих пор остается призрачным, раздавленным городом, опровергает эту теорию. Нигерийское правительство заявило, что любое прекращение военных действий зависит от неких условий,

на которые должна согласиться Биафра, в качестве основы для ведения переговоров. Но сами эти условия настолько широки, что на самом деле являются теми самыми пунктами, по которым и должны, собственно, идти переговоры: т. е. будущее Биафры, условия объединения с Нигерией, допустимый потенциал самообороны и т. д.

Условием для прекращения Нигерийской армией огня является полная и безусловная капитуляция Биафры, которая связанной по рукам и ногам будет отдана на волю нигерийского правительства. Режим Говона так и продолжает верить в то, что только военное решение сможет дать окончательный ответ на все вопросы.

Но наряду с этим растет и еще одна опасность. Никакая политика, до сих пор проводимая западными правительствами, не привела к установлению мира. Большинство этих правительств, кажется, предпочло воздержаться по настоянию Британии от вмешательства, приняв во внимание тот факт, что Содружество в основном входит в британскую сферу влияния, и уверенные, что все это все равно скоро кончится.

Политика британского правительства потерпела крах, все объяснения и оправдания оказались основанными на ложных предпосылках. Даже заверения в том, что подобная политика усилит влияние Британии на нигерийское правительство, и это влияние можно будет использовать затем для установления мира, оказались самообманом. Британия не только не усилила свое влияние (а ведь она когда-то была могущественным советником в нигерийских делах), но и доказала свое бессилие. По иронии судьбы, ястребы, которых Британия вскормила, теперь чувствуют себя достаточно сильными, чтобы поискать новых друзей, тогда как правительству Вильсона, не желающему это признать, не хватает храбрости либо самим что-то сделать, либо дать возможность действовать другим державам.

Нынешняя неразбериха была на руку только СССР, который теперь сможет еще больше усилить свое проникновение в жизнь Нигерии. Трудно предположить, что они так уж близко к сердцу принимают интересы нигерийского народа, потому что продолжение войны и им на руку, ибо правительство Нигерии все больше оказывается у них в долгу.

По существу, вероятно, никто не сможет найти выход из нынешнего тупика до тех пор, пока нигерийское правительство не осознает, что его собственные интересы и необходимость прекращения огня стали синонимами. Подобной перемены во взглядах можно добиться только рядом дипломатических инициатив, сделать действенными которые под силу только

великим державам.

В случае, если обе стороны проявят желание прекратить огонь, этот процесс должен пройти под наблюдением либо сил по поддержанию мира, либо какого-то международного по составу органа или — что предпочтительнее — Державы-протектора, приемлемой для обеих сторон. Только на этой основе может стать успешной любая гуманитарная помощь, достаточная по объему.

Когда начнется процесс возврата к нормальному положению, необходимо будет провести переговоры для определения формулы установления длительного мира. В настоящее время кажется невозможным, что какая-либо подобная формула может оказаться успешной, если в ее основе не заложена четко выраженная воля народа. Это предполагает проведение в какой-либо форме референдума, по крайней мере среди этнических меньшинств, чья судьба стала одним из ключевых моментов нынешней войны.

Мало кто всерьез полагает, что у государства Биафра в пределах только Иболенда, который сегодня в Нигерии носит название Восточно-Центрального штата, отрезанного от моря и со всех сторон окруженного Нигерией, есть много шансов на выживание. А нигерийцы одним из опорных столпов своей доктрины сделали предположение, что не-Ибо, живущие в тех местах, которые теперь в Нигерии называют Юго-Восточным штатом и штатом Риверс, Ибо против их воли принудили к участию в отделении. Этот вопрос стал настолько острым, что его нужно хорошенько исследовать. Пока что только генерал Говон отказывается от этого, хотя следует признать, что нынешние обстоятельства отнюдь не благоприятствуют проведению референдума. И все-таки, если бы он был сейчас проведен, то выиграла бы Нигерия, потому что ее армия оккупирует эти земли, а миллионы людей, принадлежащих к этническим меньшинствам и поддерживавшие Биафру, стали беженцами в неоккупированной зоне. И все равно, условия для проведения референдума следует создать до того, как он будет проведен, способом, который не вызовет возражений ни с той, ни с другой стороны.

В идеале подобная операция должна проводиться под наблюдением державы-протектора, при условии, что федеральные войска останутся на все это время в казармах.

Но каковы бы ни были предположения и расчеты, сегодня все они являются чисто спекулятивными и такими и останутся, до тех пор, пока не решен вопрос о прекращении огня. Но не будет спекулятивным заверение в том, что по состоянию на конец 1968 г. народы, живущие к Востоку и Западу от Нигера, стали абсолютно несовместимы, и в ближайшем будущем нужно будет

хоть как-то разделить их, чтобы избежать нового кровопролития.

Чем дольше откладывать принятие этих мер, тем хуже станет положение, глубже — ненависть, более неукротимым — гнев и мрачными — предзнаменования.

Пост Постскриптум

В течение первых трех месяцев 1968 года обстановка в Биафре едва ли вообще изменилась. Обе армии все еще ведут ожесточенные бои, нехватка продовольствия, по свидетельствам таких очевидцев как профессор Гарвардского университета Джин Майер и сенатор-республиканец от штата Нью-Йорк Чарлз Гуделл, означает, что Биафра стремительно движется ни к чему иному, как к массовому голоду. Нет никаких изменений и в политике британского правительства.

С чисто военной точки зрения за три месяца, с 1 января по 31 марта 1969 года, у Биафры были и некоторые потери, и некоторые приобретения. В течение первых 2 месяцев биафрцы следовали своей новой военной доктрине «окружай и обходи», избегали крупных столкновений с нигерийцами и только отражали их атаки с заранее подготовленных оборонительных позиций, а сами ограничивались уничтожением изолированных передовых отрядов нигерийцев, устраивали помехи на дорогах, по которым шло их снабжение и окружали главные места сосредоточения их войск. Так окружение 4 тысяч солдат федеральных войск в Оверри, законченное как раз перед рождеством 1968 года, удалось сохранить после тяжелых боев вдоль главной дороги из Порт-Харкорта в Оверри. В начале февраля нигерийцы прорвали блокаду на пять дней, и нескольким грузовикам удалось прорваться в город. Однако биафрцы восстановили свой контроль за дорогой, и нигерийцам пришлось сбрасывать продовольствие своему гарнизону с самолетов. Дальше на восток вокруг Абы тактика биафрцев была той же самой.

По возвращении из Биафры господин Уинстон Черчилль в марте сказал автору, что биафрцы возили его в деревню Эбери, примерно в 10 милях к юго-западу от Абы. Это была поразительная новость, потому что в конце августа автор видел как Уильямс, Эразмус и тысяча их десантников шаг за шагом оттеснялись от Эбери, в то время как III федеральная дивизия полковника Адекунле безжалостно продвигалась к северу. И то, что биафрцы не только вернулись в Эбери, но и смогли привезти туда на грузовике иностранного корреспондента, означало, что хотя бы в одном районе они продвинулись значительно дальше

25 миль от тех позиций, которые занимали в конце сентября.

То, что биафрцы находятся так близко к Азумини, в 14 милях к юго-востоку от Абы, служит признаком того, что они пользуются все той же тактикой, что и при окружении Оверри: удар с обеих сторон с обхватом по флангам, за которым следует нанесение решающего удара по главной дороге для того, чтобы перерезать линии коммуникаций.

Дальше на севере обстановка сложилась для биафрцев не так благоприятно. С 30 сентября 1968 года, т. е. в течение почти 6 месяцев, нигерийцы были больше заняты укреплением не знаменитой III дивизии, а менее мобильной Второй, располагавшейся в Энугу, Первой — в Ониче.

В начале марта 2 Дивизия одновременно атаковала в направлении к западу от Авки и к востоку от Оничи, заделав таким образом десятимильную брешь в районе дороги, чего им не удавалось сделать в течение предыдущих 12 месяцев. Биафрцы контратаковали и отбили этот участок дороги. В конце месяца за обладание этим последним 68-мильным участком дороги из Энугу в Оничу все еще шли ожесточенные бои. В последнюю неделю марта I дивизия предприняла сильнейшее наступление из Окигви, явно намереваясь взять Умуахью. Вполне возможно, что это наступление было специально рассчитано по времени так, чтобы совпасть с визитом Вильсона в Нигерию, но была и еще одна вероятная причина — начало сезона дождей. К середине апреля ежегодные муссоны приносят долгие дожди, которые продолжаются до октября. Полковник Оджукву рассчитывал именно на муссоны, чтобы помешать ночным бомбардировкам аэропорта Ули и парашютированию продовольствия, с помощью которого 4 тысячи усталых федеральных солдат гарнизона Оверри могли сохранить свои жизни. Дожди должны были размыть грунтовые дороги, по которым в сухой сезон могли пройти передовые отряды британских бронемашин, но которые становились непроходимыми в сезон дождей. Нигерийцы не хуже полковника понимали, что надо опередить дожди, которые биафрцы любили, потому что они помогали обороняющимся, а нигерийские солдаты, находившиеся за много миль от дома, начинали ненавидеть.

В эти же 100 дней произошел еще один — очередной — взрыв интереса к Биафре в Парламенте, прессе и обществе Британии, и у тех немногих журналистов, которые в почти полном одиночестве до сих пор придерживались того мнения, что военное решение проблемы невозможно, появились новые союзники. «Брешь доверия» была расширена Уинстоном Черчиллем. С поручением от «Таймс» написать серию новых

репортажей и статей он прибыл сначала в Нигерию, а потом в Биафру. Вернувшись оттуда, он потом признал, что после посещения Нигерии был совершенно убежден, что гражданские центры и лагеря беженцев не подвергались постоянным бомбардировкам и что число жертв голода было очень преувеличено. Это убеждение, сказал он, появилось у него под влиянием настойчивых заверений британского Верховного Комиссара в Лагосе, сэра Дэвида Ханта, и британского военного атташе полковника Боба Скотта. Но несколько дней, проведенных в Биафре, явились как бы толчком. Господин Черчилль пришел к выводу, что никто в британских официальных кругах и представления не имеет о том, что происходит на самом деле. Он стал первым журналистом, у которого хватило храбрости сказать (в первом же репортаже), что ему стыдно признать, что он попался на удочку ложной информации, подсунутой ему в Лагосе.

Его статьи вызвали в Британии переполох, породив огромное количество статей, писем и ответов. Они осветили ту атаку, которая была предпринята с Флит-стрит против британского Верховного Комиссариата в Лагосе и министерства иностранных дел и по делам Содружества в Уайтхолле отдельными журналистами, которые рассказали, что они видели в Биафре и к каким выводам — и они, и многие другие — пришли. В своей передовице от 12 марта «Таймс» жаловалась на «мелочную кампанию против господина Черчилля» и в заключение осуждала попытку скрыть факты голода, бомбежек и смертей путем «опорочивания отдельных личностей».

На следующий день в письме к издателю «Таймс» Майкл Липмен рассказал, как один чиновник из Министерства по делам Содружества позволил себе позвонить редактору одной провинциальной газеты и предостеречь его против того, что может сказать Липмен после трех поездок в Биафру и одной в Нигерию. Далее господин Липмен мельком упомянул о том, что он слышал, что было высказано предположение о том, что он брал деньги от Оджукву за свои статьи.

Одним из проявлений заинтересованности в Британии (после репортажей господина Черчилля, хотя писал он в основном о постоянных бомбежках, о которых уже писали неоднократно) был возросший интерес к проблеме в Парламенте, достигший своей кульминации в третьих по счету дебатах по этому вопросу, которые состоялись 20 марта. Это было еще одно упражнение в пустой болтовне. Обсуждения главных вопросов — о посылке британским правительством оружия в район гражданской войны, или для поддержки военной диктатуры с целью причинения

страданий биафрскому народу, тщательно избегали.

Консервативная партия, если судить по некоторой неинформированности ее представителей, казалась либо не имеющей никакого мнения по данному вопросу, либо готовящей умную оппозицию правительству по тому единственному вопросу, в котором могла бы получить некоторую поддержку от заднескамеечников собственной партии господина Вильсона.

Но в самом начале дебатов Вильсон заявил, что сам поедет в Нигерию. Скептическое отношение к необходимости такого личного появления и его практической полезности явно проявилось как в палате Общин, так и в печати. Но поскольку накануне визита корреспонденты предположили, что Вильсон, может быть, не против после Нигерии полететь в Биафру, чтобы увидеть Оджукву (и другую сторону медали), то появился проблеск надежды на то, что британское правительство наконец-то решило рассмотреть проблему во всех ее аспектах, а не только в той части, которая соответствовала их собственным сложившимся убеждениям.

Явно надеясь на это, полковник Оджукву пригласил господина Вильсона приехать в Биафру, хотя для того, чтобы сделать подобное предложение, ему с большим трудом пришлось преодолевать оппозицию внутри страны, сопротивление самой идее приглашения человека, которого так искренне ненавидело население Биафры.

Оптимизм был преждевременным, поскольку предложение полковника Оджукву повергло в замешательство британский официальный мир. Было известно, что Вильсон хотел вернуться в Лондон, чтобы рассказать палате Общин о своих впечатлениях. Но возникло приглашение от Оджукву, и стало трудно представить, как господин Вильсон может поехать в Биафру, увидеть то, что он несомненно увидит и рассказать о том, что он видел, да сделать это в то же время таким образом, чтобы все рассказанное соответствовало его собственной предыдущей политике и высказываниям его коллег. Проблема была сложной, но решили ее быстро.

В «Санди Таймс» от 30 марта господин Войн, сопровождавший премьера в поездке по Нигерии, успокоил обескураженных читателей. «Между прочим, — писал он, — господин Вильсон никогда и не намеревался посещать территории раскольников».

В «Санди Таймс» от того же числа Николас Кэррол дал читателям то, что может послужить прекрасным объяснением краткой реплики его коллеги: «И все-таки, каким бы — по необходимости — поверхностным ни был визит господина

Вильсона, он видел вполне достаточно того, что подтверждало все, что он уже слышал от своих хозяев и своих собственных советников».

1 апреля 1969 года.

notes

1

Уолтер Шварц. «Нигерия». Лондон, 1968, стр. 86.

до 1962 года — Национальный Совет Нигерии и Камеруна.

3

«Нигерийская революция». Эфрикен Уорлд, март, 1966.

4

12 февраля 1966 года.

5

Беседа с автором в Энугу. Июль, 1976 года.

6

Свидетельские показания о событиях в Ибадане и казармах Икеджа содержатся в военных архивах Генштаба национальной обороны, Умуахья, Биафра.

7

Проблемы нигерийского единства: пример Вост. Нигерии, стр. 28.

8

Стенограф. отчет о заседаниях Высшего Военного Совета, Абури, Гана, 4–5 января 1967 г. стр. 45.

9

Меморандум, представленный делегацией Северной Области на Расширенной Специальной Конституционной Конференции, открывшейся в Лагосе 12 сентября 1966 г. Полностью цит. в кн. «Север и конституционное развитие Нигерии», стр. 23.

Там же, стр. 25.

«Западная Африка», 24 декабря 1966 г.

12

Идейные Вожди Запада» впервые собрались при режиме Иронси для того, чтобы давать советы всем Военным губернаторам по местным вопросам и настроениям. Они состояли из ведущих личностей различных профессий в бизнесе, торговле, управлении, а также вождей и старейшин. Но они назначались губернаторами, поэтому Оджукву предпочитал советоваться с избранными народом членами Консультативной Ассамблеи, органа, подобного которому нигде больше не существовало.

13

«Нигерийский кризис», т. 6, стр. 11 — 15

Шварц, op cit. стр. 227

15

Ссылки на это есть в «Файненшл таймс» от 9.8.67, «Бирмингем пост» от 15.8.67, «Таймс» от 3.1.68, Официальном отчете о заседаниях английского парламента (ООЗАП) от 22.7.68. кол. 68.

ООЗАП, 29.1.1968, кол. 599 и 600.

17

ООЗАП. 16.5.68. кол. 1397 и 1398.

18

ООЗАП. 2.3.1966. Кол. 316

19

ООЗАП. 12.6.68. Кол. 290

20

ООЗАП. 12.6.68. Кол. 289–290.

21

ООЗАП. 22.7.1968. Кол. 106

22

БиБиСи. Сводка мировых передач, часть 4Б. неарабская Африка. ME/26 77/Б12.

23

ООЗАП. 27.8.1968. кол. 754–755.

24

Речь в Кадуне. 24 ноября 1967 г. Би-Би-Си, Сводка о мировых радиопередачах; неарабская Африка, ME/2631/B/2.

25

Джордж Кнапп. «Аспекты биафрской проблемы». Лондон, 1968, с. 27, 28, 53 и 54.

26

ООЗАП. 20 июня 1967. кол. 1376.

ООЗАП.25.1.68. кол. 4378.

28

ООЗАП. 13.2.68, кол 90–91

29

ООЗАП. 21.5.68, кол 266

«Вчера в парламенте». Дейли Телеграф, 23.10.1968.

31

«Дейли телеграф». 8.7.68

32

Отец Кевин Дохени, Орден Святого Духа в Оклуальской миссии, август 1968 года, автору.

33

«Шеперд» — Пастырь (англ.).